

Михаил Александров

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СТАЛИНА

Канберра

Австралийский национальный университет

1995

СОДЕРЖАНИЕ

[Предисловие](#)

[Глава 1. Истоки внешнеполитической философии](#)

[Глава 2. Опыт китайской стратегии](#)

[Глава 3. Формирование внешнеполитической доктрины](#)

[Заключение](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность Сталина настолько противоречива и многогранна, даже по-своему загадочна, что исследователи, наверное, еще долго будут спорить о том, как оценивать его роль в российской и мировой истории. Но, что бы ни говорили о нем критики любых политических оттенков, ясно одно - внешняя политика Советского Союза тридцатых-сороковых годов оказала столь внушительное влияние на ход мировых событий, что ни замолчать, ни обойти вниманием этот период просто невозможно. Естественен, следовательно, и интерес к личному вкладу Сталина в разработку, формирование и осуществление внешней политики в то время, когда он находился во главе партии и государства.

Невольно задаешься вопросом, в чем состоял секрет успеха сталинской дипломатии. Ведь

именно он, начав игру в чрезвычайно невыгодных обстоятельствах, вывел Россию из политической изоляции, а затем превратил ее в сверхдержаву, способную успешно конкурировать с объединенной мощью промышленно-развитых стран Запада вместе взятых. Внешняя политика Сталина кардинально преобразила всю международную систему нынешнего столетия. Ее последствия продолжают влиять на современные международные отношения, предопределяя действия политических руководителей многих стран мира. Поэтому личность Сталина не перестает приковывать к себе внимание не только историков, но и практикующих политиков и экспертов, ответственных за выработку текущих внешнеполитических решений.

Хотя с момента смерти Сталина прошло чуть более сорока лет - срок по историческим меркам совсем небольшой - литература, опубликованная о нем, достаточно обширна. Казалось бы, все вопросы уже подняты, все ответы найдены. Какой смысл возвращаться к этой теме? Не лучше ли закрыть ее и обратить академические взоры на менее исследованные проблемы. Но чем больше углубляешься в изучение литературы о Сталине, тем больше убеждаешься, что последнее слово о нем еще не сказано и, вряд ли, будет сказано в ближайшем будущем. Дело в том, что сразу же после его смерти фигура Сталина оказалась в центре острой политической борьбы, как внутри СССР, так и в международном контексте. Последние политические тенденции свидетельствуют о том, что эта борьба не только не идет к затуханию, но вновь усиливается. Именно в результате политической заангажированности большинства авторов, писавших и продолжающих писать о Сталине, трудно ожидать более или менее объективного освещения его мировоззрения и политики.

В предшествующие годы в литературе о Сталине объективно сложились четыре исследовательские школы: советская официальная, троцкистская, антикоммунистическая и традиционалистская. Импульсом к созданию советской официальной школы послужил известный доклад Хрущева на 20-ом съезде КПСС. Он же заложил основные методологические установки этой школы. В рамках данной методологии было выдержано большинство публикаций о Сталине, выходивших в СССР в догорбачевский период. В целом соответствует этой школе и многотомная монография Д.Волгонова, опубликованная уже на закате "перестройки"¹. Среди сторонников советской официальной школы из западных авторов можно назвать канадца К.Н.Камерона².

Существо подхода, отстаиваемого советской официальной школой, сводится к тому, что Сталин действовал в общем и целом в соответствии с марксистско-ленинской доктриной. Это рассматривается как плюс. Но у него были отдельные "отступления" от марксизма-ленинизма, серьезные "ошибки". К последним относят обычно нарушение принципа коллективного руководства, культ личности, репрессии против коммунистов. Этому, естественно, дается однозначно негативная оценка. Причем то, что рассматривается как политические просчеты Сталина, объясняется, главным образом, "отступлениями" от марксизма-ленинизма, в то время как достижения и успехи приписываются следованию марксистско-ленинской доктрине.

В отличие от советской официальной, троцкистская школа придерживается несколько иной

точки зрения. Она считает, что так называемые "ошибки" Сталина не были поверхностным явлением, "отступлением" от марксизма-ленинизма, а представляли собой принципиальное изменение политического курса, "ревизию" марксизма-ленинизма, "термидор", "бюрократический переворот". При этом подспудно проводится мысль, что не будь этого изменения в политике, окажись во главе партии и государства "чистые" марксисты-ленинцы, вроде Троцкого, Зиновьева или Каменева, то негативных явлений удалось бы избежать, а развитие СССР, да и всей мировой цивилизации пошло бы по более благоприятному варианту. Наиболее видным представителем этой школы является, естественно, сам Троцкий, написавший о Сталине и его политике целый ряд работ. Из других крупных биографов Сталина к троцкистской школе можно отнести И.Дейчера, а в бывшем СССР неофициального историка Р. Медведева и сына видного революционера-троцкиста А.Антонова-Овсеенко³.

Основные послышки антикоммунистической школы довольно незамысловаты. Ее главный тезис состоит в том, что Сталин досконально проводил в жизнь марксистско-ленинскую (коммунистическую) доктрину, а его так называемые "ошибки" - вовсе не ошибки, а результат "антигуманной" природы самой доктрины. Вся деятельность Сталина в рамках этой школы трактуется резко негативно. Основы антикоммунистической школы были заложены представителями русской белой эмиграции. После окончания второй мировой войны эстафета была подхвачена западными историками либерального направления. Среди последних можно назвать Дж. Мерфи, Ф.Рэндалла, Дж. Льюиса и Ф.Уайтхеада, Алекса де Жонга, Р.Конквеста, а также ряд других авторов⁴.

Традиционалистская школа интересна тем, что она строит свою методологию на принципе исторических параллелей. Личность Сталина рассматривается в общем потоке русской истории. Такой подход позволил исследователям данной школы прийти ко многим правильным наблюдениям и выводам. И это вполне объяснимо, ибо традиции русской государственности, безусловно, присутствовали в политическом процессе сталинской России. В этом нет ничего удивительного, поскольку традиции являются неотъемлемым атрибутом развития любого государства. Как бы полностью по-новому ни пытались действовать те или иные лидеры, от традиций им никуда не уйти, так как народ, с которым им приходится иметь дело не может в одночасье отбросить прежние традиции, если вообще можно говорить о такой возможности как полное отбрасывание традиций.

В то же время в рамках традиционалистской школы не удалось создать целостную, логически связанную картину политической философии Сталина. Получилась некая фрагментарная личность, одни стороны деятельности которой могли быть объяснены при помощи аналогий, а другие - нет. Именно неспособность дать объяснение тому новому, уникальному, что присутствовало в политической доктрине Сталина, и составляет главный недостаток традиционалистской школы. К исследователям традиционалистского направления можно отнести Я.Грэя, Б.Суварина, А.Ноува и Р.Такера⁵.

Несмотря на значительную разницу в методологии и идеологической ориентации авторов, для

всех из вышеперечисленных школ характерна одна общая черта. Каждая из них в большей или меньшей степени является политически заангажированной. Если взглянуть, например, на советскую официальную школу, то нельзя не увидеть ее связи с той политической борьбой, которая развернулась в партийных верхах после смерти Сталина. Инициатор этой школы Хрущев, сделав заявку на верховную власть в стране, умело использовал жупел "сталинизма" для разгрома своих более авторитетных политических противников. Этот прием позволил Хрущеву совершить почти невозможное - отстранить от власти людей, имевших гораздо больший, чем он опыт партийной и государственной работы, людей с дореволюционным стажем - Молотова, Ворошилова, Кагановича. Тридцать лет спустя к этой же тактике прибег и М. Горбачев, который наклеивал ярлык "сталинистов" буквально на всех, не согласных с его политическим курсом.

Троцкистскую школу составили в основном бывшие сторонники и единомышленники Троцкого в Коминтерне, международном рабочем движении и в самой КПСС. Эта школа вплоть до начала девяностых годов вела свою собственную войну. Задним числом она пыталась разрешить в свою пользу тот исторический спор, который уже был решен на полях идеологических битв второй половины двадцатых годов. Тогда победа осталась за Сталиным. Но троцкисты не хотели признавать поражения и еще долгие годы вели шаманский "бой с тенью". Понятно, что, стремясь доказать свою правоту, они были не очень разборчивы в средствах.

Вполне очевиден и предвзятый характер антикоммунистической школы, особенно расцветшей на Западе в годы "холодной войны". Эта школа умело использовала то, что советская пропаганда называла "ошибками" Сталина, а троцкисты "ревизией" марксизма-ленинизма, для дискредитации коммунистической доктрины как таковой. Между тем, главная цель этой школы - подрыв влияния коммунистической идеологии - очень часто не совпадала с задачами научной объективности. В результате многие факты и события получили поверхностную, неглубокую интерпретацию, а зачастую были просто сфальсифицированы.

Что касается сторонников традиционалистской школы, то они по своим идеологическим пристрастиям (это следует отличать от метода исследования) примыкали либо к троцкистской, либо к антикоммунистической школам. В первом случае они на основе традиционалистского подхода пытались доказать "ревизию" Сталиным марксизма-ленинизма. Во втором - чисто российское, "не западное" происхождение этой доктрины.

Все перечисленные причины предопределили тот факт, что автор настоящей работы не посчитал возможным присоединиться ни к одной из вышеназванных школ. При подготовке исследования он делал основной упор на документальные источники - работы самого Сталина, материалы Коминтерна, документы внешней политики СССР. Более осторожно автор подходил к использованию мемуарной литературы, стараясь сопоставлять оценки и наблюдения очевидцев различной политической ориентации. Что касается исследовательской литературы, то она использовалась преимущественно в целях привлечения обширного фактического материала. При этом автор избегал следовать за сложившимися сюжетами интерпретаций тех или иных мотивов действий Сталина, придерживаясь своей собственной версии. Это однако не

исключало упоминания некоторых интересных оценок, высказанных другими исследователями.

При написании данной работы автор исходил из того, что именно **внешнеполитический аспект** является ключом к пониманию и объяснению всей системы политических взглядов Сталина. В этом плане автор солидарен с Р.Такером, который считает, что "в сталинской политической программе требования внешней политики во "враждебном капиталистическом окружении" были основными"⁶. К сожалению, автору так и не удалось обнаружить ни одной специальной работы, посвященной сталинской внешнеполитической доктрине. В исследованиях биографического характера внешнеполитическая проблематика освещается лишь фрагментарно и сводится, главным образом, к перечислению общеизвестных фактов и событий. Попытки проанализировать теоретические взгляды Сталина на внешнюю политику не предпринимаются. В работах по советской внешней политике сталинского периода отсутствует анализ личного вклада Сталина в ее разработку, формирование и осуществление. Советская внешняя политика рассматривается как некая обезличенная постоянная величина на всем протяжении существования Советского Союза как государства. В итоге вопрос о том, в чем состояло существо внешнеполитической доктрины Сталина и была ли у него такая доктрина вообще, пока остается без ответа.

Некоторые историки вообще склонны считать, что при принятии решений Сталин руководствовался преимущественно интуицией. Другие выводят сталинскую внешнеполитическую философию из марксизма-ленинизма (с определенными отступлениями или без таковых). Третьи полагают, что Сталин действовал на основе исторического прецедента. По мнению автора настоящей работы, Сталин имел свою собственную оригинальную внешнеполитическую доктрину, отличную от марксизма-ленинизма и связанную с ним исключительно использованием одноподобной терминологии. Доказать это не просто прежде всего потому, что в сверхидеологизированном обществе, каковым являлся Советский Союз, выражение особенностей своих взглядов было затруднено для всех, включая высших руководителей страны. Куда бы ни поворачивалась стрелка политического компаса, любой такой поворот должен был быть объяснен в рамках официальной идеологии с использованием марксистско-ленинского понятийного аппарата. Отделение зерен от плевел вообще не легкий процесс. В случае со сталинской внешней политикой он требует концентрации на косвенных признаках, а также на конечном результате. Необходимо максимально абстрагироваться от той формы, в которой Сталин излагал свои взгляды. Только так можно проникнуть в существо сталинской доктрины. При таком методе исследования важное значение имеет рассмотрение эволюции внешнеполитических взглядов Сталина, начиная с того момента, когда в них обозначились некоторые особенности, отличавшие его действия, поступки, позиции от программных и руководящих установок коммунистической партии и в более широком смысле от представлений и понятий, господствовавших в большевистской среде. Этому в основном и посвящена первая глава настоящей работы.

Во второй главе автор рассматривает стратегию Сталина в Китае в период национальной революции 1925-1927 годов. Анализ этой стратегии важен тем, что для Сталина она явилась по сути первым опытом самостоятельной работы на целостном внешнеполитическом

направлении. Поэтому в китайской стратегии впервые особенности сталинской внешнеполитической философии преломились в практической плоскости. К тому же, практический опыт, приобретенный Сталиным во время вовлеченности в китайские дела, послужил основой для дальнейшей эволюции его взглядов в области внешней политики, сыграл важную роль при формировании его внешнеполитической доктрины.

Наконец, в третьей главе, автор проводит сжатый логический анализ сталинской внешнеполитической доктрины, как она сформировалась во второй половине двадцатых - начале тридцатых годов. Показываются существенные отличия этой доктрины от внешнеполитических аспектов марксистско-ленинской теории и тех оппозиционных течений, которые присутствовали в тот период во внутрипартийной борьбе. В заключении автор дает краткую характеристику системе философских взглядов, на которой, по его мнению, основывалась внешнеполитическая доктрина Сталина.

Примечания

1. См: Волкогонов Д. Триумф и трагедия. М.: АПН, 1989.
2. See: Cameron K.N. Stalin: The Man of Contradiction. Toronto: NC Press, 1987.
3. See: Deutcher I. Stalin. London: Oxford University Press, 1961; Antonov-Ovseyenko A. The Time of Stalin. N. Y.: Harper & Row, 1981; Медведев Р.А. К суду истории. N.Y.: Alfred Knopf, 1974.
4. See: Murphy J.T. Stalin. London: John Lane, 1945; Randall F.B. Stalin's Russia. N.Y.: The Free Press, 1965; Lewis J. and Whitehead Ph. Stalin: A Time for Judgement. London: Methuen, 1990; Alex de Jonge. Stalin and the Shaping of the Soviet Union. Glasgow: Fontana, 1987; Conquest R. Stalin. N.Y.: Viking, 1991.
5. See: Grey Ian. Stalin: Man of History. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979; Souvarine B. Stalin. N.Y.: Longmans, 1939; Nove A. Stalinism and After. Boston: Unwin Hyman, 1989; Tucker R.C. Stalin in Power. 1928-1941. N.Y.: Norton & Co, 1990.
6. Tucker R.C. Stalin in Power. 1928-1941. N.Y.: Norton & Co, 1990. P.45.

Глава 1. Истоки внешнеполитической философии

**ЗА
СТАЛИНА**

[На главную страницу](#)

Глава 1

ИСТОКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Основоположники марксизма-ленинизма К.Маркс и Ф.Энгельс писали по вопросам внешней политики довольно много. В основном это были критические статьи, обличавшие дипломатию капиталистических государств. Особую неприязнь они испытывали ко внешней политике России. Энгельс даже написал специальную статью, посвященную внешней политике русского царизма¹. С другой стороны, ни Маркс, ни Энгельс не оставили у своих последователей сколько-нибудь ясного представления о том, какой должна быть внешняя политика будущих социалистических государств. Видимо, это объяснялось тем, что и тот, и другой не считали, что какая-либо внешняя политика вообще потребуется в будущем коммунистическом обществе. По их мнению, социалистическая революция могла произойти лишь одновременно во всех или нескольких основных передовых странах.

Впервые данный вывод был сформулирован Энгельсом в 1847 году и получил дальнейшее подтверждение и развитие в трудах К.Маркса. Энгельс исходил из того, что развитие промышленности "уравнивает общественные условия" в различных странах и что противоречия между пролетариатом и буржуазией становятся "главной борьбой нашего времени". В связи с этим Энгельс полагал, что

"... Коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах ...

Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену"².

Слабым местом этой концепции было то, что она абсолютизировала противоречия между рабочими и буржуазией, и при этом игнорировала или преуменьшала роль других важных общественных противоречий, особенно межнациональных и межгосударственных. Тем не менее, идея о международном, "всемирном" характере будущей социалистической революции была заимствована и принята на вооружение российскими большевиками. Они отстаивали эти принципы на Штутгартском (1907), Копенгагенском (1910) и Базельском (1912) конгрессах 2-ого Интернационала, где были, в частности, приняты решения о том, чтобы использовать политический кризис, который создаст будущая война, в целях свержения капиталистического строя.

Начало первой мировой войны большевики встретили выдвиганием лозунгов, вполне отвечающих концепции пролетарского интернационализма: "поражение своего правительства", "превращение войны империалистической в войну гражданскую", "создание Соединенных Штатов Европы". Но война продолжалась, ее перерастания в гражданскую не происходило. Рабочие воюющих стран и партии, представляющие их интересы, не спешили перейти на позиции пролетарского интернационализма. Заводы и фабрики бойко работали на

военные заказы и даже конкурировали между собой за получение выгодных контрактов. В европейских парламентах представители социалистических партий голосовали за военные кредиты, а лидеры этих партий вошли в правительства своих стран. Конференции социалистов стран Антанты в Лондоне (февраль 1915 года) и стран германского блока в Вене (апрель 1915 года) высказались за войну до победного конца. Одним словом, жизнь жестоко опровергала марксистскую концепцию пролетарского интернационализма.

Национализм оказался гораздо более привлекательной идеологией для рабочих западных стран. Они, вместе с представителями других классов, прекрасно понимали ту простую истину, что победа в войне принесла бы им повышение собственного жизненного уровня за счет, прежде всего, присоединения новых колониальных владений, приобретения новых рынков сбыта, устранения экономической конкуренции со стороны побежденных наций, а также взыскания с последних внушительной контрибуции. Видимо, поэтому Ленин через год после начала войны был вынужден пересмотреть свой взгляд на характер будущей революции. Он сформулировал теоретическое положение о том, что "возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране"³. Данный факт опровергает утверждение И.Дейчера о том, что своеобразие сталинских взглядов по вопросам мировой революции проявилось уже в предреволюционный период. Дейчер, ссылаясь на полемику между Преображенским и Сталиным на 6-ом съезде РСДРП(б), увидел у последнего "какой-то более сильный акцент ... на особую социалистическую миссию России, чем даже у Троцкого и у Ленина"⁴. Тогда в грозные июльские дни 1917 года, когда Ленин скрывался от преследований Временного правительства, Сталин выступил с отчетным докладом ЦК и с докладом о текущем моменте. Отвечая Преображенскому, который пытался увязать вопрос о победе революции в России с успехом революции на Западе, Сталин сказал:

*"Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму ... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь"*⁵.

Сделав данное заявление, Сталин просто отражал, уже выработанную Лениным позицию о возможности победы социализма в одной стране. Если в подходе Сталина в тот момент и была какая-то особенность, то состояла она не в том, что он сказал, а в том, чего он не сказал. В его выступлении не было ни слова о международном характере русской революции, не было ни слова о "долгой упорной борьбе социалистических республик с остальными государствами", борьбе, которая должна была привести, по мнению Ленина, к "свободному объединению наций при социализме", к созданию Соединенных Штатов мира, являющихся "той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом"⁶.

После прихода большевиков к власти Ленин неоднократно подтверждал свою позицию, указывая не только на возможность **победы** социализма в одной стране, но и на возможность **построения** социализма в России. Так, например, в выступлении на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 года он заявил:

"Все мы вместе, не завтра, а через несколько лет решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая"⁷.

Анализ последних писем и статей Ленина также недвусмысленно свидетельствует о том, что Ленин считал построение социализма в России вполне возможным. Поэтому утверждения авторов троцкистской ориентации о том, что "теория социализма в одной стране" принадлежит Сталину и что в этом состояло главное отличие его взглядов от взглядов Ленина, вряд ли, можно считать обоснованными. Расхождения между Сталиным и Лениным действительно существовали, но заключались, они, не в том, возможно ли построение социализма в одной стране, а в том, какова должна быть внешняя политика России, строящей социализм.

Ленинская внешнеполитическая доктрина базировалась на двух "китах", двух основополагающих постулатах: **концепции пролетарского интернационализма и принципе мирного сосуществования**. Первая была позаимствована из марксизма и переработана применительно к новым условиям. Сформулировав вывод о возможности победы социализма в одной стране, Ленин так обозначил будущие внешнеполитические задачи:

"Победивший пролетариат этой страны встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств"⁸.

В практическом плане концепция пролетарского интернационализма получила воплощение в создании в 1919 году Коммунистического Интернационала (Коминтерна). На первом конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве 2-6 марта, российская делегация была представлена на самом высоком уровне. Помимо главы правительства Ленина, в состав делегации входил и народный комиссар по иностранным делам Чичерин. Это наглядно демонстрировало ту важную внешнеполитическую роль, которую большевистское правительство отводило новой организации. Зиновьев, выступивший от имени российской делегации, заявил буквально следующее:

"Мы рассматриваем как одну из наших главных обязанностей предоставлять максимально возможную материальную помощь рабочему движению в других странах ... Мы будем продолжать считать своим долгом помогать каждому рабочему движению, которое признает коммунистические принципы"⁹.

В манифесте, единогласно принятом конгрессом, указывалось, что задача Коминтерна состоит в том, чтобы *"мобилизовать силы всех истинно революционных партий мирового пролетариата и таким образом облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире"*¹⁰. В другом документе речь велась о *"поддержке эксплуатируемых колониальных*

народов в их борьбе против империализма, чтобы содействовать окончательному краху мировой системы империализма"¹¹. Сам Ленин видел в Коминтерне "руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную советскую республику"¹². В тезисах ко 2-ому конгрессу Коминтерна он так определял существо концепции пролетарского интернационализма:

*"... Пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала"*¹³.

Отсюда следует, что Ленин и после прихода к власти продолжал рассматривать интернационализм, прежде всего, как долг, как некую моральную обязанность России по отношению к другим странам, обязанность, требующую даже готовности идти на национальные жертвы. Какой-либо связи с национальными интересами страны в этой концепции не просматривалось. Таким образом, установка на классовое противоборство со всем капиталистическим миром, на поддержку революционного движения в других странах, на оказание ему всяческой помощи ради идеалов пролетарского интернационализма и мировой революции была подтверждена со всей определенностью уже на государственном уровне.

Принцип мирного сосуществования появился в ленинской внешнеполитической доктрине несколько иным путем. Он был востребован самой жизнью, был вынужден опираться на существующие **политические реалии**, учитывать сложившийся баланс мировых сил. После завоевания власти Ленину очень скоро стало ясно, что для ее удержания, для перехода к социалистическому строительству России необходима мирная внешняя среда. Для этого пришлось вступать в соглашения с правительствами капиталистических государств. Лозунг Троцкого "ни войны, ни мира" явно не работал. Первым проявлением принципа мирного сосуществования было заключение Брестского мира с Германией. Затем последовали договора с Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией. Был сделан ряд мирных предложений и странам Антанты, которые, правда, на первых порах оставались без ответа.

В начале декабря 1919 года Ленин подготовил проект резолюции по международной политике для 8-ого Всероссийского съезда Советов. В нем отмечалось, что Россия "желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство", а также выражалось одобрение мирным инициативам советского правительства в отношении стран Антанты и предлагалось "систематически продолжать эту мирную политику". Проект был принят съездом в форме мирного предложения странам Антанты и затем разослан представителям соответствующих держав¹⁴. Одним словом, принцип мирного сосуществования стал не только благим пожеланием, но и был закреплен в программных документах Советского государства, то есть получил такой же официальный статус, как и концепция пролетарского интернационализма.

Явное противоречие между этими двумя элементами ленинской внешнеполитической доктрины не могло не бросаться в глаза.

С одной стороны, Россия заявляла о своем желании жить в мире с другими государствами, поддерживать с ними нормальные дипломатические и торговые отношения. А с другой - что будет вести борьбу за торжество мировой революции против правительств указанных государств, дестабилизировать там политическую обстановку, поднимать восстания, поддерживать национально-освободительные движения в колониях. Все это явно не вписывалось в заявления о добрых намерениях, порождало недоверие и подозрительность. Правительство Англии, например, в ноте от 30 июня 1920 года прямо обуславливало нормализацию отношений с Россией **прекращением**

*"враждебных действий или мероприятий, направленных против другой стороны ..., ведения какой-либо официальной пропаганды, прямой или косвенной, против другой стороны; в особенности ... всякого рода попыток путем военных действий или пропаганды побуждать народы Азии ко всякого рода враждебным действиям, направленным против британских интересов или против Британской империи"*¹⁵.

Тогда советская сторона была вынуждена, по крайней мере, на словах принять английские условия. Но поставить крест на Коминтерне Ленин тоже не желал. Не удивительно поэтому, что **противоборство принципа мирного сосуществования и концепции пролетарского интернационализма превратилось в итоге в главную доминанту советской внешней политики.**

Что касается Сталина, то в первые годы советской власти он играл во внешнеполитических вопросах далеко не первую роль. Ведущее положение в области выработки и проведения внешней политики занимал Ленин как глава правительства и лидер партии, Чичерин как народный комиссар иностранных дел и Зиновьев, избранный в 1919 году председателем Коминтерна. Это, однако, не означает, что Сталин совсем не влиял на принятие решений по международным делам. Будучи членом Политбюро, он участвовал в обсуждении наиболее важных вопросов внешней политики. Такие обсуждения и проходившие во время них дискуссии дают представление о специфике сталинских взглядов на международные отношения, об особенностях его внешнеполитической философии.

Одним из таких эпизодов была дискуссия о Брестском мире. Вопрос обсуждался в ЦК несколько раз. Сталин с самого начала поддержал точку зрения Ленина о необходимости заключения сепаратного мира с Германией. На заседании ЦК 11 января 1918 года он, в частности, заявил:

*"Революционного движения на Западе нет, нет в наличии фактов революционного движения, а есть только потенция, ну, а мы не можем полагаться в своей практике на одну лишь потенцию... В октябре мы говорили о священной войне против империализма, потому что нам сообщали, что одно слово "мир" поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось"*¹⁶.

Здесь важно не столько то, что Сталин выступил в поддержку ленинской точки зрения, а то как он обосновал свою позицию. В словах Сталина совершенно определенно звучит **скептицизм относительно перспектив революции на Западе** и, даже, относительно готовности западного пролетариата пойти на массовые действия против войны, за заключение демократического мира. Такой подход явно не вписывался в представления Ленина, который считал, что революция на Западе лишь задерживается, а мир необходим, чтобы просуществовать до того момента, когда эта революция все-таки произойдет. Поэтому можно поверить Троцкому, который утверждал, что Ленин тогда сразу же "отмежевался" от сталинской поддержки: *"революция на Западе не началась, это верно; однако если бы в силу этого мы изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму"*¹⁷. Таким образом и в данном случае Ленин, рассматривал поддержку международной революции как моральное обязательство, как долг России. Сталин же после ленинского замечания поспешил подкорректировать свою позицию. До начала реальных разногласий между ним и Лениным было еще далеко.

Первый опыт руководящей государственной работы существенно повлиял на эволюцию сталинских взглядов в области **национальной политики**. Во время 7-ой конференции РСДРП (б) в апреле 1917 года Сталин еще твердо стоял на позициях партийной программы, предусматривающей право наций на самоопределение вплоть до отделения. На 2-ом Всероссийском съезде Советов Сталин, считавшийся в партии экспертом по национальному вопросу, был назначен на ответственный пост народного комиссара по делам национальностей. В этом качестве он вместе с Лениным 18 декабря 1917 года подписал декрет о государственной независимости Финляндии. Однако не прошло и месяца как в позиции Сталина стали просматриваться определенные изменения. Это, в частности, проявилось в его выступлении на 3-ем Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года. Тогда он заявил:

*"... Буржуазия скрывает за национальным костюмом ... борьбу с властью трудовых масс в пределах своей области ... Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации"*¹⁸.

Первый шаг был, таким образом, сделан. Абсолютное самоопределение было отодвинуто в тень. Теперь отсутствие советской власти в том или ином районе могло стать основанием для неприменения принципа самоопределения для данного района. Не заставил себя ждать и следующий шаг. В конце марта 1918 года Сталин опубликовал в "Правде" статью под красноречивым названием: "Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма". Название говорило само за себя. Сталин фактически записал всех окраинных националистов в контрреволюционеры, независимо от их действительной политической ориентации. Логика таких построений была вполне очевидна. Если ты выступаешь за отделение, то значит ты - контрреволюционер, а социалистическую фразеологию используешь для маскировки. Так, на паре газетных полос Сталин поставил крест на национальной платформе большевистской партии.

На посту народного комиссара по делам национальностей. Сталину приходилось уделять повышенное внимание революционному движению на восточных окраинах России и в соседних азиатских странах. По его инициативе в середине ноября 1918 года в Москве состоялся первый съезд мусульман-коммунистов. Съезд избрал Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б). В решениях съезда предусматривалось усиление революционной пропаганды в странах Востока - Персии, Индии и Китае. По стопам съезда Сталин опубликовал статью "Не забывайте Востока". Этот шаг представлялся вполне естественным с той точки зрения, что он, как бы, подводил итог работе съезда. Но содержание статьи было не совсем обычным. На первый взгляд, Сталин просто развивал известную ленинскую мысль о "пробуждении Азии", высказанную последним еще в предреволюционный период¹⁹. Но это было не совсем так. Статья появилась именно тогда, когда в Европе нарастал революционный подъем, когда рушились Австро-Венгерская и Германская империи, когда, казалось, волна пролетарской революции вот-вот захлестнет весь европейский континент. В этот момент внимание всех большевистских лидеров было приковано к событиям на Западе. И вдруг, Сталин сделал акцент на революционности Востока. Случаен ли был такой поворот? Думается, что нет. Объяснение содержится в самой статье. Сталин писал о Востоке как о "неисчерпаемом резерве", "надежном тыле" Запада. Он указывал на "несметные естественные богатства" Азии. Именно эксплуатация этих богатств, давал понять Сталин, позволяет Западу поддерживать на достаточной высоте свой собственный уровень жизни и сглаживать тем самым остроту социальных противоречий внутри своих стран. Задача, по его словам, состояла в том, чтобы "заразить рабочих и крестьян" стран Востока "освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом и лишить, таким образом, мировой империализм его "надежного тыла"". "Без этого, - подчеркивал Сталин, - нечего и думать об окончательном торжестве социализма, о полной победе над империализмом"²⁰.

Эта последняя мысль Сталина была особенно интересна. Намек был явно на то, что надежды на победу революции на Западе не очень обоснованы. В осторожной форме он фактически сформулировал вывод о **невозможности победы революции на Западе без ее предварительной победы на Востоке**. Это был вывод в корне отличный от основных постулатов марксизма, утверждавшего, что революция должна произойти именно в промышленно развитых странах. Отличался этот вывод и от тогдашних взглядов Ленина, который и в конце 1919 года все еще полагал, что *"гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма"*²¹. Таким образом, Ленин говорил всего лишь о "начале" процесса "соединения", хотя на деле никакого соединения не было и два процесса развивались независимо друг от друга. Причем, на первое место Ленин по-прежнему ставил именно "передовые" страны, которые считал более революционными. И уж ни коим образом он не обуславливал победу революции на Западе предварительной победой революции на Востоке. Таким образом, Сталин шел гораздо дальше Ленина в оценке политической роли Востока и в то же время не разделял его убежденности относительно революционности Запада. Лишь в последний год своей жизни Ленин, разочарованный отсутствием революции на Западе, пересмотрел свою точку зрения и занял в этом вопросе

позицию, гораздо более близкую со сталинской²².

Случайно или нет, но изменившаяся позиция Сталина по национальному вопросу привлекла к себе внимание на 8-ом съезде партии, проходившим в марте 1919 года. Во время обсуждения новой партийной программы Бухарин неожиданно предложил заменить принцип самоопределения наций на принцип самоопределения "трудящихся классов". При этом он сослался на выступление Сталина на 3-ем съезде Советов. Ленин сразу же выступил против этой формулы, заявив: *"Все нации имеют право на самоопределение. Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно ..."*²³. По словам Троцкого, *"Сталин совершенно не поднял перчатки и не принял участия в прениях, он не отвергнул ссылку Бухарина на его речь, но и не поддержал Бухарина. Он просто не принял участия в прениях"*²⁴.

Между тем, поведение Сталина было вполне в духе его характера. Он уклонился от боя в невыгодных для себя условиях. Тем более, что, если бы Троцкий или Бухарин знали о его действительной задумке, то весьма маловероятно, что Сталин мог бы рассчитывать на какую-либо поддержку с их стороны. Ведь он стремился не столько к самоопределению "трудящихся", сколько вообще к упразднению такой формы самоопределения как отделение. В практической работе он продолжал проводить эту линию, нисколько не смущаясь того, что она не была одобрена на съезде. В некоторых случаях он даже возражал Ленину, правда, делал это не публично, а в конфиденциальном порядке. Сталин, например высказал несогласие с отдельными положениями ленинских тезисов по национальному и колониальному вопросу, подготовленных ко 2-ому конгрессу Коминтерна. Он считал, что не следует проводить различий в типе государственных связей между советскими республиками, основанными на автономии, и между объединяющимися независимыми республиками. В письме Ленину от 12 июля 1920 года он указывал, что на самом деле разницы между этими типами федеративных отношений "нет, или она так мала, что равняется нулю". Противоречия в этой области и явились в дальнейшем главным яблоком раздора между двумя вождями.

В 1920 году Сталин оказался в оппозиции к Ленину и по другому важному вопросу. Речь идет о войне с Польшей. 25 апреля польские войска под командованием Пилсудского вторглись в пределы Советского государства. Оценивая в конце мая перспективы польской кампании, Сталин писал в "Правде":

*"... Тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение - "чувство отчизны", передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск. Конечно, тыл Польши не однороден ... в классовом отношении, но классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувство национального единства"*²⁵.

В этой цитате поражает не столько правильная оценка Сталиным хода будущей войны, сколько

неординарность его подхода к проблеме соотношения **классового и национального**. Похоже, уже тогда он пришел к выводу о том, что национальный фактор является гораздо более сильным, более весомым, чем классовый. Данный вывод может показаться вполне естественным для человека не связанного с марксизмом. Но в рамках марксистской теории это было явной ересью, поскольку в марксизме преобладающее влияние классового над национальным является аксиомой. Было это аксиомой и для Ленина. Именно на ней строил он свою концепцию пролетарского интернационализма. Сталин понимал, что вступил на опасную тропу. Поэтому он вынужден был сделать словесный реверанс марксизму, заметив вскользь, что "классовые конфликты" в Польше не достигли, еще, якобы, необходимой силы. Но испытывая явный скептицизм по поводу "интернационализма" поляков, он хотел предупредить красноармейцев, чтобы они не очень рассчитывали на классовую солидарность и революционный взрыв в Польше, когда туда войдут советские войска.

Давая оценку политической философии Сталина, совершенно необходимо всегда сопоставлять его слова с конкретными делами. Только это позволяет понять, где лежали его истинные предпочтения, а что было простой данью официальной доктрине. Польский эпизод не является исключением. Не вызывает сомнения, что тогда практические действия Сталина четко соответствовали его взглядам. Выступая в Харькове в конце июля, он, например, назвал "неуместными" разговоры о "марше на Варшаву" и подчеркнул, что это *"совершенно не соответствует ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте"*²⁶.

Между тем, наступление продолжалось и в июле войска Красной Армии вступили на территорию Польши. Чувствуя, что терпят поражение, поляки обратились за помощью к Антанте. 11 июля министр иностранных дел Англии лорд Керзон по поручению Верховного совета Антанты направил Советскому правительству ноту, в которой потребовал остановить наступление на "линии Керзона"²⁷. В очередной статье, опубликованной 11 июля Сталин вновь предостерег против "марша на Варшаву". Ленин, однако, имел иное мнение. Он хотел, выражаясь его словами, "прощупать Европу штыками Красной Армии". Позиция Сталина не была принята во внимание. Наступление было продолжено. Характерно, что впоследствии Ленин был вынужден признать свою ошибку. *"При нашем наступлении, слишком быстром продвижении, почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка"*, - отмечал он позднее²⁸.

Существо этой ошибки заключалось, главным образом, в недооценке **национального фактора**, в попытке рассматривать его как нечто подчиненное, производное от классового фактора, а не наоборот, как это делал Сталин. Результаты просчета не заставили себя долго ждать. 24 июля в Польше было создано национальное правительство из всех партий, включая социалистов. Коммунисты со всеобщего одобрения подверглись репрессиям. Была развернута мощная патриотическая агитация под флагом отпора "русскому империализму". За короткий срок был проведен набор дополнительного числа резервистов. Быстро отреагировала и Антанта. Польше была оказана массивная материальная помощь, прежде всего,

вооружением и боевой техникой. Для осуществления этой помощи 25 июля в Варшаву прибыла англо-французская военная миссия. В качестве главного военного советника был назначен французский генерал Вейган. В результате всех этих мероприятий Польше удалось создать в добавление к двум уже существующим еще один полнокровный фронт. Это и предрешило поражение российских войск.

Каковы же были действия Сталина в создавшейся обстановке? Будучи не согласным с решением Ленина, но не имея возможности выступить против него открыто, он прибегнул к своей традиционной тактике. Поскольку Сталин являлся членом Военного совета Юго-Западного фронта, у него были широкие возможности для того, чтобы оказать влияние на конечный результат кампании. 22 июля он вместе с командующим фронтом Егоровым обратился к главкому Каменеву с предложением перенести центр тяжести главного удара Юго-Западного фронта в направлении Львова. Это обосновывалось необходимостью освобождения Восточной Галиции - района с преобладанием украинского населения, а также ссылкой на бытовавшее тогда мнение о том, что для взятия Варшавы у Западного фронта и так достаточно сил. Каменев, который в известной мере разделял эту последнюю точку зрения, поддался на уловку и согласился со сталинским предложением.

Совершенно очевидно, что Сталин делал ставку на национальный фактор. Предполагая, что революция в Польше не начнется и оттуда все равно рано или поздно придется уходить, он, видимо, рассчитывал, что неприязнь к полякам со стороны населения Галиции позволит отторгнуть эту территорию от Польши и включить ее в сферу российского влияния. Возможно, у Сталина был и второй мотив, не противоречащий первому. Взятие Варшавы и дальнейшее наступление на Запад могли вызвать острый международный кризис и открытое военное вмешательство Англии и Франции на стороне Польши. Последствия такого поворота событий для России могли оказаться катастрофическими. Поэтому Сталин стремился ослабить ударную силу российских войск в западном направлении и замедлить дальнейшее продвижение армий Тухачевского. На этом фоне вполне логичным выглядит отказ Сталина подчиниться директиве Каменева от 13 августа о передаче 12-ой Армии и 1-ой Конной Армии в состав Западного фронта. Лишь 20 августа Сталин согласился уступить нажиму Центра. Но было уже поздно. Западный фронт откатывался назад.

Высказываются разные мнения насчет того, как могли бы развиваться события, если бы Сталин сразу же подчинился директиве Каменева. Сейчас по этому поводу можно строить только догадки. Но ясно одно: никакой революции ни в Польше, ни в Германии не произошло бы. Отступить все равно пришлось бы. И было бы намного лучше, если бы с самого начала было принято разумное решение остановиться на "линии Керзона", как это и предлагал Сталин. Возможно, тогда и граница России прошла бы по этой линии, а не дальше к Востоку, как было затем установлено мирным договором. В очередной раз правильное понимание роли национального фактора привело Сталина к верной оценке ситуации и верным выводам.

Вполне закономерно, что именно **национальный вопрос** явился той преградой, о которую разбились отношения Ленина со Сталиным. В развернутом виде Сталин сформулировал свое

видение национальной проблемы в октябре 1920 года. В программной статье: "Политика советской власти по национальному вопросу в России" он указывал:

*"Требование отделения окраин от России должно быть исключено, прежде всего, потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей революционное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма"*²⁹.

Важно, что здесь Сталин говорит уже об окраинах вообще без привязки к какому-либо отдельному региону. О характере власти на окраинах речь он уже вообще не ведет: отделению не подлежат никакие окраины. И объяснял он это на редкость простым и доходчивым образом в духе политического реализма: либо союз с Россией, либо кабала Запада. В жестокую эпоху колониальных империй и сфер влияния этому выбору не было альтернативы. Рассчитывать, что малые слаборазвитые государства смогут вдруг стать реально независимыми было наивной утопией.

Причины эволюции сталинских взглядов по национальному вопросу более или менее ясны. Революция и последовавшее за ней безвластие привели к возникновению анархии на обширных просторах бывшей Российской империи. В политическом вакууме стали образовываться новые центры притяжения, новые очаги власти, разбросанные в разных частях страны. Эти центры были естественной формой самоорганизации в условиях тотального хаоса и неразберихи. В районах с преобладанием этнических меньшинств такие очаги приобрели национальный характер. Возникли различные национальные правительства. Однако, раз захватив власть, местные лидеры уже не спешили с ней расставаться и тем более переходить в подчинение к большевистскому Центру. Используя политические изъяны партийной программы большевиков, они стали выдвигать требования отделения от России. Возникла реальная угроза дезинтеграции страны на множество псевдогосударств, раздираемых бесконечными гражданскими войнами и этническими конфликтами. Идеологические постулаты вошли в противоречие с реальной действительностью. Сталин, обладавший прагматическим складом ума и к тому же, отвечавший за этот участок работы, первым среди большевистских лидеров почувствовал приближение смертельной опасности. Сложность, однако, состояла в том, что изменение в политике надо было как-то обосновать, а этому мешала программная установка по национальному вопросу. В такой централизованной структуре как РКП(б), основанной на жестких идеологических принципах, свобода маневра даже для руководителя высокого ранга была весьма ограничена. Лобовая атака на принцип "самоопределение вплоть до отделения", вряд ли могла увенчаться успехом. Сталин понимал, что это может быть не только контрпродуктивно, но и опасно. Десять лет спустя, на пленуме ЦК, он бросил такую фразу: "Товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки Томского угнал его в Туркестан". И затем, парируя контрвыпад Томского, добавил:

"Если ты хочешь сказать, что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был

убежден, то это может вызвать лишь смех ... Припомните-ка другой факт, например, насчет Шляпникова, которого Ленин предлагал исключить из состава ЦК за то, что он в ячейке ВСНХ критиковал какой-то проект постановления ВСНХ"³⁰.

Сталин слишком хорошо знал характер Ленина, чтобы подвергать себя бессмысленному риску и вступать в открытую дискуссию. На 8-ом съезде партии Ленин дал ясно понять, что не намерен менять своей позиции в национальном вопросе. Поэтому Сталин избрал другой путь. Его замысел состоял в том, чтобы пересмотреть национальный вопрос в рамках существующей доктрины путем его увязки с целями, которые для этой доктрины являлись более приоритетными, более важными. Такими целями были мировая революция и победа пролетариата во всемирном масштабе. Подчиняя национальный вопрос этим более "высоким" целям, Сталин создавал теоретическую почву для того, чтобы дезавуировать принцип самоопределения вплоть до отделения и в то же время остаться на твердой почве партийной программы. Действовал он постепенно, осторожно, но последовательно, используя тактику небольших шагов, ведущих к одной цели. Не случайно, на начальных этапах он привязывал национальный вопрос к обстановке на Украине, в Закавказье, Польше. Это давало ему возможность проследить за реакцией окружающих, а в случае необходимости увернуться от удара, сославшись на специфику конкретной ситуации, не ввязываясь при этом в дискуссию по вопросам теории. По мере решения каждого практического вопроса создавался прецедент. Несколько таких прецедентов уже давали повод к тому, чтобы говорить о наличии определенной политической линии, давали необходимый материал для обобщения. К октябрю 1920 года таких прецедентов накопилось уже достаточно.

Важно иметь в виду, что Сталин никогда формально не отрицал принцип самоопределения вплоть до отделения в его абстрактной форме. Более того, на словах он изображал себя самым активным сторонником и защитником этого принципа. Но на практике, при решении конкретных вопросов он обставлял его различными условиями, оговорками, привязывал этот принцип к конкретной ситуации таким образом, что выхолащивал его суть. Этот сталинский стиль сильно отличался от действий других большевистских лидеров, которые то тут, то там выдвигали одну за другой различные политические концепции, что вызывало гнев Ленина, приводило к острым внутривнутрипартийным дискуссиям и, как правило, заканчивалось обвинением незадачливых "теоретиков" в оппортунизме и провалом их замыслов. Сталину же, наоборот, путем искусного политического маневрирования удавалось, обычно, добиваться желаемых результатов. Но это, естественно, не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно столкновение с Лениным по принципиальным вопросам должно было произойти. Его нельзя было избежать по той простой причине, что слишком крупные вопросы были поставлены на карту, слишком велики были различия в представлениях о дальнейших путях развития России.

Первые признаки конфронтации между Лениным и Сталиным наметились осенью 1922 года. Поводом к этому послужил так называемый "грузинский инцидент", хотя подоплека конфликта была глубже и намного серьезнее. В ноябре 1922 года обострились отношения между Сталиным и Орджоникидзе, с одной стороны, и большинством ЦК компартии Грузии, с другой. Жесткая позиция Сталина по отношению к грузинским националистам, которых он называл

"социал-националистами", привела к тому, что последние в свою очередь обвинили Сталина в "великодержавном шовинизме". Эти обвинения дошли до Ленина. И все бы ничего, но произошло это всего лишь через месяц после того, как Ленин раскритиковал сталинский план "автономизации" советских республик.

Предыстория этих событий такова. В августе 1922 года по решению ЦК была создана комиссия во главе со Сталиным для рассмотрения вопроса о взаимоотношениях между РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией (ЗФСР). На прошедшем 23-24 сентября заседании комиссии был принят сталинский план "автономизации", то есть вхождения указанных республик в состав России в качестве автономных образований. О решении комиссии стало известно Ленину, который находился в Горках на лечении. Вождь сразу же вызвал Сталина к себе и настоял на изменении плана. В письме Каменеву от 26 сентября он указывал:

"т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в состав РСФСР ... По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам ... подумать хорошенько! Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В §1 сказать вместо "вступления в РСФСР" - "Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии". Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе, и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии"³¹.

По настоянию Ленина пленум ЦК, состоявшийся 6 октября, внес в сталинский план соответствующие изменения. Главным из них было положение о праве республик на свободный выход из состава федерации. Сталин был вынужден уступить. 30 декабря 1922 года 1-ый съезд Советов принял Договор об образовании СССР в ленинском варианте. Но, видимо, и тогда Ленин не был до конца удовлетворен. В те самые дни, когда в Кремле заседал съезд, одобрявший его план, Ленин задиктовал свои известные заметки "К вопросу о национальностях или об "автономизации"". "Видимо, вся эта затея с "автономизацией" в корне была неверна и несвоевременна", - подчеркивал он. Далее он предлагал уже на следующем съезде Советов еще более сузить систему федеративных связей, оставив союз "лишь в отношении военном и дипломатическом" и то, главным образом, как меру, которая "нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы со всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг"³².

Значение разногласий между Сталиным и Лениным не следует преуменьшать. То, что иногда трактуется как разная степень толерантности к правам национальных меньшинств, заключало в себе расхождения более глубокого доктринального порядка. В их основе лежала принципиально отличная политическая философия, разное видение будущего России.

План Сталина предусматривал создание нормального **федеративного государства**, с

определенной степенью автономии для национальных меньшинств. Возможность выхода из состава федерации не предусматривалась. Члены федерации не могли быть субъектами международного права. Единственным таким субъектом оставалась бы Россия, которая бы действовала в системе международных отношений на тех же принципах, что и другие государства. План Ленина основывался на доктрине, имевшей совершенно иные теоретические корни. Речь шла не о создании государства, а о создании **союза государств**, "союза военного и дипломатического". Целью государства являются, прежде всего внутренние задачи, а внешняя политика составляет производную от этих внутренних задач. Целью союзов, напротив, являются внешние задачи - военные, дипломатические, иногда экономические. Союз, который представлял себе Ленин, не являлся исключением. Он отводил этому новому союзу поистине великую историческую роль - стать прологом к созданию Мировой Социалистической Советской Республики. Обозначив эту цель еще в 1915 году в работе "О лозунге Соединенных Штатов Европы", Ленин не отказался от нее и в 1922 году. Именно по его настоянию данный пункт был включен в Декларацию об образовании СССР. "Кремлевский мечтатель" видел движение мировой революции как длительный, но поступательный процесс, в результате которого от системы капитализма будут отпадать все новые и новые государства. Затем они присоединялись бы к новому социалистическому союзу. Поэтому нужно было некое аморфное образование, а не прочная федерация. Важным элементом ленинского замысла было создание прецедента, своего рода, "манящего образа" для пролетариев других стран, формирование у них впечатления, что первые кирпичики в фундамент соединенных социалистических штатов мира уже заложены, что нужно сделать еще одно революционное усилие и цель будет достигнута.

История - лучший судья авторам политических доктрин и концепций. Вынесла она свой приговор и на этот раз. Развал СССР в конце 1991 года наглядно показал, чья точка зрения была правильной. Не вызывает сомнения, что, если бы был осуществлен сталинский план воссоздания России в качестве полноценного федеративного государства, то этой катастрофы удалось бы избежать.

Сталинская позиция по "автономизации" советских республик не осталась незамеченной для Ленина. Похоже, он первоначально не придавал этому особого значения, так как теоретические "изыскания" Сталина его не особо волновали. Вождь ценил в Сталине, прежде всего, хорошего администратора, организатора, исполнителя его, Ленина, воли, обладающего тем самым умением "нажимать", о котором он сам не раз отзывался с похвалой. Но тут весьма некстати подвернулся "грузинский инцидент", вызванный резкими действиями Орджоникидзе в отношении руководителей компартии Грузии. В адрес Орджоникидзе и поддержавших его Сталина и Дзержинского посыпались обвинения в "великодержавном шовинизме".

Интересное замечание о Сталине сделал в этой связи И.Дейчер:

"Поразительна та эволюция, которая привела бывшего грузинского социалиста в положение, при котором его стали ассоциировать с "великорусским шовинизмом". Это было даже нечто большее, чем тот процесс, который превратил корсиканца Бонапарта в основателя

*французской империи или процесс в результате которого австриец Гитлер стал наиболее агрессивным лидером германского национализма*³³.

Дейчер объясняет это некоей "тенденцией к централизации", свойственной "для всех современных революций". Но, если согласиться с такой оценкой, то получается, что главным "революционером" был именно Сталин, а не Ленин отстаивавший децентрализацию в интересах мировой революции. Вряд ли, такой вывод можно считать достаточно обоснованным. Представляется поэтому, что гораздо ближе к истине стоит Троцкий, который утверждал, что Сталин представлял силы российского "термидора", силы послереволюционной стабилизации, которые обычно приходят к власти вслед за отливом революционной волны. Показательно следующее замечание Троцкого:

*"Армия советского термидора объединила по существу все, что оставалось от прежних господствующих партий и их идеологических представителей. Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию. Неизмеримо в большем числе включились и в государственный и в партийный аппарат члены бывших буржуазных партий: меньшевики и социалисты революционеры. К ним надо прибавить огромное число людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах. Вся эта огромная и разношерстная армия была естественной опорой термидора*³⁴.

Конечно, это высказывание Троцкого надо воспринимать с существенной поправкой на его неприязненное личное отношение к Сталину, что всегда выражалось в стремлении Троцкого представить ситуацию в наиболее неприглядном виде. Но если абстрагироваться от формы изложения, то он, в целом, правильно подметил господствовавшую тогда тенденцию. Действительно, за короткий срок после окончания гражданской войны более миллиона бывших царских служащих были приняты на работу в государственный аппарат. По иронии судьбы, это было сделано по настоянию самого Ленина, который призывал использовать "буржуазных специалистов" в интересах налаживания более или менее сносного управления страной и который некоторое время спустя был вынужден с горечью констатировать, что советский аппарат *"заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром"*³⁵. Эти государственные служащие были профессионалами, специалистами своего дела, свободными от идеологических пристрастий марксизма. Для них было вполне естественным прямо или косвенно продвигать линию на укрепление российской государственности. Именно этот "старый" аппарат и стал главной силой, подталкивающей "тенденцию к централизации". Однако, сам по себе аппарат мало чего смог бы достигнуть, не будь к этому объективных предпосылок. Совершенно очевидно, что не только "буржуазные партии", не только "помещики и капиталисты", но и все другие классы российского общества, включая рабочих и крестьян, уставших от бурь революции и гражданской войны, жаждали успокоения и политической стабилизации. Этого не могли понять интернационал-революционеры типа Троцкого. Но это

хорошо понял Сталин. Оказавшись волею судьбы во главе партийно-государственного аппарата, он воспринял господствующую тенденцию и стал проводить ее в жизнь.

Указанная тенденция, однако, не совсем вписывалась в планы Ленина, не отвечала его представлениям о будущем развитии мировой революции. Когда ему стало известно о "грузинском инциденте" он, видимо, понял, что позиция Сталина по вопросу о создании СССР не была случайностью. Ему стало ясно, что он имеет дело с принципиально иной политической линией, отличной от его собственной. В обычных условиях в этом не было бы ничего страшного. Ленину было не впервой бросать вызов политическим оппонентам любых рангов и оттенков. Вся история его политической карьеры была пронизана кипучей борьбой с различными оппозициями и уклонами внутри партии. Причем, победа всегда оставалась за ним. Но в конце 1922 года ситуация была принципиально иной. В середине декабря Ленин перенес второй тяжелый инсульт, и хотя ему удалось довольно быстро прийти в норму, болезнь вывела его из активной политики. Видимо, именно тогда Ленин всерьез почувствовал дыхание смерти. Иначе трудно объяснить, почему, как только он пришел в нормальное состояние, то сразу же начал диктовать свои последние письма и статьи, известные как его "завещание".

Положение усугублялось тем, что в лице Сталина Ленин столкнулся с необычным оппонентом. Ленин был опытным и искусным политическим бойцом, но он привык встречать противников в открытом бою. В равном столкновении мнений, позиций, оценок Ленин не имел себе равных. Он беспощадно громил, обличал и разоблачал своих оппонентов, нанося им нокаутирующие удары, от которых они потом долго не могли оправиться. Но Сталин никогда открыто не выступал против Ленина, никогда не противопоставлял свою позицию позиции вождя. Более того, если он видел, что высказал отличное от Ильича мнение, то сразу же пытался поправиться, переходил на ленинские позиции и голосовал вместе с Лениным. Однако в том, что касается практической работы Сталин проводил свою собственную линию, действовал в соответствии со своими собственными представлениями, при необходимости интерпретируя и переиначивая ленинскую позицию (даже путем выборочного использования ленинских цитат). Чем большими становились административные полномочия Сталина, тем более широкие возможности открывались перед ним на этом пути. Избрание на пост генерального секретаря в апреле 1921 года делало эти возможности почти что безграничными.

Борьба со Сталиным оказалась для Ленина не легкой задачей. Он не мог устранить Сталина за оппозиционность, за отход от "линии партии". Сталин никогда не участвовал ни в каких оппозициях, всегда был с большинством и, по крайней мере, на словах проводил линию партии. Сталина нельзя было убрать за нерадивость, за неспособность выполнять свои обязанности, поскольку он показал себя способным и умелым организатором. Больной Ильич вступил в поединок с противником, которого, как оказалось, недооценил ни он сам, ни очень многие после него. Ленину нужен был предлог, и он нашел его в "грузинском инциденте". Обвинив Сталина в "нарушении интересов пролетарской классовой солидарности", он настаивал, что "политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского". Стремясь подвести

теоретическую базу под свои требования, Ленин сформулировал весьма сомнительный вывод о том, что *"интернационализм со стороны угнетающей или так называемой "великой" нации должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически"*³⁶.

Малоубедительность этого положения очевидна хотя бы потому, что размер нации сам по себе никак нельзя отождествлять с понятием угнетающей нации. Тут нет и не может быть прямой зависимости. Как раз наоборот, из истории можно привести гораздо больше примеров того, что именно большие по размеру и населению нации были угнетаемы меньшими нациями. В Римской империи, например, римляне контролировали огромные пространства, на которых проживало во много раз больше людей, чем на собственно римской территории. Еще более впечатляющим мог бы послужить пример Британской империи, где несколько миллионов англичан установили господство над сотнями миллионов народов колоний. Поэтому тот факт, что русские составляли большинство населения России вовсе не означало, что они являются "угнетателями". Да и кто среди русских мог быть угнетателем на практике? Русские рабочие и крестьяне, которые веками жили бок о бок с другими национальностями бывшей Российской империи, трудились вровень с ними и не могли, поэтому пользоваться какими-то социально-экономическими преимуществами от эксплуатации окраин? Такие преимущества могли иметь только представители русских господствующих классов, но они в результате революции перестали существовать. Если же, говоря об "угнетателях", Ленин имел в виду не русскую нацию в целом, не русских рабочих и крестьян (что выглядело бы просто абсурдно), то он мог подразумевать только одно - российский аппарат управления. Теоретически это могло соответствовать действительности, если бы не одно обстоятельство: на практике в аппарате управления, по крайней мере в его высших эшелонах, русские не только не составляли большинства, но напротив, находились в меньшинстве. При этих условиях было бы логичней не вести борьбу с "великорусским шовинизмом", а добиваться более справедливого представительства русских в партийно-государственном аппарате. Поэтому начатую Лениным кампанию против "великорусского шовинизма" можно объяснить двумя вещами: либо он впал в серьезное политическое заблуждение, либо, что более вероятно, он преследовал практические политические цели, главной из которых было нанести удар по позициям и влиянию Сталина.

Это последнее обстоятельство подтверждается другим документом - "Письмом к съезду", где Ленин выдвинул против генерального секретаря обвинение в грубости:

*"Сталин слишком груб, и этот недостаток вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека ..."*³⁷.

Дело, понятно, было не в "грубости". Чуть выше по тексту Ленин прямо указывал, что Сталин,

*"сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"*³⁸. Одним словом, вождь не хотел, чтобы во главе партии стоял человек, имевший свое собственное, отличное от его, Ленина, представление о будущем пути развития России.

В конце января 1923 года Ленин потребовал через своего секретаря Фотиеву, чтобы ему передали все материалы по "грузинскому инциденту". Он, явно, всерьез готовился к бою. Первоначально, Сталин, ссылаясь на решение Политбюро, в этой просьбе отказал. Но затем на одном из заседаний Политбюро было все-таки решено познакомить Ильича с запрашиваемыми материалами. Ленин, между тем, развернул не свойственную для больного активность, делая один закулисный ход за другим. Он, в частности, попытался привлечь к осуществлению своих планов Троцкого. В письме от 5 марта он просил Троцкого *"взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии"*³⁹. К письму была приложена копия ленинских заметок по национальному вопросу. Обращение Ленина к Троцкому не было случайностью. Троцкий был в глазах Ленина единственной политической фигурой сопоставимой по весу со Сталиным. К тому же, он был наиболее рьяным сторонником мировой революции и в борьбе с национал-государственником Сталиным мог оказаться ценным союзником. Троцкий, однако, по ряду причин не нашел возможным выполнить просьбу Ленина и, сославшись на болезнь, отказал. Но на всякий случай он снял копию с ленинского письма и оставил ее у себя. Помимо Троцкого, Ленин напрямую обратился к грузинским националистам, обещая им всяческую поддержку. 6 марта он направил ЦК компартии Грузии телеграмму следующего содержания:

"т.т. Мдивани, Махарадзе и др.

Копия - т.т. Троцкому и Каменеву.

Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

*С уважением Ленин ...*⁴⁰.

Замыслам Ленина не суждено было сбыться. 9 марта он перенес еще один тяжелый инсульт, третий по счету, после которого ему уже не суждено будет оправиться. Потеряв возможность не только двигаться, но и говорить, он окончательно выбыл из политической игры. Эту последнюю и, может быть, самую важную битву своей жизни Ильич проиграл. Сталин, возможно, не знал о всех маневрах Ленина, но чувствовал, что последний что-то затевает. Поэтому Сталин загодя стал выстраивать систему обороны. 21 февраля он предложил пленуму ЦК рассмотреть проект тезисов по национальному вопросу. Замысел Сталина был прост: если пленум утвердит тезисы, то они будут преподнесены на предстоящем съезде как общая позиция ЦК и Ленину будет весьма сложно взвалить вину на одного Сталина. Если же нет, что было маловероятно, но не исключено, то Сталин мог перекинуть этот вопрос на кого-нибудь другого и уйти в тень, выведя тем самым себя из под удара. В результате обсуждения пленум

создал комиссию во главе со Сталиным для окончательного редактирования тезисов. Сталин, естественно, воспользовался своим положением главы комиссии, чтобы провести нужные для себя формулировки. Главным было то, что ему удалось добиться, чтобы вместе с "великорусским шовинизмом" был осужден и "социал-национализм". Это выдавало Сталину индульгенцию за его предыдущие действия. 22 марта тезисы были, наконец, одобрены Политбюро и опубликованы.

Сталин предпринял и другой маневр. Как только Ленина сразил третий инсульт, он провел через Политбюро и на практике реализовал решение о телеграфировании всем губкомам, обкомам, ЦК национальных компартий и членам ЦК о состоянии здоровья Ильича. Такая информация не могла, естественно, не оказать сильного морального воздействия на колеблющихся делегатов предстоящего съезда. Тем, кто мог пойти на съезде за "социал-националистами" давалось понять, что в руководстве партией и страной сложилась новая ситуация и что делать ставку на "уходящего" вождя - затея не перспективная. Партийным работникам наступало время задуматься о том, с кем из новых лидеров связать свою судьбу.

Между тем, 16 апреля, за день до открытия 12-ого съезда партии, секретарь Ленина Фотиева сообщила Каменеву, о существовании ленинских заметок по национальному вопросу, и о том, что Ильич просил Троцкого сообщить об этом ЦК. Сталин понимал, какую опасность несли для него ленинские заметки. Но поскольку он уже имел за собой мощную поддержку в виде тезисов, одобренных ЦК, и поскольку сам Ильич выбыл из политической игры, Сталин решил действовать наступательно. Он сразу же обвинил Троцкого в том, что тот в течение месяца утаивал от ЦК ленинские записки, имеющие важное значение для выработки текущей политики. Троцкий оказался в положении обороняющегося. Дело дошло до того, что он вынужден был просить ЦК утвердить его поведение как правильное. В обстановке взаимных пререканий Политбюро приняло половинчатое решение огласить ленинские заметки на съезде по делегациям, а не на пленарном заседании. Это был, безусловно, тактический успех Сталина, хотя его значение и не стоит преувеличивать. Делегаты все же были в курсе ленинских заметок и могли действовать соответственно. Но на съезде против Сталина не выступил никто из влиятельных членов Политбюро. Троцкий был выбит из колеи предшествующими событиями. Он также не рассматривал в то время Сталина как главного конкурента в борьбе за власть, отводя эту роль Зиновьеву. Поэтому ввязываться в дискуссию со Сталиным, да еще по вопросу, который Троцкий считал второстепенным, было бы контрпродуктивно. Зиновьев и Каменев, в свою очередь, были заинтересованы в Сталине для борьбы с Троцким. Примечательно, что никто из тогдашнего большевистского руководства не смог уловить, как это сделал Ленин, всей принципиальной и глубинной основы разногласий по национальному вопросу. Сталин оказался лицом к лицу лишь с второстепенными оппонентами. Единственной крупной фигурой, выступившей против него, был Бухарин. Но Сталин грамотно выстроил систему обороны. Он сам в решительных тонах осудил "великодержавный шовинизм", как главное зло, но одновременно заклеил и "местный национализм". При этом он весьма искусно дал понять большинству съезда, где все-таки лежит его действительное расположение:

"То, что у тов. Ленина является просто оборотом речи в его известной статье, Бухарин

превращает в целый лозунг ... Создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций это значит сказать несообразность ⁴¹.

Таким образом, Сталин фактически отмежевался и от ленинского понятия "угнетенные нации" применительно к советскому периоду, и главное, от сомнительного тезиса о "фактическом неравенстве наций" в зависимости от их размера. В итоге большинство съезда пошло за Сталиным. Он сохранил за собой пост генерального секретаря, вновь был избран в состав ЦК и Политбюро. Как писал позднее Троцкий, появление Ленина на съезде *"означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию"* ⁴². Возможно, эта оценка и является правильной. Но история распорядилась по-другому, еще раз подтвердив ту простую истину, что общественная необходимость пробивает себе дорогу через цепь случайностей. Случайностью явилось не только то, что Ленин не смог присутствовать на съезде, но и то, что, оставаясь еще жив, он полностью потерял возможность влиять на события. Возникла уникальная ситуация, которую вождь не смог предусмотреть: его политическое "завещание" лежало в пяти запечатанных конвертах и не вскрывалось.

В период болезни Ленина пост исполняющего обязанности главы правительства занимал Каменев. Министр иностранных дел Чичерин подчинялся ему по государственной линии. Более того, Чичерин был крупной политической фигурой сам по себе, что обеспечивало ему значительную автономию при проведении текущей дипломатической работы. Зиновьев, будучи председателем Коминтерна, курировал все вопросы, связанные с международным коммунистическим движением. Бухарин, Троцкий и Радек, входившие в состав Исполкома Коминтерна, также пользовались там солидным влиянием. Что касается Сталина, то он не занимал тогда в Коминтерне никаких руководящих должностей, что является наглядным свидетельством относительной ограниченности его возможностей во внешнеполитической сфере. Конечно, как член Политбюро он продолжал влиять на принятие важнейших решений по международным делам. Но к его голосу далеко не всегда прислушивались. Так, например, Сталин предпринял попытку активно вмешаться в политику Коминтерна в германском вопросе накануне революционных выступлений в Саксонии (10 октября 1923 г.) и Тюрингии (16 октября 1923 г.). Тогда, как известно, попытки немецких коммунистов захватить власть окончились поражением, советские правительства были разогнаны, а компартия запрещена. В своем письме, направленном Зиновьеву и Бухарину еще в начале августа, Сталин выступил против восстания. Он писал:

"Если правительство в Германии сейчас падет и коммунисты возьмут власть, их ждет неминуемое поражение. Это - в "лучшем" случае. В то время как в худшем, они будут разгромлены... Что мы можем им предложить? По моему мнению, немцев следует сдерживать, а не подстегивать" ⁴³.

В 1927 году, отбивая атаки оппозиции, сам Сталин утверждал, что в этом письме "затрагивался, прежде всего, вопрос о немедленном взятии власти коммунистами" и что в обстановке июля-

августа предпосылки для этого отсутствовали. Далее Сталин утверждал, что ситуация через два месяца, якобы, изменилась "в сторону обострения революционного кризиса" и тогда он, мол, "стоял решительно и определенно за немедленное взятие власти коммунистами"⁴⁴. Думается, однако, что эти утверждения были не более, чем данью политической целесообразности. В ожесточенной борьбе с оппозицией, обвинявшей его в отходе от пролетарского интернационализма, Сталину было важно доказать, что он не меньший интернационалист, чем Троцкий или Зиновьев. Данный вывод подтверждается хотя бы тем, что утверждение Сталина об отсутствии, якобы, достаточной степени революционного подъема в августе опровергается как самими фактами, так и последующими оценками Коминтерна. В заявлении ИККИ с анализом причин поражения революции в Германии прямо указывалось, что немецкая компартия "слишком запоздала в определении степени зрелости революционной ситуации в Германии", что "задача усиления и расширения многочисленных разрозненных выступлений, имевших место с июля по сентябрь, и придания им политической направленности не была выполнена ..." ⁴⁵. Таким образом, по оценке Коминтерна, революционная ситуация начала назревать уже в июле, и когда в сентябре было принято решение начать восстание, то было уже поздно. Следовательно, август и был самым подходящим моментом для выступления, а Сталин разослал свое письмо именно в августе. Поэтому, его действия объяснялись вовсе не тем, что в августе отсутствовали предпосылки для выступления, а соображениями глубокого концептуального порядка. Здесь, так же как и в других аналогичных случаях, Сталин продемонстрировал серьезные сомнения относительно революционности западного пролетариата, выразил скептицизм по поводу перспектив социалистической революции на Западе. Как видим, он оказался прав и на этот раз. Выступления коммунистов в Германии были поддержаны лишь незначительной частью немецкого рабочего класса, что и обрекло их на сокрушительное поражение.

Октябрьские события в Германии стали последним всплеском революционной волны в послевоенной Европе. Наступал этап политической стабилизации. Смерть Ленина 21 января 1924 года как бы подвела своеобразную черту под революционной эпохой, устранив из жизни ее главный символ - вождя и организатора мировой пролетарской революции.

Революционный период явился для Сталина важной школой постижения основ политической науки. Надо признать, что он оказался неплохим учеником, проявившим задатки политического реализма уже на ранних этапах своей государственной карьеры. Этому способствовали некоторые особенности его внешнеполитического мышления, вытекавшие из всего предшествующего жизненного и политического опыта. Очень важную роль сыграло происхождение Сталина. Он родился и вырос в Закавказье - районе переплетения всех и всяческих национальных, конфессиональных, клановых и прочих противоречий. Он знал всю сложность этих противоречий не понаслышке. Это выгодно отличало его от других лидеров, происходивших из центральных районов России, где подобные противоречия либо вообще отсутствовали, либо были менее значительными. К тому же, он сам принадлежал к национальному меньшинству и имел представление о взгляде на мир через призму психологии малого народа.

С ранних лет Сталин смог на практике познакомиться с тем, какую мощную энергию таит в себе этнический национализм. Тифлисская духовная семинария, куда он поступил после окончания церковно-приходской школы была одним из центров радикального грузинского национализма. Студенты постоянно организовывали различные демарши и акции протеста на национальной почве. Не останавливались они и перед актами прямого физического насилия. Так, например, в 1885 году студент Джибладзе был приговорен к сибирской ссылке за избиение ректора семинарии Чудетского. На следующий год Чудетский был все-таки убит студентом Лагиашвили⁴⁶. Видимо, эта атмосфера сильно повлияла на дальнейшую эволюцию взглядов Сталина. Влияние это было двоякого рода. Во-первых, именно тогда он проникся глубоким пониманием **природы национализма** и того гигантского политического потенциала, который заложен в национальном движении. Это в свою очередь могло послужить первоосновой последующего скептицизма Сталина относительно реалистичности концепции пролетарского интернационализма. Во-вторых, и сам Сталин не мог не оказаться под воздействием идеологии национализма. Это заставляло его искать выход из создавшейся ситуации, и он нашел его в программе РСДРП, провозглашавшей равенство всех наций и народностей, устранение всех и всяческих форм национальной дискриминации. Именно привлекательность национальной платформы российских социал-демократов привела Сталина в их ряды. Он пришел в революцию не столько как социальный, сколько как национальный революционер. В его сознании социалистическая революция сливалась воедино с революцией национально-освободительной, с революцией за национальное равноправие. Показательны в этой связи замечания, сделанные Сталиным в 1934 году по поводу конспекта учебника по истории СССР. Он, в частности, писал:

*"В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР"*⁴⁷.

Приоритет, который Сталин отдавал национально-освободительному аспекту в русской революции, predetermined повышенное внимание с его стороны к борьбе колониальных и зависимых стран и народов за свое освобождение, ставя ее намного выше революционного движения в промышленно развитых странах Запада. Но сказать, что Сталин был просто националист было бы явным упрощением. Более того, это означало бы сказать только половину правды, а следовательно - не сказать правды вообще. Национализм был только одной стороной сознания Сталина. Другая сторона формировалась и развивалась в ходе его практической революционной работы. **Важно то, что став националистом, Сталин не стал этническим националистом.** Более того, он оказался одним из самых рьяных противников грузинского национализма и был за это обвинен в великорусском шовинизме. Причиной такой эволюции личности Сталина был тот простой факт, что он не варился всю жизнь в своем собственном национальном соку. С самого детства он начал приобщаться к ценностям **русской культуры**. В восемь лет он выучил русский язык, чтобы иметь возможность поступить в церковно-приходскую школу, где преподавание велось на русском, хотя в Гори были и другие учебные заведения. В семинарии Сталин имел отличную успеваемость по русской литературе и

истории. С тех пор русский язык и русская культура стали неотъемлемым спутником его жизни, интегральной частью его сознания.

Свою революционную деятельность Сталин начал среди рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса, где преобладали русские. Интересное замечание содержится по этому поводу в дневниках Литвинова:

*"Ни один лидер нашей партии, даже Ильич, не понимал массы лучше, чем Коба ... Лев Борисович (Каменев) рассказывал мне, что во время их подпольной работы в Тифлисе в 1906-9 годах Коба иногда исчезал на две-три недели ... Он имел обыкновение жить на окраинах с некоторыми весьма сомнительными типами ... Он обедал в дешевых забегаловках, часто посещал рынки, фабрики, и железнодорожные мастерские, выпивал с рабочими ..."*⁴⁸.

Ни в Тифлисе, ни позднее в Баку, где Сталину также приходилось много работать среди русских, он не почувствовал с их стороны ни надменности, ни национального чванства. Напротив, его встречали вполне радушно. Он даже пользовался у рабочих Тифлиса особым авторитетом, так как многим импонировала простая и доходчивая манера, в которой он излагал сложные политические вопросы. Такое отношение встретило отклик и со стороны Сталина. На съездах партии он стабильно примыкал к большевистской фракции, где преобладали русские. Весьма показательна с этой точки зрения его статья с заметками о Лондонском съезде РСДРП, опубликованная в газете "Бакинский рабочий" 20 июня 1907 года. Рассматривая национальный состав делегатов съезда, Сталин писал:

"Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т.д.

*По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется тов. Алексинский), что меньшевики - еврейская фракция, большевики - истинно русская, стало быть, не мешало бы нам большевикам, устроить в партии погром"*⁴⁹.

Троцкий был возмущен этой статьей Сталина. Он обнаружил в ней антисемитизм. Позднее он писал по этому поводу:

"Нельзя и сейчас не поразиться тому, что в статье, предназначенной для рабочих Кавказа, где атмосфера была отравлена национальной рознью, Сталин счел возможным цитировать проникнутую подозрительным ароматом шутку. Дело шло при этом вовсе не о случайной бестактности, а о сознательном расчете ..."

Можно предположить, что меньшевистская фракция в Баку возглавлялась в то время евреями и что своей шуткой насчет погрома автор хотел скомпрометировать фракционных

противников в глазах остальных рабочих ... Прибавим, что "шутка" Алексинского тоже не возникла случайно: этот ультралевый большевик стал впоследствии отъявленным реакционером и антисемитом"⁵⁰.

Примечательно, что позднее, в середине 20-х годов во время борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией Сталин вновь прибегнул к этому приему. На собраниях в первичных партийных организациях на заводах и фабриках его сторонники отчетливо проводили мысль о том, что оппозиция - "еврейская" фракция в ВКП(б), в то время как сталинцы - русская фракция⁵¹. Означает ли это, что Сталин действительно был антисемитом, как его пытается изобразить Троцкий? Если обратиться к фактам, то получается довольно противоречивая картина. Сталин выдвигал и "задвигал", сажал и выпускал, казнил и миловал и евреев, и неевреев. Он не чурался евреев, готовых верно служить ему. Достаточно сослаться на примеры Литвинова, Кагановича и Мехлиса. Сталин активно использовал евреев и советских и зарубежных в период второй мировой войны. Для этого даже был специально создан Еврейский антифашистский комитет. Когда же война закончилась и международная обстановка изменилась, этот комитет был распущен. Подходить к оценке того, являлся Сталин антисемитом или нет следует именно в этом ключе. Думается, что ему не был присущ какой-то психологический иррациональный антисемитизм. Эмоции и чувства вообще были чужды Сталину. Он действовал как автомат, как компьютер на основании холодного политического расчета. Если интересам его политики отвечало использование евреев, он без колебаний прибегал к этому. Если ему был выгоден антисемитизм, он не останавливался перед антисемитизмом.

Важным элементом сталинской биографии было то, что помимо работы среди русского пролетариата в Закавказье, он провел почти четыре года в туруханской ссылке в маленькой сибирской деревушке. Он жил среди простых русских крестьян, пристрастился к таким крестьянским занятиям как охота и рыбалка, ходил на лыжах, курил махорку. И там Сталин не встретил ни национального высокомерия, ни пренебрежительного отношения к себе как к инородцу. Как писала позднее в эмиграции дочь Сталина С.Алилуева:

"Даже в Сибири мой отец испытывал любовь к России: к природе, к людям, к языку. Он всегда смотрел на свои годы в ссылке, как будто они состояли из сплошной охоты, рыбалки и походов по тайге. Эта любовь осталась с ним навсегда ... Он любил Сибирь с ее застывшей красотой, с ее суровыми, молчаливыми людьми ... Мой отец был полностью обрусевшим"⁵².

Видимо, именно в годы ссылки в сознании Сталина произошел важный перелом, странное соединение двух, казалось бы, несовместимых начал: психологии малого народа и идеи принадлежности к более широкой и могучей общности людей, объединенных в Российском государстве. Первый элемент заключал в себе развитое чувство национализма. В основе второго лежало чувство **российской державности**, обостренное происхождением Сталина из окраинного района России, где опасность центробежных тенденций ощущалась наиболее выпукло. Синтез этих двух элементов дал впоследствии то, что можно определить как

государственный национализм Сталина. Здесь опять хотелось бы сослаться на его замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР:

"В конспекте ..., - писал он, - не учтена зависимая роль, как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского, ввиду чего значение октябрьской революции, как освободительницы России от ее полукOLONиального положения остается немотивированной" [53](#).

Как видим, на этот раз Сталин развернул национально-освободительный аспект русской революции именно в плоскость общероссийской государственности. В данном случае он не сводит его только к национальным меньшинствам, а распространяет на весь народ России. Здесь, пожалуй, особенно наглядно проявилось перенесение Сталиным национализма из этнического измерения в общероссийское.

Такая мировоззренческая конфигурация органически дополнялась третьим элементом сталинской политической философии. Этим элементом была идея **православия**. В отличие от других большевистских лидеров Сталин располагал тем преимуществом, что имел возможность познакомиться с духовными основами православия. Мать Сталина была глубоко верующей православной христианкой. Именно по ее настоянию он поступил в церковно-приходскую школу. Вот что говорилось о Сталине в справке департамента полиции министерства внутренних дел №5500 от 1 мая 1904 года:

"Джугашвили, Иосиф Виссарионович; крестьянин из деревни Диди-Лило, тифлисского района, тифлисской губернии; 1881 года рождения, православный ..." [54](#).

Для российских социал-демократов православное образование было скорее исключением, чем правилом. С этой точки зрения кадровый состав РСДРП заметно отличался от предшествующего поколения русских революционеров. Например, видные революционеры-разночинцы Чернышевский и Добролюбов, также как и Сталин, учились в духовной семинарии. Эту связь православного образования с идеологией **русского народнического социализма** пронизательно подметил Николай Бердяев. Он, в частности, писал:

"Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания ... Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую требовательную и исключительную, выработанную более тяжелой и мучительной школой жизни, чем та, в которой выросли люди дворянской культуры" [55](#).

Образование, которое Сталин получил в церковно-приходской школе и затем в Тифлисской духовной семинарии не могло не оставить глубокого отпечатка на его сознании даже, возможно, вопреки его собственной воле. Примечательно, что, несмотря на господствовавшие в большевистской партии атеистические воззрения, Сталин никогда не относился всерьез к

антирелигиозной пропаганде, обычно называя атеистическую литературу "антирелигиозной макулатурой"⁵⁶. Он даже утверждал, что для члена партии вовсе не обязательно быть атеистом⁵⁷. Представляется, что именно в православии следует искать причины его неверия в интернационализм западного пролетариата. Вслед за основоположником русского социализма А.И.Герценом, Сталин был, похоже, готов начертать на своем знамени: "Западноевропейский рабочий сам мещанин и от мещанства спасти не может"⁵⁸.

Во время обучения в Тифлисской духовной семинарии Сталин на всю жизнь получил прививку от того, чтобы восхищаться ценностями западной цивилизации. После этого у него уже не было ни стремления воспринять западную культуру и образ жизни, ни даже выучить иностранный язык. Он никогда не жил и не стремился подолгу задерживаться на Западе, если попадал туда в силу рабочей необходимости. Само по себе азиатское происхождение Сталина не может являться достаточным объяснением этого феномена. Имеется немало примеров того, как многие политические и государственные деятели Востока становились своего рода "западниками". Причем, это было свойственно не только для России, но и для Турции, Египта, Индии, Китая, Японии и некоторых других стран. Видные российские социал-демократы, в том числе среди большевиков, были выходцами с Кавказа и из Закавказья. Это однако не мешало им придерживаться прозападной ориентации.

История была одним из любимых предметов Сталина и он имел по ней отличную успеваемость. Руководство духовной семинарии рассматривало его как способного и талантливого ученика, что было бы невозможно, не будь у него хороших знаний по теологии и истории религии. Имея перед собой картину противоборства агрессивного западного католицизма с восточным почвенническим православием, ему, видимо, не раз приходилось задумываться об истоках этого конфликта. Он не мог не видеть связи католицизма с рабовладельческой цивилизацией Западной Римской империи, существовавшей и пополнявшей свое богатство за счет ограбления других народов. Видимо, не случайно Сталин, вдруг, вспомнил о Римской империи на 17-ом съезде ВКП(б), рассматривая расистскую теорию нацистской Германии:

"Хорошо известно, - заявил он, - что древний Рим смотрел на предков нынешних немцев и французов тем же самым образом, как представители "высшей расы" смотрят сейчас на славянские расы. Хорошо известно, что древний Рим обращался с ними как с "низшей расой", как с варварами, которым предназначено жить в вечном подчинении "высшей расе", "великому Риму" ... Но чем все это закончилось? В итоге неримляне, то есть "варвары" объединились против общего врага и подвергли Рим разгрому"⁵⁹.

Сталин мог бы при этом добавить, что, хотя разгром Рима состоялся, его идеология продолжала жить. Она была унаследована теми самыми народами, которые уничтожили Западную Римскую империю, народами в основном западноевропейскими. Эта идеология стала неотъемлемой частью их жизненной философии, которую они огнем и мечом несли затем по всему миру, устанавливая свою господство над новыми "варварами". Свое крайнее выражение эта идеология, эта система ценностей получила в расистской теории немецких национал-

социалистов.

Православие же, напротив, ассоциировалось у Сталина с более миролюбивой, крестьянской цивилизацией Византии, в течение веков являвшейся задворками, сырьевым придатком Рима. Кличь "хлеба и зрелищ", столь характерный для римского плебса, вряд ли, мог прийти в голову византийскому крестьянину. Римскому плебсу было безразлично, каким образом поддерживается благополучие Мирового города. Ему было все равно, что это осуществляется за счет безжалостной эксплуатации порабощенных провинций, так же как полтора тысячелетия спустя, рабочему классу Запада было все равно, что его собственное благополучие зиждется на ограблении колоний и других зависимых стран.

Наконец, четвертым элементом, четвертым источником внешнеполитической философии Сталина стал **политический прагматизм**. Так получилось, что с самого начала практическая работа составляла основу его революционной деятельности. Вопросами теории в предреволюционный период он никогда не занимался, за исключением скоротечного эпизода пребывания в Кракове и Вене в 1913 году. Все это не могло не наложить своеобразного отпечатка на стиль его мышления. Это было мышление практика, человека для которого теория имела чисто прикладное, утилитарное значение. Позднее Троцкий так характеризовал этот сталинский стиль:

"Он пользуется отдельными положениями марксизма для нужной ему политической цели, выбирая их так, как выбирают в магазине обувь по мерке"⁶⁰.

Троцкий, как видим, рассматривал это как недостаток. На самом деле в этом, как раз, и заключалась главная сила Сталина. Он не был заложником теоретических догм. Напротив, он использовал теорию в интересах политической целесообразности, в интересах идеологического обоснования конкретных политических решений. Одним словом, он реализовывал все полезное, что можно было извлечь из идеологии, не становясь при этом пленником этой идеологии и нацеливая свои действия на конкретный результат. Сталин как никто другой подходил для роли человека, способного вывести страну из замкнутого круга, когда идти вперед на основе марксистских догм было уже невозможно, но открыто отбросить их в сторону для обеспечения исторического прорыва было еще нельзя.

Во время болезни Ленина в Политбюро сложилось руководящее ядро, своеобразный триумvirат в составе Зиновьева, Каменева и Сталина. Целью этого эклектического альянса было не допустить усиления позиций Троцкого, не пропустить его к захвату власти в партии и государстве. Лидером триумvirата был Зиновьев, который пользовался полной поддержкой Каменева. Сталину принадлежала роль младшего партнера. После смерти Ленина позиции Сталина в партии стали постепенно укрепляться. Не смог помешать этому и тот факт, что содержание ленинского "завещания", где, в частности, предлагалось "переместить" Сталина с поста генерального секретаря, было доведено до сведения 13-го съезда партии. Крупская передала ленинские бумаги в ЦК 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия съезда. Через три

дня состоялся пленум ЦК, на котором "завещание" было рассмотрено. Пленум принял решение, что "документы эти воспроизведению не подлежат", а их оглашение на съезде производится по делегациям⁶¹. Это решение было принято сорока голосами против десяти.

На самом съезде никакого обсуждения по данному вопросу не проводилось. После оглашения "завещания" в той или иной делегации вносилось заранее подготовленное устное предложение, которое и принималось. Впоследствии роль Зиновьева и Каменева в этих событиях получила весьма гипертрофированную интерпретацию, создающую впечатление, что они чуть ли не спасли Сталина от неминуемой политической катастрофы. Думается, однако, что такая расстановка акцентов явилась результатом уже более поздних "домысливаний". Маловероятно, что на пленуме все внимание было приковано исключительно к персоне Сталина. Не надо забывать, что Ленин давал характеристику не только ему. Вполне очевидно, что обнародование "завещания" было крайне нежелательно для всех других большевистских лидеров. Там припоминался "октябрьский эпизод" Зиновьева и Каменева, указывалось на "небольшевизм" Троцкого. Бухарину приписывалось отсутствие "марксистских воззрений" и то, что он никогда "не понимал вполне диалектики". Про Пятакова говорилось, что на него нельзя "положиться в серьезном политическом вопросе"⁶². Эти политические по своей сути обвинения выглядели гораздо более серьезно, чем замечание о "грубости" Сталина. Более того, с учетом сложившихся в большевистской среде традиций, определенная грубоватость рассматривалась, зачастую, не как недостаток, но, напротив, как признак хорошего тона, как проявление близости к массам.

Будь ленинское "завещание" предано гласности, не известно, кто от этого выиграл бы больше - Сталин или его политические противники. Но такая публикация могла бы иметь другой весьма негативный эффект, далеко выходящий за рамки личных амбиций отдельных большевистских лидеров. Фактически это подорвало бы авторитет всего партийно-государственного руководства и могло бы явиться фактором дестабилизации политической обстановки в стране, которая и без того была не простой. Так что неопубликование "завещания" в тех условиях было политически правильным шагом. Трудно понять мотивы Ленина, заложившего перед смертью столь мощную бомбу под свою собственную партию.

Благодаря решению не обсуждать "завещание", 13_й съезд прошел на удивление спокойно. Вообще это был один из самых спокойных съездов за всю историю партии. Не даром говорят, что затишье - предвестник надвигающейся бури. Ни одна из делегаций на съезде не выступила за "перемещение" Сталина с поста генерального секретаря. На пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, он был переизбран на этот пост. В июле на пятом конгрессе Коминтерна Сталин был также избран в состав ИККИ.

Изменившаяся политическая обстановка, открыла перед Сталиным возможности для перехода в идеологическое наступление. Приступил он к этому, как всегда осторожно, строго соразмеряя каждый свой шаг с политическими реальностями. Еще в преддверии 13-го съезда он опубликовал в "Правде" цикл статей под общим названием "Об основах ленинизма". Это

должно было привлечь внимание к Сталину как к последовательному стороннику Ленина, имевшему и моральное и политическое право выступать в роли толкователя ленинизма. К тому же, это должно было служить в качестве подстраховки, если некоторые из выдвинутых Сталиным теоретических положений были бы поставлены под сомнение другими лидерами партии. А такие положения были. Рассматривая ленинский вывод о возможности построения социализма в одной стране, Сталин указывал:

"... Закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит и от реставрации "силами лишь одной страны" невозможно ... Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции" [63](#).

Как видно из этой цитаты, Сталин подходил к поддержке мировой революции исключительно с прагматических позиций, под углом зрения интересов построения социализма в России, обеспечения условий против внешней интервенции.

Другим новым элементом сталинского подхода явился вывод о том, что именно **пример** построения социализма в СССР является "средством для развития и поддержки революции в других странах". Выступая на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) в июне 1924 года, Сталин неожиданно заявил, что партия не ведет революционной пропаганды ни в Западной Европе, ни на Востоке.

"... Нам такой пропаганды не нужно, - подчеркнул он. - Мы в ней не нуждаемся. Само существование Советской власти, ее рост, ее материальное преуспевание, ее несомненное упрочение является серьезнейшей пропагандой ..." [64](#).

Все это не очень вписывалось в концепцию пролетарского интернационализма как ее понимал Ленин. Одно дело поддержка международной революции, как долг российского пролетариата перед пролетариатом других стран, и другое дело поддержка революции в интересах предотвращения внешней интервенции против России. Одно дело выступать с вооруженной силой для помощи революционному движению в других странах, или по крайней мере предоставлять материальное и политическое содействие, и совсем другое дело оказывать поддержку "силой примера". Развивая сталинскую логику чуть дальше, можно было прийти к весьма интересным выводам. Если главная цель состояла не в мировой революции, а в предотвращении внешней агрессии, то что мешало прибегнуть для этого к помощи не одних только коммунистов? Что, наконец, мешало вообще использовать не революционные, а традиционные методы, такие, например, как создание блоков и коалиций с другими, так сказать, "империалистическими" державами. Похоже, что тогда подобные вопросы стали задавать себе многие члены партийного руководства. Сталин даже вынужден был констатировать появление некоего "националистического умонастроения" нового типа. Выступая в Свердловском университете, он так обрисовал существо этого "умонастроения":

"Поддержать освободительное движение Китая? А зачем? Не опасно ли будет? Не рассорит ли это нас с другими странами? Не лучше ли будет установить нам "сферы влияния" в Китае совместно с другими "передовыми" державами и оттянуть кое-что от Китая в свою пользу? Оно и полезно и безопасно ...

Поддержать освободительное движение в Германии? Стоит ли рисковать? Не лучше ли согласиться с Антантой насчет Версальского договора и кое-что выторговать себе в виде компенсации? ... Сохранить дружбу с Персией, Турцией, Афганистаном? Стоит ли игра свеч? Не лучше ли восстановить "сферы влияния" кое с кем из великих держав?"⁶⁵

Тогда Сталин подверг данное "умонастроение" критике, назвав его "путем национализма и перерождения, путем полной ликвидации интернациональной политики пролетариата". Однако, не может не вызывать вопросов, почему Сталин вообще коснулся этой темы. Означало ли это, что данные настроения были столь сильны, что с ними надо было бороться? Или, может быть, Сталин просто избрал такую иносказательную форму, чтобы поделиться со слушателями своими сокровенными мыслями? В пользу этого последнего предположения свидетельствует тот факт, что буквально через несколько лет по ряду ключевых международных проблем Сталин займет позицию, как нельзя лучше вписывающуюся в указанное "умонастроение".

Следует также учитывать, что в своей критике националистического "умонастроения" он фактически нигде не отошел от занимаемых им принципиальных позиций. Этого ему удалось достигнуть путем построения замысловатых формулировок, вроде бы, устанавливающих логическую связь там, где ее в действительности не было. Сталин, например, вел речь о поддержке "освободительного", а не пролетарского революционного движения как в отношении Китая, так и в отношении Германии, находившейся под гнетом Версаля. А это, вполне понятно, далеко не одно и то же. Причем, рассматривал он такую поддержку, прежде всего, во внешнеполитической плоскости, как противодействие давлению на Россию со стороны англо-американского блока, который он тогда рассматривал как главную враждебную силу.

"... Во главе стран капитализма, - отмечал Сталин на 14-ом съезде партии, - становятся две основные страны - Англия и Америка, как союз англо-американский. Во главе недовольных и борющихся насмерть с империализмом становится наша страна - Советский Союз ..., создаются два основных, но противоположных центра притяжения и сообразно с этим - два направления тяги к этим центрам во всем мире ..."⁶⁶

Характерно, что и здесь Сталин ведет речь о всех "недовольных", а не о коммунистическом или рабочем движении. Это говорит о том, что он рассматривал возможность создания гораздо более широкой коалиции сил, которая включала бы и национально-освободительные движения и даже любые другие государства, имевшие по тем или иным причинам противоречия с англо-американским блоком. Причем, в этом раскладе сил коммунистическому и рабочему движению отводилась далеко не первая роль.

Нельзя также забывать, что в 1925 году политические позиции Сталина не были еще достаточно прочны, чтобы открыто отбросить концепцию пролетарского интернационализма, являвшуюся одним из краеугольных камней марксистской доктрины. Поэтому ему приходилось быть весьма осторожным и выражаться иносказательным языком. Это было особенно важно, поскольку как раз в это время в партийных верхах стал намечаться раскол по такому коренному вопросу, как возможность построения социализма в одной стране. В роли главных зачинщиков выступили на этот раз Зиновьев и Каменев. В основе раскола лежали объективные причины, связанные с тем, что в 1924 году политическая обстановка в мире коренным образом изменилась. Основной чертой этих изменений был отлив революционной волны на Западе, что делало перспективы мировой революции все более иллюзорными. Сталин был одним из первых, кто отреагировал на происшедшие перемены. Если в сентябре 1924 года он еще писал о том, что период "буржуазно-демократического пацифизма" ведет "не к отсрочке революции на неопределенный срок, а к ее ускорению", то в январе 1925 года, он уже утверждал, что "международный пролетариат ... не торопится с революцией", что "колонии ... очень медленно раскачиваются", что капитализм сумел достичь "относительной устойчивости"⁶⁷. Первоначально, этот очевидный факт, вроде бы, никто особенно не оспаривал. В документах 5-ого пленума Исполкома Коминтерна указывалось на начало "фазы замедления в развитии мировой революции"⁶⁸. Затем положение о "временной стабилизации капитализма" было закреплено в решениях 14-ой конференции РКП(б), состоявшейся в конце апреля.

Внутрипартийный кризис разразился осенью 1925 года. 4 сентября Каменев, Зиновьев, Крупская и Сокольников выдвинули так называемую "платформу четырех", где ставили под сомнение принятые ранее решения. Сперва конфликт затрагивал, главным образом, внутренние вопросы, но потом перекинулся на сферу внешней политики. На 14-ом съезде партии в декабре Зиновьев и Каменев выступили против сталинского тезиса о возможности построения социализма в одной стране. Зиновьев, например, заявил, что такая позиция "отдает душком национальной ограниченности"⁶⁹. Некоторое время спустя Зиновьев и Каменев обвинили Сталина в "национал-реформизме". В этих условиях Сталин был вынужден разорвать союз с Зиновьевым и Каменевым. В Политбюро он стал опираться на группу националистов-рыночников в составе Бухарина, Рыкова и Томского, что вновь обеспечило ему необходимое большинство.

Было бы упрощением утверждать, что Зиновьев и Каменев, представлявшие интернационал-коммунистическое крыло партии, выступали против строительства социализма в России. Напротив, они были за такое строительство, но не считали это главным или наиболее приоритетным направлением политики, поскольку полагали, что конечной цели - построения социализма - в одиночку все равно достигнуть не удастся. А из этого вытекали вполне конкретные выводы для сферы внешней политики. Из этого следовало, что основной политической задачей должно было стать осуществление мировой революции. За тяжеловесными теоретическими формулами развернулась борьба вокруг одной простой вещи: следует ли России сосредоточиться прежде всего на своем экономическом развитии, делая ставку на собственные силы, либо, наоборот, надо сконцентрировать главные усилия на

осуществлении мировой революции в надежде на последующую экономическую помощь со стороны победившего на Западе пролетариата. Сталин был сторонником первого варианта. Он делал ставку на русский национализм. Зиновьев, Каменев и Троцкий придерживались второго варианта. Они верили в интернационализм западного пролетариата. По сути внутри партии развернулась борьба между национально ориентированным крылом в лице Сталина и Бухарина и прозападным крылом в лице троцкистско-зиновьевской оппозиции. Это были разногласия глубокого сущностного порядка. Сводить их исключительно к борьбе за личную власть, как это часто пытаются делать некоторые авторы, является совершенно ненаучным. Не случайно, что на фоне этих принципиальных расхождений мелкие личностные противоречия между Зиновьевым и Троцким быстро отошли на задний план. А Зиновьев даже заявил, что самой крупной его ошибкой была борьба с троцкистской оппозицией. В апреле 1926 года троцкистская и зиновьевская оппозиция объединилась в единый оппозиционный блок.

Вывод о стабилизации капитализма совершенно не вписывался в доктринальные установки оппозиционного блока, так как это означало фактическое признание своей неправоты. Деятели оппозиции стали активно искать повсюду признаки революционного подъема для обоснования активного вмешательства России в политическую борьбу за рубежом. При этом они были склонны выдавать желаемое за действительное, видеть накат революционной волны там, где этого на практике не наблюдалось, интерпретировать многие заурядные явления как рост революционности масс. В подобных оценках и подходах не было бы, пожалуй, ничего страшного, не занимай Зиновьев влиятельный пост председателя Коминтерна. Этот пост являлся уникальным образованием. Он позволял Зиновьеву проводить свою собственную внешнюю политику, мало зависящую от Политбюро и ЦК. И Зиновьев, нацелившись на претворение в жизнь своих теоретических представлений, не преминул этим воспользоваться. Возникла парадоксальная ситуация, когда в Москве образовались два конкурирующих центра по выработке и осуществлению внешней политики. Это, естественно, не могло не отразиться на эффективности внешнеполитических мероприятий, было чревато серьезными международными осложнениями. Результаты не заставили себя долго ждать. Первые трещины наметились в советской стратегии в Китае.

Примечания

1. Об отношении к этой статье Сталина см.: гл.3.
2. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т.4. С.332-333.
3. Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т.26. С.355.
4. Deutcher I. Op. cit. P.154.
5. Сталин, И.В. Сочинения, т.3. С.186-187.

6. Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т.26. С.355.
7. Там же. Т.45. С.309.
8. Там же. Т.26. С.355.
9. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.1 /Ed. J.Degras, London: Oxford University Press, 1960. P.6.
10. Ibid. P.38.
11. Ibid. P.23.
12. Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т.41. С.81-82.
13. Там же. С.164.
14. Там же. Т.39. С.366-369.
15. Документы внешней политики СССР. Т.3. М.: Госполитиздат, 1959. с.17-18.
16. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. С.27.
17. Троцкий Л. Сталин. Т.2. Бенсон (Вермонт): Чалидзе Пабликэйшнс, 1985. С.15-16.
18. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. С.30-37.
19. Ленин В.И. Пробуждение Азии // Сочинения, 5 изд. Т.23. С.145-146.
20. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. С.171-172.
21. Ленин, В.И. Сочинения, 5 изд. Т.39. С.328-329.
22. Там же. Т.45. С.404-406.
23. Там же. Т.38. С.157-161.
24. Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.42.
25. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. С.323-324.
26. Там же. С.329-334.

27. "Линия Керзона" была установлена Антантой в декабре 1919 г. как восточная граница Польши. В основном соответствовала этнографическому принципу проживания польского, украинского и белорусского населения.
28. Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т.43. С.11.
29. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. С.351-363.
30. Сталин И.В. Сочинения. Т.11. С.324.
31. Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т.45. С.211-213.
32. Там же. С.356-362.
33. Deutcher I. Op. cit. P.240.
34. Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.234.
35. Ленин В.И. Сочинения, 5 изд. Т.45. с.356-362.
36. Там же. С.356-360.
37. Там же. С.345-348.
38. Там же.
39. Там же. Т.54. С.329.
40. Там же. С.330.
41. Сталин И.В. Сочинения. Т.5. С.264-265.
42. Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.253.
43. See: Trotsky L. Stalin. New York: Harper and Brothers, 1941. P.368-369.
44. Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.62-63.
45. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.74.
46. Smith E.E. The Young Stalin. Rexdale (Ontario): Ambassador Books, 1967. P.31.

47. Stalin J.V. Works. Vol.1 [XIV]. Stanford: The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1967. P.38.
48. Litvinov M. Notes for a Journal. London: Andre Deutsch, 1955. P.194.
49. Сталин И.В. Сочинения. Т.2. С.50-51.
50. Троцкий Л. Сталин. Т.1. С.212.
51. Tucker R.C. Stalin in Power. 1928-1941. N.Y.: Norton & Co, 1990. P.41.
52. Alliluyeva S. Twenty Letters to a Friend. London: Hutchinson, 1967. P.38, 75, 130.
53. Stalin J.V. Works. Vol.1 [XIV]. Stanford, 1967. P.39.
54. See: Stalinism: Essays in Historical Interpretation / Ed. R.C.Tucker. New York: Norton & Co, 1977. P.200-201.
55. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма, Париж: YMCA-PRESS, 1937. С.40.
56. См.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.2. М.: АПН, 1989. С.120.
57. Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.132.
58. Бердяев Н. Указ. соч. С.29.
59. Stalin J.V. Works. Vol.13. P.302.
60. Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.44.
61. См.: Ленин В.И. Избранные произведения. Т.3. М.: Политиздат, 1966. С.803-804.
62. Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т.45. С.343-348.
63. Сталин И.В. Сочинения. Т.6. С.107.
64. Там же. С.238.
65. Там же. Т.7. С.168.
66. Там же. С.281.
67. Там же. Т.6. С.284; Т.7. С.21, 27.

68. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.189.

69. Цит. по: Сталин И.В. Сочинения. Т.8. С.272.

[Оглавление и предисловие](#)

[Глава 2. Опыт китайской стратегии](#)

**ЗА
СТАЛИНА**

[На главную страницу](#)

Глава 2

ОПЫТ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ

Политика в отношении китайской революции в 1924-1927 годах стала первым опытом самостоятельной внешнеполитической деятельности Сталина. Этот опыт оказал самое непосредственное влияние на эволюцию его взглядов по вопросам международных отношений. Вот почему изучение данного вопроса имеет столь важное значения для понимания существа сталинской внешнеполитической доктрины и процесса ее формирования. Приоритет в выработке стратегии в отношении Китая принадлежал именно Сталину прежде всего потому, что он изначально уделял повышенное внимание Востоку, по сравнению с Западом. Поскольку другие видные большевики были своего рода "западниками", то в партийном руководстве возникло своеобразное "разделение труда". Одним словом, Восток стал вотчиной Сталина по той простой причине, что на него никто особо не претендовал.

В своей стратегии на Востоке Сталин сделал основную ставку на Китай, а внутри Китая на Гоминьдан, националистическую партию, основателем и руководителем которой был видный китайский революционер Сунь Ят-сен. Последний придавал союзу с Россией самое первостепенное значение, так как полагал, что необходимая помощь в деле восстановления единства Китая и укрепления его национальной независимости может исходить только от России. В своем предсмертном послании советскому правительству он выразил эту мысль достаточно определенно:

"Я оставляю после себя партию, которая, как я всегда надеялся, будет в союзе с вами при выполнении своей исторической задачи освобождения Китая и других угнетенных народов от ига империализма ... Поэтому я завещаю своей партии поддерживать с вами постоянный контакт. Я твердо уверен, что ваша поддержка моей страны останется неизменной. Дорогие товарищи, уходя из жизни, я выражаю надежду, что приближается тот день, когда Советский Союз будет иметь в лице свободного и сильного Китая своего друга и союзника, и что оба государства пойдут рука об руку как союзники в великой борьбе за освобождение всего человечества"¹.

Стратегический замысел Сталина в целом совпадал с идеями Сунь Ят-сена. Нельзя исключать, что и сами эти идеи были "подсказаны" последнему Михаилом Бородиным, советником ЦК ВКП (б) при Гоминьдане, который прибыл в Кантон, столицу национального правительства, в октябре 1923 года по указанию Сталина. Известно, что Бородин имел на Сунь Ят-сена сильное влияние во многих политических вопросах. Достаточно сказать, что под руководством Бородина была проведена масштабная реорганизация всей структуры Гоминьдана, разработаны программа и устав этой партии. Сунь Ят-сен дал согласие на прием в Гоминьдан китайских коммунистов. Это произошло на первом съезде Гоминьдана в январе 1924 года. Тогда же было принято важное решение о создании военной школы Вампу. Официально школа открылась 15 июня 1924 года. Помощь в этом вопросе оказала группа советских военных

советников, прибывших в Кантон вслед за Бородиным. Именно им предстояло в короткий срок подготовить основные кадры национально-революционной армии Китая.

Делая ставку на Гомиьдан, Сталин рассчитывал превратить эту партию в союзника России, содействовать завоеванию ей власти во всем Китае и затем перевести этот союз на межгосударственный уровень. Сталин не сомневался в огромной **национальной** энергии, заложенной в китайской революции. На 14-ом съезде ВКП(б) он указывал:

"Силы революционного движения в Китае невероятны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считаются с ними в должной мере пострадают от этого. Мы, как государство, с этой силой не считаться не можем. Мы считаем, что Китай стоит перед тем же вопросом, перед которым стояла Северная Америка, когда она объединялась в одно государство, перед которым стояла Германия, когда она складывалась в государство и объединялась, перед которым стояла Италия, когда она объединялась и освобождалась от внешних врагов ... Мы сочувствуем и будем сочувствовать китайской революции в ее борьбе за освобождение китайского народа от ига империалистов и за объединение Китая в одно государство. Кто с этой силой не считается и не будет считаться, тот наверняка проиграет"².

Как видно из этой цитаты, Сталин совершенно определенно рассматривал китайскую революцию как **национальную революцию**. О социальных аспектах ее он вообще не упоминал. Главным для него был геополитический аспект - объединение страны. Какое конкретно государство образуется на обширных пространствах Китая, было для него второстепенным вопросом. Ему было важно, чтобы это было единое государство, в огромном потенциале которого он не сомневался. Это мощное государство должно было стать, согласно его замыслу, союзником России в азиатско-тихоокеанском регионе, что позволило бы уравновесить давление со стороны Японии, США и других держав Запада. Именно поэтому Сталин отводил самую приоритетную роль созданию сильной и боеспособной армии Гомиьдана. Он называл "недооценку революционной армии" "недопустимым недочетом".

"Коммунисты Китая, - подчеркивал он, - должны обратить особое внимание на работу в армии ..., должны всемерно усилить политическую работу в армии и добиться того, чтобы армия стала действительным и образцовым носителем идей китайской революции"³.

Вполне очевидно, что подход Сталина не совсем вписывался в традиционные каноны марксизма-ленинизма. О создании революционной армии как исходной точке раскручивания революционного процесса не писали ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин. Видимо, это и смущало на первых порах китайских коммунистов, что и потребовало от Сталина специально акцентировать внимание на важности армии. В Китае обстановка была весьма специфичной, но не настолько, чтобы нельзя было попытаться начать осуществлять революцию по классическому образцу. Ничто не мешало, например, выступить застрельщиками массовых забастовок, демонстраций, перейти затем к образованию Советов и завершить этот процесс

вооруженным восстанием. Но Сталин сделал упор именно на создание армии. Отдельные забастовки и демонстрации в крупных промышленных центрах, конечно, проводились, но играли они второстепенную, подчиненную роль, связанную с реализацией общей стратегии Сталина. Не случайно все эти выступления были сосредоточены в местах с сильным иностранным присутствием, были направлены прежде всего против иностранных интересов. Такая тактика должна была подтвердить выдвинутую Сталиным концепцию китайской революции, которую он характеризовал как революцию национально-освободительную.

*"Китайская революция, - подчеркивал он, - будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае"*⁴.

Такой акцент в позиции Сталина не был случайностью и прямо соответствовал задачам его стратегического замысла. Если бы революция носила просто буржуазно-демократический характер, то ничто не могло помешать лидерам этой революции установить нормальные, даже дружественные отношения с государствами Запада. Установление таких отношений выглядело бы вполне логично, по крайней мере, гораздо более логично, чем сотрудничество с социалистическим государством СССР. Этого Сталин как раз и стремился не допустить. Он неоднократно подчеркивал, что *"будущая революционная власть в Китае не может ни быть властью антиимпериалистической"*⁵. Сталину было важно обосновать национально-освободительный характер революции, чтобы направить ее в антизападное русло. Эта была не такая уж легкая задача, как может показаться на первый взгляд, поскольку Китай не являлся ни колонией, ни протекторатом, ни другой зависимой территорией. Формально он был суверенным государством. Власть там принадлежала самим китайцам. Безусловно, Китай страдал от неравноправных договоров, навязанных ему Западом. Но неравноправные договора в международных отношениях - вещь вполне обычная. Например, Версальский мир навязанный Германии тоже был неравноправным. Но говорить о том, что в Германии должна произойти национально-освободительная революция было бы явным преувеличением.

Поэтому Сталин решил привлечь внимание к значительным экономическим интересам Запада в Китае. Он выдвинул тезис о том, что нельзя ограничиваться требованием "уничтожения неравных договоров", что необходимо поставить вопрос о "национализации железных дорог", "национализации наиболее важных фабрик и заводов"⁶. Расчет Сталина был прост. Направив огонь против западных экономических интересов, он добивался и роста антизападных настроений китайцев, и с другой стороны, вызывал антагонизм Запада по отношению к национально-революционному правительству, что, естественно, должно было затруднить сближение между ними. Для обоснования своего тезиса Сталин ввел понятие "косвенной интервенции".

"... Интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму, - указывал он. - При современных условиях империализм предпочитает интервировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных"

сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих агентов против революции ... Поэтому, кто обходит или недооценивает факт империалистической интервенции в Китае, тот обходит или недооценивает самое главное и самое основное в Китае"⁷.

Выдвигая на первое место именно "интервенцию", критикуя недооценку этого фактора, Сталин делал именно внешнеполитический аспект китайской революции центральным, основным. Это было бы невозможно объяснить, если бы Сталин мыслил в революционных, а не в стратегических категориях. Кажущаяся двойственность сталинского подхода зачастую сбивает с толку тех авторов, которые пытаются анализировать китайскую политику Сталина исключительно под революционным углом. Интересна с этой точки зрения следующая оценка биографа Мао Цзе-дуна С.Шрэма:

"С точки зрения целей советской внешней политики укрепление структуры Гоминьдана было совершенно необходимо, так как Москва получала более эффективного союзника. Но с точки зрения китайской революции это было чревато опасностями для каждого из партнеров"⁸.

Шрэм совершенно справедливо обратил внимание на эту двойственность в сталинском подходе, но не смог объяснить ее, поскольку рассматривал сталинскую политику в первую очередь под революционным углом, в то время как для Сталина главным был **геополитический аспект**. Сталину было по большому счету все равно, кто будет находиться у власти в Китае: коммунисты или гоминьдановцы. Для него важен был единый Китай, проводящий антизападную политику. В его представлении союз России и Китая в Азии мог бы стать непобедимой силой. Это надежно прикрыло бы российский тыл и позволило бы сосредоточить основные усилия в области безопасности на европейском направлении.

Первые расхождения между линией Сталина и Зиновьева в китайском вопросе обозначились уже в марте 1925 года. В телеграмме по случаю кончины Сунь Ят-сена, адресованной Гоминьдану, Зиновьев писал, что "национально-освободительное движение угнетенных народов против империализма ... достигнет успеха только в том случае, если будет идти рука об руку с борьбой международного пролетариата против империализма". Он также указывал, что рабочий класс Китая имеет перед собой "великое будущее", что коммунистическая партия Китая "будет достойна тех великих исторических задач, которые стоят перед ней"⁹. Таким образом, Зиновьев, во-первых, увязал успех китайской революции с революционным движением на Западе, а во-вторых сделал акцент на роль рабочего класса и компартии Китая. Вполне очевидно, что это не могло не насторожить руководство Гоминьдана, где коммунистов явно недолюбливали и считали чужаками. Тем более, гоминьдановцы ни коим образом не намеревались обуславливать развитие своей революции успехами или неудачами революции где-нибудь в Европе.

Телеграмма Сталина, посланная от имени ЦК РКП(б) была выдержана в несколько иных тонах. Сталин писал о Сунь Ят-сене как об "организаторе национально-освободительной борьбы

рабочих и крестьян Китая за свободу и независимость китайского народа, за единство и самостоятельность китайского государства". Как то особо роль рабочего класса он не выделял и ставил его наравне с крестьянством, а о компартии Китая вообще не упоминал. Не делал он и увязки между китайской революцией и революционным движением на Западе, подчеркивая мысль об объединении страны как главной задаче этой революции¹⁰.

Между тем, именно в этот период в политике Коминтерна наметился заметный поворот к Востоку. В апреле 1925 года был значительно укреплен Восточный отдел Коминтерна. Он стал управляться коллегией. В его структуре стали действовать собственные подотделы по организационным вопросам и пропаганде. В Отделе работало 24 представителя из восьми государств Востока¹¹. Такой сдвиг в ориентирах был вполне объясним с учетом спада революционной активности на Западе. Зиновьеву нужны были признаки революционного подъема, и он стал искать их на Востоке. Председатель Коминтерна с самого начала понимал вопрос о "стабилизации капитализма" весьма своеобразно. Соглашаясь, что в Европе действительно достигнута некоторая стабилизация, он утверждал, что на Востоке и в мире в целом ситуация по существу революционна. Признаки нового революционного подъема Зиновьев увидел в шанхайской демонстрации 30 мая 1925 года, которая была расстреляна английскими солдатами. В манифесте, выпущенном Коминтерном по этому поводу, говорилось, что терпению китайского рабочего класса "пришел конец" и что "последние события в Китае красноречиво свидетельствуют о непрекращающемся росте национально-освободительного движения и руководящей роли рабочего класса в этом движении"¹².

Такая оценка была явным преувеличением, поскольку события, подобные шанхайским, являлись неотъемлемым атрибутом китайской действительности в течение целого ряда лет. Делать из этого вывод о начале революционного подъема было неоправданно. Еще менее обоснованным был вывод о руководящей роли рабочего класса в национально-освободительном движении Китая. В действительности, главную роль в этом движении играл Гоминьдан, в руководстве которого преобладали представители интеллигенции и буржуазии, а также крупные и средние землевладельцы. Армия Гоминьдана была укомплектована в основном из крестьян, а офицерский корпус формировался, главным образом, выходцами из помещичьих семей. Коммунисты играли в Гоминьдане далеко не первую роль. Вообще в рядах компартии к октябрю 1925 года насчитывалось чуть более 10 тысяч человек - численность ничтожная для четырехсотмиллионного Китая. Да и рабочий класс в ту пору не превышал нескольких процентов населения.

Между тем, развернутая Зиновьевым активность расплзлась в различные страны, в том числе и в Китай. Это в свою очередь отражалось на настроениях местных коммунистов, которые становились подвержены исходящему из Москвы радикализму, подпитываемому к тому же непростой ситуацией в их собственных странах. Симптоматичным с этой точки зрения явилось выступление генерального секретаря компартии Китая Чэнь Ду-сю на расширенном пленуме ЦК КПК в октябре 1925 года. Он тогда предложил что компартии "следует подготовиться к немедленному выходу из Гоминьдана". Чэнь Ду-сю настаивал, что независимость компартии

необходима, чтобы не быть связанными ограничениями гоминьдановской политики и действовать более активно. Поскольку это предложение шло намного дальше, чем даже директивы Зиновьева, оно было опротестовано представителем Коминтерна на пленуме Войтинским и не прошло. Однако текст принятой резолюции однозначно нацеливал коммунистов на действия в условиях революционного подъема¹³.

В декабре на 14-ом съезде ВКП(б) Зиновьев поставил китайскую революцию в центр мирового революционного процесса. В тезисах Отдела пропаганды Коминтерна, опубликованных в январе 1926 года говорилось:

*"Мы снова вступили в период, когда революционное движение находится на подъеме, когда в обширных районах мира фактически сложилась революционная ситуация. На первом месте стоит революция в Китае. Важность событий в Китае неизмерима ... Китайская революция является звеном в цепи мировой революции, поэтому обширные районы мира непосредственно охвачены революционной ситуацией. Это признак приближения мировой революции"*¹⁴.

Данные положения уже напрямую противоречили решениям апрельской конференции 1925 года, сделавшей вывод о "стабилизации" капитализма. Но это не смущало Зиновьева. Он начал активно переводить свои теоретические построения в русло практических решений. Ему удалось провести свою линию в китайском вопросе на 6-ом расширенном пленуме ИККИ. В резолюции о положении в Китае, принятой пленумом 13 марта 1926 года говорилось:

*"Китайский рабочий класс, организованный в классовые профсоюзы и ведомый коммунистической партией, показал себя как руководящая сила движения демократических масс, как наиболее важный сторонник национальной независимости и установления народной власти ... Коммунистическая партия Китая сможет выполнить стоящие перед ней исторические задачи, как лидер борьбы трудящихся масс Китая против империализма только, если в течение всего хода борьбы она сумеет укрепить свою организацию и влияние как классовая партия китайского пролетариата и секции Коммунистического Интернационала ... Политическая независимость китайских коммунистов будет развиваться в борьбе против двух опасных отклонений - против правого ликвидаторства, который недооценивает независимые классовые задачи китайского пролетариата и ведет к бесформенному слиянию с национальным движением в целом, и против ультралевого радикализма, выражающегося в попытке перескочить революционно-демократическую стадию движения и немедленно приступить к задачам пролетарской диктатуры и Советской власти"*¹⁵.

В приведенной цитате обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, как и в предыдущих зиновьевских документах явно непропорционально выпячивается роль рабочего класса и компартии в национальном движении. Во-вторых, ни слова не говорится об армии Гоминьдана. Сталин, как мы видели, делал основной акцент именно на армию. В-третьих, резолюция недвусмысленно нацеливала коммунистов на достижение "независимых классовых задач", на укрепление своей собственной организационной структуры и политической

автономности. В-четвертых, косвенным образом давалось понять, что после завершения "буржуазно-демократического" этапа (хотя через него и не следует "перепрыгивать") начнется следующий этап пролетарской диктатуры. В переводе на нормальный язык это означало, что союз с Гоминьданом носит временный характер, что как только цели объединения страны будут достигнуты, коммунисты обрушатся на своих вчерашних союзников, разгромят их и захватят власть. При этом они будут действовать как "секция Коминтерна", заграничной организации, что фактически аннулирует итоги национально-освободительной борьбы.

Вполне очевидно, что существо данной резолюции не могло понравиться некоммунистическим лидерам Гоминьдана. Парадокс заключался в том, что в добавление ко всему Гоминьдан был представлен на пленуме одним из лидеров его правого крыла Ху Хань-мином. Последний был специально удален из Кантона и направлен в почетную ссылку в Москву как раз за интриги против коммунистов. Ху Хань-минь, наверняка, постарался, чтобы представить своему руководству и само содержание резолюции, и ход дебатов по ней в наиболее неблагоприятном свете.

В то время как Зиновьев наращивал активность по линии Коминтерна, Сталин тоже не сидел сложа руки. В интересах своей политики он использовал аппарат ЦК ВКП(б). В феврале 1926 года в Пекин прибыла высокопоставленная секретная делегация во главе с начальником Политуправления Красной Армии Бубновым. Впоследствии Троцкий прямо назовет Бубнова "агентом Сталина"¹⁶. В составе делегации не было ни одного представителя Коминтерна. Работа комиссии вращалась в основном вокруг одного вопроса: стоит ли начинать поход армии Гоминьдана на Север с целью объединения страны или нет. Комиссия заслушала военного атташе в Пекине, советских военных советников и Бородин, который был специально для этой цели вызван в Пекин. Бородин и большинство других выступавших высказалось за проведение Северного похода. К такому же выводу пришла и сама комиссия. Вот, что вспоминает об этом советский военный советник в Кантоне А.Черепанов:

"... Вся работа комиссии А.С.Бубнова в Пекине была связана с идеей Северного похода ... Конечный вывод Бубнова был таков: если полгода назад Северный поход был отвергнут и вполне правильно, то теперь условия для него созрели, надо вести подготовку к нему, чтобы двинуться на Север через полгода - год ... У меня не было сомнений в том, что рекомендации комиссии А.С.Бубнова получат в основном одобрение в Москве"¹⁷.

Свидетельства Черепанова и других участников данных событий опровергают сложившуюся на Западе версию о том, что Сталин выступал, якобы, против Северного похода. В основе этой версии лежит один единственный документ из архивов Троцкого, представляющий собой копию резолюции Политбюро от 25 марта 1926 года. На полях этой резолюции Троцкий сделал пометку "поправка Сталина" и выделил следующее положение:

"Правительство в Кантоне в настоящий момент должно решительно отбросить идею о военных экспедициях наступательного характера, и в более общем плане любых действий,

которые могли бы спровоцировать империалистов на военную интервенцию"¹⁸.

Даже если предположить, что пометка Троцкого отражала реальное положение вещей, она не является достаточным доказательством того, что Сталин выступал против Северного похода. Нам не известен контекст, в котором Сталин внес данную поправку. Ссылка на "настоящий момент" подтверждает скорее то, что Сталин был против начала экспедиции в конкретных обстоятельствах конца марта 1926 года. И в этом он был совершенно прав. В Кантоне еще не улеглись страсти, вызванные известными событиями 20 марта, о которых речь пойдет ниже. Обстановка была совершенно не ясной. Комиссия Бубнова отбыла из Кантона только 24 марта и, естественно, еще не успела прибыть в Москву. Со стороны Сталина было совершенно разумно дожидаться возвращения комиссии и выслушать ее оценки и рекомендации, прежде чем связывать себя решением Политбюро. Что касается последующей политики Сталина, то она вполне определенно подтверждает тот факт, что он был твердым сторонником Северного похода.

Но вернемся к делегации Бубнова. Она прибыла в Кантон 10 марта, чтобы познакомиться с обстановкой на месте. Такой шаг был вполне оправданным, поскольку ситуация в столице национального правительства была довольно запутанной и нужно было побывать там, чтобы составить более или менее четкое представление о характере происходящих событий. Дело в том, что в Кантоне уже достаточно долгое время шла активная поляризация сил. Участвовали в этом процессе и советские военные советники. Одним из важных вопросов развернувшейся политической борьбы стал Северный поход. Отношение к нему со стороны различных политических сил и группировок внутри Гоминьдана не было однозначным.

Компартия Китая испытывала к Северному походу довольно сдержанное отношение. Коммунисты полагали, что прежде необходимо до конца выполнить программу внутренних социальных преобразований, то есть вести дело к "углублению" революции. Особенно это было характерно для гуандунского провинциального комитета партии со штаб-квартирой в Кантоне. Между тем, гуандунский комитет был наиболее многочисленной и влиятельной партийной организацией, так как действовал в условиях легальности, да к тому же пользовался помощью советской военной миссии. Это давало возможность кантонским коммунистам пользоваться значительной автономией по отношению к ЦК партии в Шанхае.

По пути в Кантон комиссия Бубнова посетила Шанхай. Там 2 марта состоялась их встреча с генеральным секретарем компартии Китая Чэнь Ду-сю. Последний высказал ряд претензий в адрес гуандунского комитета, в том числе за их позицию по вопросу о Северном походе. По словам Черепанова:

"Чэнь Ду-сю всячески критиковал гуандунских товарищей, которые считали, что им нужно примерно полгода, чтобы создать прочное положение в провинции, где еще существуют остатки контрреволюции, не налажена политическая работа в армии, далеко не в блестящем состоянии финансы и вообще совершено много "субъективных ошибок". "Я полагаю, - говорил

*Чэнь Ду-сю, - что экспедицию можно и должно послать гораздо скорее, чем это собирается сделать Гуандун*¹⁹.

На противоположенном фланге от коммунистов находился начальник военной школы Вампу Чан Кай-ши, ставший после смерти Сунь Ят-сена одной из самых влиятельных фигур Гоминьдана. Чан Кай-ши занимал в гоминьдановском руководстве ряд ключевых должностей: члена ЦИК и Политбюро ЦИК, члена Политического и Военного советов. Но что еще более важно, Чан Кай-ши командовал "партийной армией", 1-ым армейским корпусом, являвшимся наиболее боеспособной единицей гоминьдановских войск и расквартированным к тому же в Кантоне и его окрестностях. Наличие под рукой в нужный момент верных ему частей сыграло решающую роль в судьбе китайского Бонапарта.

Фактически Чан Кай-ши превратился во второго человека в иерархической структуре Гоминьдана, уступая первую роль только Ван Цзин-вэю, формальному лидеру партии и главе правительства. Между Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэем развернулась подспудная борьба за власть, которая на первых порах не принимала острых форм. Последний тяготел к левому крылу Гоминьдана. Чан Кай-ши больше думал о личной карьере. Но поскольку левая "ниша" оказалась занятой, он был вынужден искать опору в других частях политического спектра.

Бородин, являвшийся главным политическим советником при Гоминьдане, старался проводить сбалансированный курс, лавируя между различными центрами политической силы и стараясь при этом всячески избежать внутреннего раскола. В этом вопросе он четко проводил установки, полученные от Сталина. Этого нельзя было сказать про отдельных членов советской миссии при Гоминьдане. Среди военных советников оказались и сторонники Зиновьева. Наиболее видным из них был И.Разгон, заместитель главы советской военной миссии по политической части. В гоминьдановской армии Разгон выполнял функции начальника Политуправления. К Разгону примыкал заместитель главного военного советника В.Рогачев, исполнявший обязанности начальника Главного штаба национально-революционной армии.

О наличии разногласий между Разгоном и Бородиным свидетельствует, например, справка "О политической работе в национально-революционной армии", оказавшаяся среди документов, захваченных пекинской полицией во время рейда на советское посольство 6 апреля 1927 года. В справке имелась следующая информация:

"С увеличением и развитием активности коммунистов в армии, естественно, стали возникать разногласия между ними и правым Гоминьданом. Был момент, когда эти разногласия достигли такой острой формы, что наш главный политический советник в Кантоне поставил вопрос о выведении коммунистов из армии. Но, помимо того, что вся предыдущая работа членов компартии Китая подтверждает необходимость их работы в армии, необходимо также принимать во внимание, что коммунисты должны иметь отношения с армией, потому что коммунисты постольку, поскольку они входят в Гоминьдан, не могут не принимать участия в конструктивной работе в национально-революционной армии. Все эти соображения

*были изложены в письме ЦК КПК, копия которого была направлена представителю Коминтерна в Пекине*²⁰.

Отсюда видно, что, если Бородин стремился притормозить коммунистическую пропаганду в армии и даже вообще свернуть ее, то Разгон, напротив, всячески поощрял такую активность и даже апеллировал к авторитету Коминтерна, чтобы оказать давление на главного политического советника. Примечательно, что, желая не подставлять себя, Разгон использовал для атаки на Бородина китайских коммунистов и каналы связи Коминтерна, так как своего собственного канала связи у него не было.

Пост начальника Политуправления гоминьдановских войск открывал Разгону широкие возможности для проведения своей линии. Тех же представителей Гоминьдана, которые противились этому он просто записывал в "правые", хотя, скорее всего, они были обычными офицерами китайской армии и мыслили и действовали на основе китайских традиций. Все это, безусловно, ставило под удар единый фронт с Гоминьданом, ослабляло потенциал национальной революции. Интересна в этой связи позиция, занятая главой советской военной миссии при Гоминьдане Н.Куйбышевым. Последнего вряд ли можно отнести к сторонникам Зиновьева по той простой причине, что его брат В.Куйбышев, влиятельный член ВКП(б), был ближайшим соратником Сталина. Тем не менее, Н.Куйбышев оказался втянутым в русло прозиновьевской политики. Это явилось следствием личного соперничества, которое развернулось у него с главным политическим советником. Имея мощную поддержку в Москве, Куйбышев, видимо, не очень считался с мнением Бородина. Такая ситуация - дело вполне обычное для загранучреждений. Дело дошло до того, что Куйбышев стал настаивать перед советским военным атташе в Пекине, чтобы ему предоставили собственный шифр. В одном из своих докладов в атташат он прямо писал:

*"... Пришлите нам военный код, без которого связь с вами затруднена, так как ... в настоящее время существует только один секретный код у Бородина ..."*²¹.

Куйбышев обосновывал свой запрос техническими проблемами, однако главной причиной было его желание получить свой собственный канал связи с Центром, независимый от Бородина. Разгон воспользовался создавшейся ситуацией, чтобы перетянуть Куйбышева на свою сторону. Это ему удалось. В результате чисто личное соперничество Куйбышева и Бородина переросло в разногласия политического характера. Последствия этого оказались весьма плачевными как для самих участников интриг, так и для всей китайской стратегии Москвы. Куйбышев, который был человеком весьма прямолинейным и в дипломатии не искусственным, стал отдавать предпочтение представителю "левого" крыла Ван Цзин-вэю в ущерб Чан Кай-ши. Порой, он открыто выражал недовольство как самим Чан Кай-ши, так и всем офицерским корпусом Гоминьдана за их, якобы, реакционность. Вот, что вспоминает по этому поводу Вишнякова-Акимова:

"Русские советники настаивали на централизованном управлении армией и равномерном

распределении средств. Особенно жестко поставил этот вопрос Н.В.Куйбышев ... На заседаниях Военного совета его активно поддерживали В.П.Рогачев, бывший тогда советником Главного штаба Национально-революционной армии и И.Я.Разгон (Ольгин), заместитель Куйбышева по политчасти ... Ван Цзин-вэй соглашался с этой точкой зрения ... Поскольку Чан Кай-ши с исключительным бесстыдством присваивал деньги, предназначенные на строительство Национально-революционной армии, Куйбышев игнорировал его и по всем вопросам обращался к Ван Цзин-вэй. Чан Кай-ши его возненавидел"²².

Было бы, конечно, упрощением утверждать, что Чан Кай-ши "присваивал" деньги, так сказать, для личного потребления. Он заботился о верных ему частях, о своем корпусе, о своих политических позициях. Все это требовало средств и немалых. Каждый из гоминьдановских генералов стремился ухватить побольше от весьма скудного пирога, имевшегося в распоряжении национально-революционной армии, главным образом, в результате помощи со стороны СССР. Куйбышев же стал ограничивать аппетиты Чан Кай-ши. Он даже как-то предложил, что следует распределять вооружения, поступающие из Советского Союза, непосредственно в воинских частях, минуя Чан Кай-ши. Все это, естественно, вызвало резкое неудовольствие со стороны последнего. В его дневнике уже с января 1926 года стали появляться критические записи о Куйбышеве и Рогачеве²³.

4 февраля Бородин отбыл в Пекин для встречи с комиссией Бубнова. По свидетельству Чан Кай-ши, Куйбышев, оставшийся за старшего, стал ставить под сомнение осуществимость Северного похода, утверждая, что на данном этапе он неминуемо закончится поражением. Попытки Чан Кай-ши переубедить его окончились безрезультатно. Более того, Куйбышеву, Разгону, Рогачеву и коммунистам удалось повлиять на Ван Цзин-вэй, который принял их сторону²⁴. Чан Кай-ши несколько раз встречался с Ван Цзин-вэй и беседовал на эту тему. Но и здесь его усилия оказались тщетными. В один момент Чан Кай-ши сгоряча даже подал в отставку, но Ван Цзин-вэй отказался ее принять. Во время разговора 8 марта Чан Кай-ши настаивал, что нельзя допустить, чтобы "революционная власть" перешла в руки иностранцев и что должны быть положены какие-то "пределы" отношениям с Коминтерном. Как следует из дневника Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэй с ним согласился²⁵.

Беседы между двумя лидерами носили доверительный характер. Но их содержание каким-то образом стало известно коммунистам и членам советской военной миссии. Это дало Чан Кай-ши основания предположить, что Ван Цзин-вэй ведет против него закулисную игру. Возможно, это было действительно так, поскольку как раз в этот момент против Чан Кай-ши началась пропагандистская кампания, тон в которой задавали коммунисты. Печатались и распространялись листовки, называвшие его контрреволюционером и милитаристом. На волне этой кампании коммунист, заведовавший Политотделом Вампу, в одном из своих выступлений охарактеризовал военную школу как "неревolucionную". А Чан Кай-ши он в завуалированной форме сравнил с одним из северных милитаристов. Сам Чан Кай-ши в этот период испытывал сильные колебания. Он никак не мог решить, следует ли ему сложить с себя все обязанности и уехать или остаться бороться до конца. Короче говоря, к моменту приезда в Кантон комиссии

Бубнова ситуация там была очень непростой, если не сказать больше - напряженной. Однако 20 марта произошли события, которые радикально изменили баланс сил в руководстве Гоминьдана.

В соответствии с версией Чан Кай-ши, 18 марта командующий гоминьдановским флотом коммунист Ли Чжи-лун приказал крейсеру "Чжуншань" передислоцироваться к острову, где располагалась военная школа Вампу. "Чжуншань" был самым мощным судном военно-морских сил Гоминьдана и тоже находился под командованием коммуниста. Крейсер встал напротив военной школы и занял боевую позицию. Чан Кай-ши в это время находился в Кантоне. Утром 19 марта у него дома раздался телефонный звонок. Звонивший поинтересовался, когда он отбывает в Вампу. Время шло и неизвестный перезвонил еще два раза. Это насторожило Чан Кай-ши. Во время третьего звонка он заявил, что не решил еще окончательно, поедет ли вообще в Вампу. Через час после этого позвонил Ли Чжи-лун и спросил, когда можно было бы вернуть крейсер в Кантон, чтобы подготовить его к инспектированию делегацией Бубнова. На вопрос о том, кто вообще отдал приказ о передислокации крейсера, последовал невнятный ответ в том смысле, что приказ исходил от самого Чан Кай-ши и был передан по телефону деканом военной школы. Подозрения Чан Кай-ши еще более усилились. Он понял, что завязывается крутой узел. Поздно ночью 19 марта крейсер вернулся в Кантон, но опять встал в боевую позицию, развернул орудия в сторону города и не выключал осветительных приборов. Вот, что вспоминал сам Чан Кай-ши про этот эпизод:

"Все мои подозрения сводились в тот момент к тому, что коммунисты намерены поднять восстание. Я не имел представления о том, насколько далеко простираются их коварные планы. Только позднее я узнал, что они готовились захватить меня и отправить в Россию"²⁶.

Видимо, у Чан Кай-ши были основания волноваться. Уж слишком все это напоминало эпизод с крейсером "Аврора". Чан Кай-ши решил поэтому перехватить инициативу и нанести удар первым. Ли Чжи-лун был немедленно арестован. На крейсер был направлен вооруженный отряд, который взял его под свой контроль. В Кантоне было введено военное положение. С утра 20 марта верные Чан Кай-ши части окружили помещения комитета Гонконг-Кантонской забастовки, где преобладали коммунисты. Рабочие дружины были разоружены. Был оцеплен пригородный квартал Кантона Дуншань, где жили члены советской военной миссии, а охрана разоружена. У всех правительственных зданий были выставлены вооруженные наряды. Политические комиссары кантонского гарнизона и школы Вампу, являвшиеся коммунистами, были арестованы. Чан Кай-ши упразднил Военный совет и объявил себя главнокомандующим национально-революционной армией.

Не встретив, однако, никакого сопротивления, Чан Кай-ши несколько растерялся и стал давать задний ход. Вечером 20 марта, когда Бубнов пожаловался ему насчет блокады военной миссии, Чан Кай-ши принес свои извинения, снял оцепление и дал возможность охране вернуться к исполнению своих обязанностей. 21 марта к утру большинство арестованных коммунистов было освобождено. А Чан Кай-ши заявил, что если лично Ли Чжи-лун и несет какую-либо ответственность, то это не означает вины всей компартии. 22 марта советник советского

посольства в Пекине Соловьев, сопровождавший делегацию Бубнова, посетил Чан Кай-ши. В ходе беседы последний дал понять, что его действия не были направлены ни против Советского Союза, ни против советской военной миссии как таковой. Однако, он попросил отозвать главу военной миссии Куйбышева, а также Разгона и Рогачева. Оба они отбыли в Москву 24 марта вместе с комиссией Бубнова²⁷.

Существует две версии событий 20 марта. Первая, автором которой является сам Чан Кай-ши состоит в том, что он предотвратил коммунистический путч. В рамках этой версии существуют различные нюансы относительно деталей. Например, участвовал ли в заговоре сам Ван Цзин-вэй или он просто молча попустительствовал происходящему. В любом случае сразу же после "переворота" Ван Цзин-вэй скрылся из Кантона. После этого он осудил действия Чан Кай-ши, сложил с себя все обязанности и перебрался в Париж. Не ясна также роль советских военных советников. Документы, захваченные в советском посольстве в Пекине не дают оснований полагать, что советская военная миссия официально участвовала в "заговоре" против Чан Кай-ши. Эти документы важны тем, что они готовились без всякой мысли о том, что когда-нибудь попадут в чужие руки, и потому содержат достоверную информацию. В документах нет и намека на подготовку какой-либо акции против Чан Кай-ши. Напротив, вся инициатива в событиях 20 марта приписывается именно последнему. Это, конечно, не исключает, что Куйбышев и Разгон могли участвовать в "заговоре" по собственной инициативе, так сказать, по велению "революционной совести". Но в этом случае ответственность за происшедшее лежит исключительно на них самих, а не на советской военной миссии в целом.

Вторая версия событий 20 марта была сформулирована в официальных советских источниках. Она сводится к тому, что Чан Кай-ши, недовольный активностью коммунистов, и некоторых военных советников сам спланировал и осуществил "переворот", возложив затем вину на компартию Китая. В рамках этой версии также имеются различные нюансы. Расхождения в основном касаются вопроса о том, был ли инициатором "переворота" лично Чан Кай-ши, либо он был спровоцирован на это "правыми" гоминьдановцами, организовавшими загадочные маневры крейсера "Чжуншань". Видимо, в этом деле окончательную истину так никогда и не удастся установить. Но как ни странно это может звучать, для политического анализа это не имеет почти никакого значения. При всей диаметральной противоположности обеих версий они подтверждают, по сути, одну и ту же мысль. Она состоит в том, что в марте 1926 года противоречия между компартией Китая и группировкой Чан Кай-ши достигли критической отметки. Важным фактором в нарастании этих противоречий был радикализм китайских коммунистов, в особенности гуандунского комитета. Этот радикализм подпитывался инструкциями Коминтерна, а также сторонниками антисталинской оппозиции среди советских советников в Кантоне. Поэтому не важно, кто нанес первый удар. Проба сил все равно должна была состояться и она состоялась. Надо отдать должное Чан Кай-ши. В этом столкновении он одержал верх. Но связано это было не столько с его личными качествами, сколько с соотношением сил внутри Гоминьдана, которое складывалось не в пользу компартии. Этого не понимали и не могли понять интернационал-коммунисты, сторонники Зиновьева и Троцкого, настаивавшие на "углублении" китайской революции и ее смыкании с мировой революцией.

С советской стороны первый официальный анализ событий 20 марта был сделан уже 24 марта Бубновым в его выступлении перед сотрудниками советской военной миссии. Бубнов охарактеризовал случившееся как "маленькое полувосстание, направленное против русских советников и китайских комиссаров". Среди главных ошибок советской военной миссии Бубнов назвал переоценку силы и единства кантонского руководства; слишком быструю централизацию Главного штаба, Управления снабжения и Политуправления; чрезмерный контроль за генералитетом со стороны комиссаров; недоучет национализма китайских военных. Бубнов со всей определенностью высказался за "расширение" революции. Всю последующую работу он связывал с Северным походом. "Национальная революция не может окопаться на Юге Китая", - подчеркнул он. Помимо этого, Бубнов ориентировал советских советников и китайских коммунистов на укрепление единства Гоминьдана. Он указывал:

"Основная задача заключается в том, чтобы через работу в левом Гоминьдане укреплять непосредственно самый Гоминьдан; надо сказать, что, конечно, эта работа очень длительного порядка, она требует очень большой настойчивости, она потребует от китайской коммунистической партии гибкой, очень спокойной и очень выдержанной тактики ... Мы считаем, что партия несколько увлеклась военной работой ... Мы имеем совершенно неравномерное размещение сил по армии".

В дополнение ко всему, Бубнов рекомендовал китайским коммунистам уделять больше внимания оказанию помощи национальному правительству в укреплении государственного аппарата. Он также подверг критике действия вооруженной рабочей гвардии, которая, по его словам, *"присвоила себе совершенно ей не свойственные полицейские функции"*²⁸.

Вполне очевидно, что основные положения доклада Бубнова призывали к умеренности, причем, не только советских советников, но и китайских коммунистов. Это никак не соответствовало выводам Коминтерна о новом революционном подъеме. Важен также акцент на необходимости "помощи" Гоминьдану со стороны китайской компартии. Это подразумевало укрепление единого национального фронта в противовес тезису об углублении революции. Выводы Бубнова получили дальнейшее развитие в так называемом "докладе Степанова", подготовленном чуть позднее. После отъезда Куйбышева Степанов временно исполнял обязанности главы советской военной миссии в ожидании приезда Блюхера. На его долю выпала нелегкая задача дать "самокритичный" анализ событий 20 марта. В "докладе Степанова" говорилось:

"Наши ошибки можно было бы охарактеризовать следующим образом:

- 1. Слишком быстрая централизация вооруженных сил ...*
- 2. Чрезмерный контроль за генералами и различными органами.*
- 3. Излишне радикальная пропаганда в армии по вопросам империализма, крестьянства и*

коммунизма.

Выше приведенные пункты естественно и неизбежно вызвали неприязненное отношение высокопоставленных офицеров, которые, не освободившись еще полностью от старых милитаристских привычек, на первых этапах проявляли выдержку и терпение, но в конечном итоге перешли в открытую оппозицию ...

*Компартия Китая также совершила множество ошибок в партийной работе и пропаганде в армии. Члены партии плохо понимают политику укрепления Гоминьдана, а затем скрытого преобразования его. В качестве своей основной политики они только пытаются открыто увеличивать численность компартии и везде над всем захватывают полный контроль. Таким образом они отталкивают Гоминьдан и вызывают зависть со стороны членов Гоминьдана*²⁹.

"Ошибки", перечисленные Степановым, можно условно подразделить на две группы. К первой следует отнести "ошибки" "технического" характера, вызванные, скорее всего, чрезмерным усердием советских советников, стремившихся как можно скорее создать боеспособную армию Гоминьдана. Действительно, ускоренная централизация армейских структур, жесткая опека высшего генералитета, стремление везде и всюду подменять китайских командиров в выработке и принятии решений и другие аналогичные моменты трудно объяснить иначе как желанием достичь наибольшего результата в кратчайший срок. При этом явно недоучитывались местные традиции, особенности менталитета китайских военных и т.п. Все это были недочеты профессионального свойства, которые объяснялись недостаточной культурологической подготовкой советского персонала.

Совершенно по иному следует воспринимать другую группу "ошибок". Это были уже ошибки политического характера. Радикальная коммунистическая пропаганда в армии, наступательная тактика коммунистов внутри Гоминьдана подрывали основы единого национального фронта и, по сути, срывали сталинскую стратегию в Китае. Нельзя не видеть связи тактики коммунистов в Кантоне с деятельностью антисталинской оппозиции. Достаточно сказать, что именно Разгон, возглавляя Политуправление гоминьдановских войск, подбирал кадры комиссаров и давал установки о характере идеологической работы. Не малую роль в стимулировании радикализма играли, безусловно, и инструкции, поступавшие в Кантон по линии Коминтерна, что служило обоснованием для политической линии, проводимой гуандунским комитетом компартии Китая.

При посредничестве Бородина, вернувшегося в Кантон 29 апреля между Чан Кай-ши и коммунистами был достигнут ряд договоренностей. Последние, в частности, обязались не критиковать более три основных принципа Сунь Ят-сена: национализм, демократию и народное благосостояние. Лидер компартии Китая Чэнь Ду-сю был даже вынужден двумя месяцами позже опубликовать открытое письмо, где признавал принципы Сунь Ят-сена как общую идеологию рабочих и буржуазии в национальном движении³⁰. Он также направил Чан Кай-ши личное послание, где сообщал, что расходится с мнением коммунистов, занимающих негативную позицию в отношении Северного похода³¹.

Помимо этого, на пленуме ЦИК Гоминьдана 15 мая коммунисты дали согласие на то, что они не будут более занимать должности заведующих отделами ЦИК. Число коммунистов в исполнительных комитетах центрального и провинциального уровней ограничивалось одной третью. Коммунисты обязались вручить председателю ЦИК Гоминьдана список всех своих членов, состоящих в Гоминьдане, а также передавать в дальнейшем на утверждение объединенного комитета (состоящего как из коммунистов, так и из членов Гоминьдана) все предписания, поступающие от руководства компартии и Коминтерна. Коммунистам запрещалось созывать гоминьдановские партийные собрания от имени Гоминьдана без соответствующей санкции³².

С учетом вышесказанного можно прийти к парадоксальному выводу, что "переворот" Чан Кай-ши не только не противоречил, но, наоборот, отвечал интересам стратегии Сталина в Китае. Это становится достаточно очевидно, если взглянуть на итоги "переворота". Во-первых, к власти пришел Чан Кай-ши, человек, который был горячим сторонником Северного похода и объединения страны военным путем. Во-вторых, в Гоминьдане произошла централизация власти, что превращало его в более дееспособную организацию. А это было необходимо перед лицом тех трудностей, которые должен был принести с собой Северный поход. В-третьих, из Кантона были удалены сторонники зиновьевской оппозиции. Причем, сделано это было чужими руками, что было особенно важно для Сталина, заинтересованного в сохранении хороших отношений с В.Куйбышевым, на поддержку которого он опирался в борьбе с оппозиционерами. Наконец, "переворот" привел к ограничению влияния коммунистов в Гоминьдане. Это было важно с учетом необходимости перебороть тенденцию в пользу "углубления" революции и укрепить единый национальный фронт.

Все это невольно наводит на размышления о роли Сталина в организации событий 20 марта. Не мог ли Бубнов, действуя по прямому указанию Сталина или в русле его инструкций, тем или иным образом подтолкнуть Чан Кай-ши на осуществление "переворота"? Ведь известно, что до приезда Бубнова в Кантон Чан Кай-ши испытывал сильные колебания и затем, вдруг, отважился на решительные действия. К сожалению, здесь по-прежнему больше вопросов, чем ответов. До сих пор не ясно, кто отдал приказ о передислокации крейсера "Чжуншань". Не установлена личность звонившего Чан Кай-ши, а сам он категорически отказался ее назвать. Не объяснено загадочное исчезновение Ван Цзин-вэя и его поспешный отъезд в Париж. Не понятна задержка Бородин в Пекине, хотя по всей логике вещей он должен был бы сопровождать делегацию Бубнова. Последующие утверждения Бородина, что он, якобы, собирался в Москву на отдых звучат не очень убедительно. Еще менее убедительными представляются его заявления в советской военной миссии, сделанные уже после возвращения в Кантон и встреч с Чан Кай-ши, о том, что последний так и не смог дать "никаких внятных объяснений происшедшего"³³. Показательно также, что через 24 часа после "переворота" Бородин и советский посол в Пекине Карахан совместно информировали Москву о том, что существуют неплохие возможности для "достижения понимания" с Чан Кай-ши³⁴. Трудно предположить, что такая ответственная телеграмма могла быть направлена, не обладай ее авторы некоей "внутренней" информацией, не доступной для постороннего наблюдателя.

На некоторые размышления наводит и поведение Бубнова. Похоже, что, оказавшись в самом центре событий, он не был ничуть смущен происходящим, вел себя совершенно спокойно и сразу же после "переворота" вошел в контакт с Чан Кай-ши. Не менее важно и содержание его выступления перед составом советской военной миссии, где он фактически поставил новые политические ориентиры, расходившиеся с линией Коминтерна. Опять-таки трудно предположить, что Бубнов мог вносить столь важные коррективы в политический курс, не имея предварительных инструкций Центра. Впрочем, все это - лишь догадки. Документально подтвердить или опровергнуть эту версию, вряд ли, когда-либо удастся. Политики, проводящие такого рода операции, стараются не оставлять никаких следов, не говоря уже о документальных свидетельствах.

Новая ситуация, сложившаяся в Кантоне после событий 20 марта, обсуждалась на Политбюро ЦК ВКП(б) в начале апреля. К этому моменту троцкистская и зиновьевская оппозиция уже объединилась в единый блок. Поэтому Троцкий, настаивавший на выходе коммунистов из Гоминьдана получил поддержку со стороны Зиновьева, который ранее был против этого. Но предложение оппозиции не прошло. Впоследствии Сталин заявил, что тогда, "напуганная первым натиском Чан Кай-ши (март 1926 г.) оппозиция требовала, по сути дела, приспособления к Чан Кай-ши, думала вывести коммунистов из игры революционных сил в Китае"³⁵. Смысл этого заявления следует воспринимать в контексте той полемики с оппозицией, которая развернулась в 1927 году и о которой речь пойдет ниже. Пока же Сталину было необходимо нейтрализовать политику окрепшей объединенной оппозиции, объективно препятствовавшей его стратегии объединения Китая.

Вопрос о китайской революции был вторично поднят на Политбюро в мае, после того как стали известны результаты пленума ЦИК Гоминьдана, ограничившего влияние коммунистов. В этих условиях Сталин был вынужден сделать некоторые символические уступки оппозиции, не поступаясь существом своей политики. По решению Политбюро китайским коммунистам предписывалось в случае крайней необходимости обсудить с Гоминьданом определенное "разделение функций". Наиболее видные коммунисты должны были выйти из Гоминьдана, а в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств следовало рассмотреть вопрос о полном разрыве с Гоминьданом. Указывалось, однако, что выход из Гоминьдана в настоящий момент является определенно нежелательным³⁶.

На практике эта резолюция ничего нового не добавляла в уже существующее положение, поскольку "видные коммунисты" итак ушли с руководящих постов в Гоминьдане, а понятие "чрезвычайные обстоятельства" могло трактоваться очень широко. Но главное, необходимость участия коммунистов в Гоминьдане на данном конкретном этапе была подтверждена. Установки Политбюро легли в основу тех инструкций, которые получил заведующий Дальневосточным отделом Коминтерна Войтинский перед своим отъездом в Китай. Это является свидетельством того, что уже в мае Сталин предпринял шаги, чтобы ограничить полномочия Зиновьева как председателя Коминтерна, подчинив его действия по вопросам политики в отношении Китая решениям Политбюро. Но как показали последующие события

этого было явно недостаточно.

Между тем, у Сталина были веские основания полагать, что после решений майского пленума ЦИК Гоминьдана его стратегия в Китае оказалась под серьезной угрозой, не столько в связи с действиями Чан Кай-ши, сколько в связи с усилением антигоминьдановских настроений в компартии Китая. Когда в ЦК КПК поступил детальный доклад о происшедшем от гуандунского провинциального комитета, то ЦК принял решение объединиться с левым крылом Гоминьдана для борьбы с Чан Кай-ши. Для этого предполагалось создать свои собственные вооруженные отряды. В Кантон был направлен член ЦК Пэн Шу-чжи. Ему предстояло учредить специальный комитет для реализации этого плана и провести консультации с Бородиным. Последний, однако, отказался даже обсуждать решения ЦК КПК. Он также отклонил просьбу о передаче компартии 5 тыс. винтовок для вооружения крестьян³⁷. Действия Бородина были вполне естественными, поскольку в тот момент Сталин делал ставку на Чан Кай-ши и начинать борьбу с ним вовсе не входило в планы Кремля. В этих условиях лидер компартии Чэнь Ду-сю от своего собственного имени направил в Коминтерн докладную записку, доказывающую, что участие коммунистов в Гоминьдане должно быть заменено "союзом двух партий извне"³⁸.

На пленуме ЦК КПК, проходившем 12-18 июля, Чэн Ду-сю предложил резолюцию о выходе коммунистов из Гоминьдана. Только благодаря настойчивому вмешательству Войтинского ее принятия удалось избежать. Тем не менее, по ряду вопросов пленум занял довольно радикальную позицию. В итоговых документах говорилось о необходимости достижения "своей собственной политической независимости", об организации через Гоминьдан "революционного подъема мелкой буржуазии", о "завоевании руководства национальной революцией со стороны партии пролетариата" и т.п. Нельзя не видеть, что эти формулировки шли в русле решений 6-го пленума ИККИ, отражавших позицию Зиновьева.

Радикализм оценок был характерен в то время не только для китайских коммунистов, но и для некоторых работников Коминтерна, занимавшихся китайской проблематикой. Например, в сентябре 1926 года Троцкий сделал ссылку на доклад о тактике КПК в отношении Гоминьдана, подготовленный группой сотрудников Коминтерна в Китае и направленный в Москву после майского пленума ЦИК Гоминьдана. В докладе предлагалось постепенно перейти от участия в Гоминьдане к блоку двух отдельных партий³⁹. Все это говорит о том, что в тот период сталинская стратегия в Китае постоянно натывалась на различные препятствия, связанные не столько с объективным ходом событий, сколько с несогласованностью действий между Коминтерном и ЦК ВКП(б), а порой с прямым противодействием со стороны оппозиции. Требовалась срочная корректировка курса Коминтерна.

Положение усугублялось тем, что на события в Китае наложился кризис в советско-британских отношениях, вызванный вмешательством СССР во внутренние дела Англии в связи со всеобщей стачкой, охватившей Британские острова в начале мая. Такое вмешательство явилось во многом тоже результатом политики Зиновьева, который еще в сентябре 1925 года обозначил Англию как страну, где наметился революционный подъем. В момент начала стачки Зиновьев

раздул революционный психоз. Это выразилось не только в призывах к массовым революционным действиям, но и привел к тому, что советские профсоюзы стали переводить крупные денежные суммы бастующим шахтерам. Но никакого перерастания забастовки в политическую не произошло, так как никто в руководстве английских профсоюзов, да и среди самих бастующих и не помышлял о захвате власти. 12 мая всеобщая забастовка прекратилась также организованно, как и началась. Предсказания Зиновьева потерпели провал. Общий итог политики Коминтерна в английском вопросе был таков: революции в Англии мы не получили, деньги истратили впустую, да еще испортили отношения с британскими властями. Не случайно, в то время в печати получила распространение карикатура, на которой изображался Зиновьев на трибуне, мечущий грома и молнии, по поводу мировой революции, в то время как на заднем плане нарком иностранных дел Чичерин озабоченно почесывал в затылке.

Вполне закономерным явился поэтому тот факт, что 8 и 15 мая Сталин одно за другим направил два письма членам делегации ВКП(б) в Коминтерне, где подверг критике фракционную деятельность Зиновьева. Выступая 8 июня в Тифлисе на собрании рабочих железнодорожных мастерских, Сталин заявил:

*"Если неправильно положение о прочности стабилизации капитализма, то столь же неправильно противоположное положение о том, что стабилизация кончилась, что она ликвидирована и что мы вступили теперь будто бы в период высшего подъема революционных бурь"*⁴⁰.

Это был прямой выпад против политики Зиновьева. Скоординированная атака на интернационал-коммунистов началась. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК, проходившем 14-23 июля 1926 года, Сталин обвинил оппозицию в "скатывании на почву ультралевого самообмана и "революционного" авантюризма", в отрицании частичной капиталистической стабилизации и переходе "на путь путчизма"⁴¹. Июльский пленум вывел Зиновьева из состава Политбюро. Как отмечал чуть позднее Троцкий, именно в этот период в позиции Сталина и его сторонников проявилась тенденция "подменять политику дипломатией"⁴².

В августе-сентябре в советской и коминтерновской печати развернулась широкая кампания против Зиновьева, Каменева и Троцкого. Оппозиция обвинялась в создании "международных блоков" с "ультралевыми" группировками и использовании аппарата Коминтерна для распространения своих взглядов и настраивания зарубежных компартий против ВКП(б). 23-26 октября состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на который была приглашена делегация ИККИ в лице представителей наиболее влиятельных компартий. Пленум принял резолюцию, где указывалось, что, поскольку Зиновьев не представляет позицию ВКП(б), то его дальнейшее пребывание на должности председателя Коминтерна является невозможным. Резолюция была поддержана делегацией ИККИ. После того, как эта резолюция была одобрена центральными комитетами ведущих партий Коминтерна Зиновьев был вынужден уйти в отставку (21 ноября 1926 года)⁴³.

На 7-ом пленуме ИККИ (22 ноября - 16 декабря 1926 года) пост председателя Коминтерна был вообще упразднен. Очевидно, Сталин решил больше не рисковать, устраняя саму основу того, что ему вновь пришлось бы иметь дело с параллельным центром выработки и проведения внешней политики. На пленуме Сталин взял разработку китайского вопроса непосредственно на себя. Основные тактические установки были изложены им в выступлении в китайской комиссии ИККИ 30 ноября. Сталин однозначно высказался за продолжение пребывания коммунистов в Гоминьдане, подчеркнув, что "выход китайских коммунистов из Гоминьдана в настоящее время был бы глубочайшей ошибкой". Он также предостерег против создания крестьянских Советов, назвав это "забеганием вперед". Особый акцент в его речи был сделан на "антиимпериалистический", освободительный характер китайской революции и роли в ней национально-революционной армии⁴⁴.

Резолюция по китайскому вопросу, принятая пленумом, уже не выпячивала роль коммунистов и пролетариата, как это было при Зиновьеве. Коммунистам предписывалось оставаться в Гоминьдане и даже предлагалось войти в состав кантонского национального правительства. При этом их задачей должно было стать превращение Гоминьдана в "истинно национальную партию", путем "сплочения левого крыла и установления тесной связи с ним", не пытаясь самим "захватить ведущие позиции". Указывалось также на необходимость "удара по экономическим основам империалистической власти" в Китае через национализацию железных дорог, концессий и других предприятий, принадлежащих иностранному капиталу⁴⁵. Как видим, на этот раз положения резолюции шли строго в русле принципов сталинской стратегии.

Оппозиция заняла в отношении решений пленума резко негативную позицию. Позднее в политической платформе оппозиции указывалось:

*"Резолюция седьмого расширенного пленума ИККИ (ноябрь 1926) не только не дала истинно ленинской оценки мощному развитию событий в Китае, но целиком и полностью перешла на меньшевистские позиции ... В резолюции, сколь невероятным это может показаться, ни слова не сказано о первом контрреволюционном перевороте Чан Кай-ши в марте 1926 года. Ни слова не сказано о расстрелах рабочих и крестьян и других репрессивных мерах, осуществленных кантонским правительством в целом ряде провинций в течение лета-осени 1926 года ... Ни одного слова о подавлении рабочих забастовок кантонским правительством ... Ни одного слова о попытках кантонского правительства задушить крестьянское движение ... Отсутствуют требования вооружения рабочих, или призывы к борьбе с контрреволюционным Главным штабом. Войска Чан Кай-ши рассматриваются в этой резолюции как революционная армия. Нет призывов к созданию ежедневной коммунистической прессы и нет ясных и четких заявлений, что мы должны иметь действительно независимую коммунистическую партию. В дополнение ко всему седьмой пленум призвал коммунистов войти в национальное правительство - шаг, который в существующих обстоятельствах мог принести только самые разрушительные последствия"*⁴⁶.

Сопоставление платформы оппозиции и упомянутой резолюции 7-го пленума ИККИ является

одним из наиболее наглядных подтверждений того, что цели Сталина в Китае были не столько революционными, сколько геополитическими. С точки зрения революционной тактики, оппозиция, безусловно, была права. Но с точки зрения внешнеполитических интересов СССР - нет. Однако Сталину приходилось облекать эти интересы в революционную форму, иначе он рисковал бы просто проиграть схватку с оппозицией. Отсюда и те явные "ошибки" и "просчеты", на которые указывается в платформе оппозиции, но которые являлись результатом объективных трудностей, вызванных попыткой придать революционную форму неревolutionной внешнеполитической доктрине.

7-ой пленум ИККИ ознаменовался победой сталинской линии в политике Коминтерна. Однако, до полного контроля Сталина над этой организацией было еще далеко. Руководителем советской делегации в Коминтерне, а следовательно, его неформальным лидером стал Бухарин, человек независимых взглядов, являвшийся самостоятельной политической фигурой. К тому же, в этот период Сталин еще продолжал зависеть от поддержки группы Бухарина в Политбюро и вынужден был считаться с его мнением. Но даже не это было главным. Существо вопроса заключалось в том, что в самом аппарате Коминтерна, да и во многих зарубежных компартиях продолжали преобладать люди, подобранные и выдвинутые Зиновьевым. В конечном итоге именно недооценка роли функционеров среднего звена сыграла со сталинской стратегией в Китае злую шутку.

Пока Сталин вел в Москве борьбу с оппозицией, в самом Китае стратегия объединения страны стала приносить первые значимые успехи. Национально-революционная армия, приступившая в июле 1926 года к Северному походу добилась крупных побед. К середине ноября были освобождены центральные провинции Хунань, Хубэй и Цзянси, взяты важные города Чанша, Наньчан, Ханькоу, Учан и Ухань. Победа приближалась. Следовало задуматься о будущем. В этих условиях Бородин решил несколько изменить тактику. От безоговорочной поддержки Чан Кай-ши он перешел к политике, направленной на восстановление в Гоминьдане коллективного руководства. С точки зрения будущих перспектив революции такой поворот был вполне оправдан, так как позволял коммунистам постепенно установить контроль над Гоминьданом, что было бы невозможно в условиях диктатуры Чан Кай-ши. Но с точки зрения внешнеполитической целесообразности этот курс являлся довольно проблематичным и таил в себе подводные камни, которые, как будет показано ниже, вскоре вышли на поверхность.

15 октября в Кантоне открылся пленум ЦИК Гоминьдана. На нем была принята декларация о ближайших задачах, носившая ярко выраженный антизападный характер. Помимо отмены неравноправных договоров, она предусматривала возврат иностранных концессий и запрещение деятельности иностранных банков в Китае. Пленум направил телеграмму Ван Цзин-вэю с просьбой вернуться и приступить к работе. Это последнее решение играло важную роль в планах Бородина, так как возвращение Ван Цзин-вэя позволило бы восстановить баланс в распределении властных полномочий, нарушенный "переворотом" 20 марта. Сам Чан Кай-ши на пленуме не присутствовал, так как был занят военными делами. Но он прислал телеграмму, где заявил, что заранее подчиняется всем решениям пленума⁴⁷.

Другим важным решением, предопределившим дальнейшую судьбу Гоминьдана, явилось постановление Политбюро ЦИК, принятое сразу после пленума, о переносе столицы национального правительства из Кантона в Ухань. 15 ноября первая группа членов правительства, а вместе с ними Бородин, отбыли на Север. 3 декабря группа прибыла в Наньчан, где располагалась ставка Чан Кай-ши. На переговорах, проходивших в течение нескольких дней, были, в частности, выработаны следующие решения: возвращение Ван Цзин-вэя, упразднение поста председателя Гоминьдана, объединение финансов. Чан Кай-ши согласился также поддержать крестьянское движение в деревне в обмен на обещание Бородина притормозить рабочие выступления в городах. Казалось, что Бородину удалось сравнительно безболезненно добиться своей цели и практически без сопротивления получить согласие Чан Кай-ши на восстановление коллективного руководства в Гоминьдане. Но, как обнаружилось позднее, именно это и явилось его основной ошибкой.

Прежде всего, Бородину не удалось сдержать свое обещание "притормозить" рабочее движение. Не успели члены правительства доехать до Уханя после завершения их переговоров с Чан Кай-ши как в Наньчане вспыхнули забастовки, вызванные финансовым кризисом, состоялись рабочие демонстрации⁴⁸. Создается впечатление, что Бородин был просто не в состоянии контролировать ситуацию в целом ряде районов, даже если бы хотел это сделать. Это не оставляло лидерам Гоминьдана ничего другого, как самим наводить порядок и применять репрессии. Тем не менее, 13 декабря, через три дня после прибытия в Ухань, Бородин настоял на созыве пленума компартии Китая. На пленуме присутствовал представитель Коминтерна Войтинский. В принятой пленумом резолюции отмечалось, что радикализация движения масс пугает руководство Гоминьдана и толкает его "вправо". Это может привести к развалу единого национального фронта. Поэтому от коммунистов требовалось устранить левацкие настроения в своей среде⁴⁹. Но это было легче провозгласить, чем сделать, поскольку коммунисты, работавшие на местах подвергались сильному прессингу массового движения и это отражалось на их собственном поведении. Однако сам факт проведения пленума и принятия такого решения говорит в пользу того, что Бородин пытался принять действенные меры, чтобы выполнить свое обещание, данное Чан Кай-ши.

Одновременно с пленумом ЦК КПК Бородин образовал Объединенную комиссию совета национального правительства и ЦИК Гоминьдана, которая объявила себя высшей властью до созыва очередного пленума ЦИК. На заседании 15 декабря Комиссия постановила, что столица национального правительства будет находиться в Ухане. Чан Кай-ши выразил согласие с этим решением в двух телеграммах, направленных в адрес Комиссии⁵⁰. Оба приведенных факта свидетельствуют о том, что в этот период Бородин и Чан Кай-ши продолжали рассматривать друг друга как партнеров и действовать на основе достигнутых договоренностей. Но вскоре этот тандем распался. Такому развитию событий способствовало одно немаловажное обстоятельство. В декабре в игру вступил мощный противник - английская дипломатия.

Пока Гоминьдан базировался только в Кантоне, англичане занимали относительно пассивную позицию, хотя и демонстрировали явно негативное отношение к национальному

правительству. Однако, продвижение национально-революционной армии на Север резко изменило ситуацию. Возникла серьезная угроза экономическим интересам Англии в Китае, прежде всего в Ханькоу, Шанхае и Нанкине. Обличать "руку Москвы" было уже недостаточно. Требовались активные действия на дипломатическом фронте. В середине декабря английский посланник Лэмпсон по дороге в Пекин заехал в Ухань. Он получил инструкции от своего МИДа прощупать настроения руководства Гоминьдана. Лэмпсон встретился с министром иностранных дел национального правительства Чэнь Ю-женем. В ходе переговоров Лэмпсон поставил вопрос о признании правительством Гоминьдана прежних договоров и обязательств Китая, пока они не будут изменены путем переговоров. Чэнь Ю-жэнь в свою очередь настаивал на признании Англией национального правительства. Никаких конкретных решений в ходе переговоров принято не было, но основа для дальнейших контактов была таким образом заложена.

26 декабря МИД Англии обнародовал так называемый "Рождественский меморандум". В нем провозглашалась готовность произвести пересмотр неравноправных договоров с Китаем. С этой целью предлагалось провести переговоры с правительством, имеющим полномочия вести такие переговоры. Указывалось также, что власть пекинского правительства сократилась практически до нулевой отметки. "Рождественский меморандум" был явным реверансом в сторону Гоминьдана. Он, конечно, еще не являлся формальным признанием национального правительства, но уже ставил последнее на один уровень со всеми другими политическими группировками, претендующими на верховную власть в Китае. Гоминьдановцам как бы давалось понять, что до их полного признания остается всего лишь один шаг и при "правильном" поведении с их стороны этот шаг будет сделан.

Маневры Лондона серьезно обеспокоили Москву. Между двумя столицами началось усиленное перетягивание каната. Бородин немедленно приступил к осуществлению контршагов. На заседании Объединенной комиссии 13 декабря он поставил на обсуждение вопрос об отношениях с Англией. В выдвинутом им проекте резолюции предлагалось одобрить переговоры Чэнь Ю-жэня с Лэмпсоном. В то же время указывалось, что условие Англии о дипломатическом признании в обмен на подтверждение обязательств по неравноправным договорам является неприемлемым. Резолюция предусматривала быстрое обнародование итогов переговоров, чтобы ознакомить общественность с позицией Лондона, не желающего отказаться от привилегий в Китае⁵¹. Данная резолюция была важна тем, что затрудняла закулисные комбинации отдельных членов гоминьдановского руководства, желавших сближения с Англией.

На следующий день после публикации "Рождественского меморандума" Бородин выступил перед Объединенной комиссией с инициативой принятия мер контрпропагандистского характера. Через два дня Отдел пропаганды Гоминьдана выпустил специальную директиву, где обозначались следующие цели: усиление антибританских действий; разъяснение того, что британские предложения подрвут японские позиции в Северо-Восточном Китае; проведение работы с японцами в том направлении, что победа национальной революции не затронет японских интересов⁵². Политическая линия, изложенная в директиве, преследовала две цели.

Во-первых - раскрутить волну антибританских настроений среди населения и затруднить таким образом сделку правых лидеров Гоминьдана с Англией. Во-вторых - вызвать осложнения в англо-японских отношениях. Усилиями Бородина обе эти цели были в общем и целом достигнуты.

В начале января в Ханькоу состоялись мощные антибританские демонстрации. 4 января созданный по инициативе хубэйского совета профсоюзов митинг потребовал вывести английские войска с территории британской концессии в Ханькоу. Чэнь Ю-жэнь обратился к администрации концессии с просьбой удалить солдат. Народ прорвал созданные англичанами заграждения и ворвался на территорию концессии. Британские солдаты были вынуждены перебазироваться на корабли. Несколькими днями позже революционно настроенная толпа захватила английскую концессию в Цзюцзяне⁵³.

После этих событий отношения между Англией и Гоминьданом вновь обострились. Не увенчались успехом и попытки Лондона сколотить единый антигоминьдановский фронт великих держав. Этому во многом способствовала позиция, занятая Токио. Лондону не оставалось ничего другого как обрушить весь свой гнев на Москву, обвинив ее в том, что она препятствует нормализации отношений с Гоминьданом. Англичане развернули в Европе мощную антисоветскую кампанию, приведшую в мае 1927 года к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. Может быть, этого и не произошло бы, если бы в Лондоне знали, что их увертюры были встречены весьма благожелательно в некоторых влиятельных кругах Гоминьдана.

В те самые дни, когда антибританские выступления достигли наивысшего накала в Наньчан прибыла вторая группа членов гоминьдановского правительства, следовавшая в Ухань. Чан Кай-ши воспользовался этим для созыва Политбюро ЦИК Гоминьдана. Заседание состоялось 3 января. Чан Кай-ши неожиданно предложил, что, с учетом военной угрозы Ухани со стороны войск пекинского правительства, необходимо, чтобы столица Гоминьдана временно размещалась в Наньчане. Аргументы Чан Кай-ши показались присутствовавшим довольно убедительными, и его предложение было принято. В действительности, маневр Чан Кай-ши был связан с другими причинами. Во-первых, в начале января в генералитете национально-революционной армии наметился раскол на две группировки - наньчанскую во главе с Чан Кай-ши и уханьскую, возглавляемую Тан Шэн-чжи. По оценке А.Благодатова:

*"... Этот раскол произошел никак не из-за принципиального различия их идеологий, а из-за личных антипатий между Тан Шэн-Чжи и Чан Кай-ши. Генерал Тан Шэн-чжи был дубанем провинции Хунань, одним из самых крупных помещиков этой провинции и крупным предпринимателем ... Стремясь вернуть свои владения, Тан Шэн-чжи примкнул к Уханьскому правительству"*⁵⁴.

С этой оценкой вполне можно согласиться. Было бы весьма странно трактовать взгляды Тан Шэн-чжи как "левые". Его поддержка уханьского правительства объяснялась чисто

прагматическими соображениями. В январе 1927 года в беседе с одним из начальников политотдела корпусов Тан Шэн-чжи сказал следующее:

*"Я теперь знаю, что такое Гоминьдан. Это не партия, а диктатура Чан Кай-ши. Что Чан Кай-ши предложит, с тем все соглашаются, и никто не осмеливается выступить против ... Я знаю, что они решили остаться здесь, во-первых, потому, что боятся меня (у меня больше сил), во-вторых, у меня в Хубэе и Хунани развитое общественное движение, которое руководится КПК, этого они также боятся. Они смотрят на национальное правительство как на собственность и скрывают его в Наньчане"*⁵⁵.

Тан Шэн-чжи правильно ухватил суть проблемы. Переехать в то время в Ухань Чан Кай-ши не мог по той простой причине, что это поставило бы его в подчиненное положение к Тан Шэн-чжи. Честолюбивый Чан Кай-ши, сделавший заявку на роль бесспорного лидера Гоминьдана, вряд ли, согласился бы на вторую роль. Помимо этого, он и его сторонники были весьма обеспокоены размахом народных выступлений в Ханькоу, Кантоне и других промышленных центрах. В контактах с советскими военными советниками они не скрывали своего отношения к так называемым "беспорядкам". Так, например, через день после упомянутого заседания Политбюро ЦИК Гоминьдана Блюхер направил Бородину следующую телеграмму:

*"Последние сведения о рабочем и крестьянском движении, особенно в Гуандуне, приводят многих в панику. Виновником считают КПК. В связи отчасти с этой причиной идут секретные переговоры о выходе КПК из Гоминьдана ... Положение требует вашего приезда, а то Чан Кай-ши обрабатывает всех в свою пользу. Даже этих беспринципных левых"*⁵⁶.

Бородин, однако, ехать в Наньчан отказался. Вместо этого он созвал 7 января совещание Объединенной комиссии, на которой было решено послать Чан Кай-ши делегатов и телеграмму с требованием приехать в Ухань. Чан Кай-ши был вынужден согласиться. Он прибыл в Ухань 12 января.

Переговоры Бородина и Чан Кай-ши шли не просто, несмотря на внешнюю дружелюбность и радушный прием. Об этом, например, свидетельствует выступление Бородина на банкете по случаю приезда Чан Кай-ши. В мемуарах Чан Кай-ши вспоминал, что тогда Бородин высказал следующее предупреждение в его адрес:

*"Товарищ Чан, мы с вами работали вместе в течение трех лет; вы очень хорошо знаете, что мы не можем позволить тем, кто является антикоммунистом, выступает с антирабочих и антикрестьянских позиций, присутствовать в наших рядах"*⁵⁷.

Чан Кай-ши в свою очередь в одной из бесед с Бородиным стал, вдруг рассуждать о "красном империализме" и дал понять Бородину, что тот подрывает политику союза между Россией и Гоминьданом, завещанную Сунь Ят-сеном. В конечном счете Чан Кай-ши вынужден был все же согласиться на переезд правительства в Ухань, сделав, однако, оговорку для себя лично на том

основании, что он должен находиться ближе к фронту⁵⁸. Но победа Бородина оказалась "пирровой". С этого момента его отношения с Чан Кай-ши стали прогрессивно ухудшаться. Вернувшись 27 января в Наньчан последний заявил своим приближенным:

*"Я надеюсь, что партия и правительство единогласно потребуют прекращения деятельности Бородина в Китае. Нам не следует уделять очень много внимания тому, что о нас говорят иностранцы. Мы должны сохранять свою собственную независимую позицию в отношении революции"*⁵⁹.

В начале февраля Чан Кай-ши уже стал открыто требовать отставки Бородина и его отъезда в Москву. Можно утверждать, что Бородин совершил серьезный психологический просчет, во многом обусловивший последующий провал сталинской стратегии в Китае. Бородин недоучел силы бонапартистских устремлений Чан Кай-ши, амбициозности его характера и сильно задел его самолюбие. Вместо того, чтобы использовать честолюбие Чан Кай-ши в интересах политики Москвы, он фактически антагонизировал его. Он также переоценил лидерский потенциал других руководителей Гоминьдана, в частности, Ван Цзин-вэя. Это были не столько политические, сколько технические ошибки, но они сыграли роковую роль.

Ухудшение отношений между Чан Кай-ши и Бородиным немедленно отразилось на взаимоотношениях между Наньчаном и Уханем. В середине февраля в Ухане уже вовсю проводилась кампания против "личной диктатуры" Чан Кай-ши. 21 февраля было объявлено о том, что в Ухане начинает официально действовать национальное правительство и ЦИК Гоминьдана. 10-17 марта был проведен третий пленум ЦИК, который принял важные решения по утверждению принципа коллективного руководства. Пост председателя ЦИК был ликвидирован. Его заменил президиум ЦИК в составе девяти человек. Список членов ЦИК начинался с имени Ван Цзин-вэя, хотя он пока находился за границей. Но это должно было подчеркнуть лидирующую роль последнего в Гоминьдане. Таким же образом был ликвидирован пост председателя Военного совета, который был так же заменен президиумом. И в этом списке на первом месте значился Ван Цзин-вэй. Была принята резолюция, подтверждавшая союз между компартией и Гоминьданом. Впервые коммунисты вошли в правительство. Они получили два портфеля - министра труда и министра земледелия⁶⁰. Важным, с точки зрения сталинской стратегии, стало введение запрета для руководителей Гоминьдана вступать в переговоры с иностранными державами без разрешения министра иностранных дел⁶¹.

Чан Кай-ши под предлогом занятости на фронте на пленуме отсутствовал. Тем не менее, в ряде своих выступлений он дал понять, что признает решения пленума. Видимо, именно это послужило поводом для того, чтобы Сталин 5 апреля на конференции московской парторганизации заявил, что Чан Кай-ши является борцом против империализма, что он подчинился дисциплине Гоминьдана и что поэтому он является надежным союзником⁶². Но как очень скоро выяснилось обещания Чан Кай-ши явились всего лишь политическим маневром, чтобы выиграть время и подготовить силы для настоящего переворота.

После завершения пленума события стали развиваться с нарастающей быстротой. В самом начале апреля в Китай прибыл Ван Цзин-вэй. Первым местом его остановки стал Шанхай, который всего несколько дней до этого был занят гоминьдановскими войсками. Во время пребывания в Шанхае Ван Цзин-вэй провел встречи с некоторыми видными представителями Гоминьдана и с самим Чан Кай-ши. Последний пытался убедить Ван Цзин-вэя избавиться от Бородина и разорвать союз с коммунистами. Но Ван Цзин-вэй не поддался этому давлению. Напротив, он встретился с генеральным секретарем КПК Чэнь Ду-сю и достиг с ним взаимопонимания по ряду важных вопросов. 5 апреля в газетах было опубликовано их совместное заявление, где указывалось на необходимость сохранения единства в революционном лагере и отрицалось, что коммунисты когда-либо считали необходимым свергнуть "дружественную партию" Гоминьдан⁶³. Вечером того же дня Ван Цзин-вэй поспешно отбыл в Ухань. В письме, направленном Чан Кай-ши перед отъездом, он подчеркнул, что "дух 1924 года не может быть принесен в жертву, партийная дисциплина должна поддерживаться и единство партии должно быть сохранено"⁶⁴. Таким образом, Ван Цзин-вэй не согласился санкционировать заявку Чан Кай-ши на главенствующую роль в партии и государстве, видимо, полагая, что при поддержке Бородина он сможет заполучить эту роль для себя. Чан Кай-ши, конечно, с этим согласиться не мог. Сразу же после отъезда Ван Цзин-вэя в Ухань он запустил колесо подготовки государственного переворота.

6 апреля вечером Чан Кай-ши распорядился передислоцировать на левый берег Янцзы проуханьские 2-ой и 6-ой корпуса, а также колеблющиеся 14-й и 17-й корпуса. В Нанкин на смену 6-му корпусу были введены части 1-го корпуса, верного Чан Кай-ши. Только 9 апреля штаб 6-го корпуса получил приказ оставаться в Нанкине и не повиноваться Чан Кай-ши. Но было уже поздно. В общей сложности Чан Кай-ши удалось сосредоточить в этом районе 20 верных ему дивизий, в то время как им могло противостоять только пять-шесть дивизий проуханьской ориентации⁶⁵. Конечно, эти войска вполне могли продержаться до подхода главных сил из Уханя. Подобный вариант, видимо, рассматривался, так как сразу же после приезда в Ухань Ван Цзин-вэя национальное правительство приняло решение о переводе столицы в Нанкин и войска 4-го и 11-го корпусов были погружены в пароходики и джонки для отправки вниз по Янцзы⁶⁶. Такое развитие событий не на шутку встревожило Чан Кай-ши. Вот, что вспоминает об этом А.Благодатов:

"13 апреля вечером ко мне неожиданно-негаданно зашел Чан Кай-ши. Он был одет в гражданское платье - длинный черный халат, поверх него темная шелковая куртка. Обычно он носил военную форму. Чан Кай-ши был сильно взволнован. Сначала он справился о нашей жизни, а затем спросил, нет ли известий от Галина?⁶⁷ Тут же не дожидаясь ответа, он сказал, что ему совершенно непонятно движение 4-го и 11-го корпусов по Янцзы на Аньцин"⁶⁸.

Готовился Чан Кай-ши в тот момент к бегству или нет, сказать сейчас трудно. Но ситуация, похоже, была критической. Действительно, перенос столицы в Нанкин неминуемо означал бы столкновение с войсками Чан Кай-ши и начало гражданской войны уже внутри Гоминьдана. Этим, естественно, воспользовалось бы пекинское правительство, которое при поддержке

Запада, могло бы нанести поражение обоим армиям Гоминьдана, ослабленным междоусобицей. В любом случае дело объединения страны было бы сорвано. А это никак не входило в расчеты Сталина. Поэтому вполне закономерным представляется тот факт, что 13 апреля решение о наступлении на Нанкин было отменено. Очевидно, Москва отказалась дать санкцию на начало войны против Чан Кай-ши, а решение такого рода не могло, конечно, быть принято Бородиным самостоятельно. Вместо этого был отдан приказ наступать на Север против пекинского правительства.

В это время Чан Кай-ши уже перешел свой Рубикон. Рано утром 12 апреля войска генералов Чжоу Фэн-ци и Бан Чун-си атаковали рабочие дружины в Шанхае. Отдельные очаги сопротивления были быстро подавлены. Помещения профсоюзных организаций - разгромлены. Многие коммунисты и левые гоминьдановцы были арестованы, а некоторые из них - казнены. Состоявшаяся на следующий день демонстрация протеста была расстреляна. Репрессии против коммунистов и других сторонников уханьского правительства были предприняты затем в целом ряде крупных городов, в том числе в Нанкине и Кантоне. Настоящий переворот Чан Кай-ши состоялся. Под его контролем оказалась значительная часть территории, освобожденной до этого гоминьдановской армией, включая ряд стратегически важных районов на побережье.

Примечательно, что в первые дни после переворота Москва сохраняла глубокомысленное молчание по поводу происшедших событий. Каналы общения с Чан Кай-ши продолжали оставаться открытыми. Советские военные советники по-прежнему работали в его ставке и подчиняющихся ему частях. Похоже, что Сталин даже после переворота не видел особых причин для разрыва с Чан Кай-ши, коль скоро тот продолжал вести борьбу против пекинского правительства и содействовать объединению страны. Только 21 апреля в "Правде" были опубликованы тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б) и отражавшие, следовательно, точку зрения Сталина. В них, в частности, говорилось:

*"Переворот Чан Кай-ши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, нарождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции"*⁶⁹.

Политическое линчевание, таким образом, состоялось. Чан Кай-ши был переведен из лагеря союзников в лагерь противников. Что же послужило причиной столь резкого политического поворота? Определенный намек содержится во фразе, где упоминается "сделка с империализмом". Дело в том, что 18 апреля Чан Кай-ши образовал в Нанкине свое собственное правительство под председательством Ху Хань-мина. Обращаясь к членам Гоминьдана с объяснением мотивов своих действий, Чан Кай-ши заявил, что стремился не допустить превращения компартии Китая в "доминирующий фактор китайской политики". В его заявлении был и такой фрагмент:

"Члены Гоминьдана твердо едины, но коммунисты пытаются разъединить нас ... Они подняли

народное волнение и сделали его мощным фактором в политической борьбе ... Насилие и беспорядки, осуществляемые коммунистами с неизбежностью подталкивают заинтересованные великие державы к созданию против нас единого фронта"⁷⁰.

Упоминание о "заинтересованных великих державах" не могло пройти мимо внимания Сталина. Для него данная фраза могла значить только одно: Чан Кай-ши намерен пойти на сделку с Западом за счет отношений с СССР, Характерно, что Советский Союз даже не упоминался в выступлении, хотя и являлся основной и, пожалуй, единственной опорой Гоминьдана. Ссылка на "единый фронт" великих держав могла трактоваться таким образом, что Чан Кай-ши вообще не относит СССР к числу великих держав, поскольку возможность его присоединения к этому самому "единому фронту" выглядела совершенно невероятной. Все это наводило на мысль, что Чан Кай-ши гораздо больше заинтересован в налаживании отношений с Западом (великими державами), чем в союзе с Россией. Этого Сталин уже допустить не мог. Поэтому он и отказался от дальнейшей поддержки Чан Кай-ши. Обманув доверие Сталина, Чан Кай-ши совершил главную стратегическую ошибку своей жизни. Вообразив себя корифеем высокой политики, который может запросто разыгрывать друг против друга великие державы, он явно переоценил свои силы. Выйдя на профессиональный ринг международной политики, он оказался не в своей весовой категории и не смог достаточно долго "держать удар" маститого политического оппонента, каковым являлся Сталин. Это и привело Чан Кай-ши в конце концов к жестокому политическому поражению, сделав его невольным изгнанником в своей собственной стране.

Разрыв с Чан Кай-ши с точки зрения Сталина еще не означал поражения для его китайской стратегии. Он по-прежнему считал не только возможным, но и необходимым дальнейшее продвижение на Север с целью объединения страны. Благо, у уханьского правительства сил для этого было достаточно. По численности и по вооружению они превосходили войска Чан Кай-ши и могли справиться с этой задачей и без него. К тому же, предполагалось, что на помощь уханьцам придут части генерала Фэн Юй-сяна, базировавшегося на Северо-Западе страны и также поддерживаемого Москвой. Соединение с войсками Фэн Юй-сяна и стало главной стратегической задачей следующего этапа кампании. К сожалению, успешные военные действия были не в состоянии предотвратить те неблагоприятные политические процессы, которые стали развиваться в Ухане после переворота Чан Кай-ши.

Важной вехой, на пути к развалу единого национального фронта, явился 5-ый съезд компартии Китая, открывшейся 27 апреля. Основной целью съезда было проанализировать новую ситуацию, вызванную расколом в Гоминьдане, и соответствующим образом изменить тактику КПК. В качестве гостей на съезд были приглашены руководители Гоминьдана. В ходе работы съезда отчетливо проявилось две линии в подходе к перспективам китайской революции. Значительная часть делегатов требовала ее "углубления", настаивая на радикальной аграрной программе. В то же время представитель Гоминьдана Сюй-Цянь в своей речи дал ясно понять, что Гоминьдан против аграрной революции⁷¹.

Коминтерн был представлен на съезде индийским коммунистом М.Роем, симпатизировавшим троцкистско-зиновьевской оппозиции. Рой проявил радикализм взглядов еще на II конгрессе Коминтерна, когда выступил против тезисов Ленина по национальному и колониальному вопросу. Теперь Рой фактически ассоциировал себя с делегатами, настаивавшими на "углублении" революции и приостановлении Северного похода. Он заявил, что сперва надо укрепить революционную власть в провинциях, подконтрольных уханьскому правительству, а в случае неудачи даже отступить обратно в Кантон. Эта точка зрения получила горячую поддержку со стороны гуандунской делегации, заинтересованной в возвращении лояльных частей, которые могли бы положить конец антикоммунистическим репрессиям со стороны местных генералов, солидаризовавшихся с Чан Кай-ши⁷².

Хотя Рой был давним знакомым Бородина еще по Мексике и был, в сущности, обязан последнему своей карьерой в Коминтерне, это не остановило его, чтобы выступить против линии главного политического советника. Бородин оказался в сложном положении. Он не мог запретить Рою говорить, и тот увлек за собой значительную часть съезда. С большим трудом удалось Бородину переломить ситуацию и провести в конце концов свою линию. Это не смогло уже, однако, исправить того негативного впечатления, которое произвел на руководителей Гоминьдана весь характер дискуссии и настрой делегатов. Подлил масла в огонь и сам Рой, который не очень церемонился в подборе формулировок. В присутствии Ван Цзин-вэя и других лидеров Гоминьдана он, например, заявил:

*"Коммунистическая партия входит в правительство, поскольку это революционное правительство. На нынешнем этапе революции гегемония принадлежит пролетариату и он участвует в национально-революционном правительстве, чтобы использовать государственный аппарат в качестве инструмента завоевания гегемонии"*⁷³.

Нельзя не видеть почти полной идентичности этой цитаты с формулировками тех резолюций, которые принимались по китайскому вопросу в бытность Зиновьева председателем Коминтерна. Для гоминьдановцев это означало лишь одно: коммунисты намерены использовать структуры Гоминьдана для захвата власти и установления своей диктатуры. Это было как раз то, чего боялся и пытался избежать Ван Цзин-вэй, когда вел переговоры в Шанхае с Чэнь Ду-сю. Не случайно этот вопрос был специально оговорен в их совместном заявлении от 5 апреля. Теперь же все возвращалось на круги своя. И что особенно важно, в роли инициатора указанной тактики выступал никто иной, как представитель Коминтерна, а следовательно, можно было предположить, что и Коминтерн в целом. Так высказывания Роя прямо работали на разжигание подозрительности и недоверия среди гоминьдановцев к коммунистам и Коминтерну.

Неудивительно поэтому, что уже в мае лидеры уханьского правительства начали тайную игру, направленную против коммунистов. 20 мая рядом распоряжений ЦИК Гоминьдана были введены дополнительные ограничения на деятельность коммунистов: из армии удалялись коммунисты-комиссары, из профсоюзов и крестьянских союзов - организаторы⁷⁴.

Одновременно проводилась работа, чтобы настроить в антикоммунистическом духе Фэн Юйсяна. В конце мая Ван Цзин-вэй и Сюй Цянь направили ему телеграмму, где заявляли, что "гегемония в революционном движении, которая должна принадлежать Гоминьдану, переходит к КПК"⁷⁵. Отсюда видно, что упоминание Роя о "гегемонии" не осталось незамеченным руководителями Гоминьдана, несмотря на всю теоретическую тяжеловесность этого термина. Понятно также, что они не собирались поступаться своей властью и положением в пользу коммунистов, а тем более отдавать последним плоды уже почти достигнутой победы.

Между тем, Рой, потерпев неудачу на съезде КПК, решил обратиться за помощью к авторитету Коминтерна. Для этого он направил в Москву специальный запрос с просьбой дать разъяснения по спорным вопросам. Момент был выбран как нельзя лучше. В это время борьба между Сталиным и оппозицией достигла своего наивысшего накала. Свобода маневра у Сталина оказалась весьма ограниченной, так как положение в Китае стало одним из основных вопросов этой борьбы. Острота дискуссии на 8-ом пленуме ИККИ (18-30 мая) была столь высока, что китайская проблематика выносилась на пленарное заседание пять раз. Как отмечалось позднее в бюллетене ИККИ, "... атака оппозиции была более острой, более враждебной, чем что-либо, предпринятое оппозиционным блоком до этого". Троцкий обвинил руководство Коминтерна и ВКП(б) в предательстве китайской революции. Он призвал к разрыву с уханьским правительством, созданию Советов и "углублению" революции. Он высказал уверенность в том, что Ван Цзин-вэй и его сторонники скоро порвут с коммунистами и перевернутся к Чан Кай-ши⁷⁶.

Важно иметь в виду, что за разрыв с Гоминьданом активно агитировали коминтерновские единомышленники Троцкого, работавшие в Китае. Характерным примером может послужить так называемое "письмо из Шанхая", направленное 17 марта в адрес советской делегации в Коминтерне группой членов ВКП(б) - Назоновым, Фокиным и Альбрехтом. В письме фактически отрицалась политика единого национального фронта, отстаивался курс на разрыв с Гоминьданом и переход к самостоятельной революционной борьбе⁷⁷. Да, и Рой, как было показано выше, стоял ближе к оппозиционной, чем к сталинской линии. Естественно, что антисталинская оппозиция не ограничивалась одними петициями, а вела целенаправленную пропагандистскую работу среди китайских коммунистов, влияя на их политические позиции. О том, в каком направлении велась эта работа показывает проект резолюции, предложенной оппозицией на пленуме ИККИ. Там говорилось:

"Во-первых, крестьяне и рабочие не должны доверять лидерам левого Гоминьдана, но вместо этого должны создавать свои собственные Советы вместе с солдатами. Во-вторых, Советы должны вооружить рабочих и передовых крестьян. В-третьих, коммунистическая партия должна обеспечить свою полную независимость, создать ежедневную прессу и принять на себя роль лидера при создании Советов. В-четвертых, помещичьи земли должны подлежать немедленной экспроприации. В-пятых, реакционные чиновники должны быть немедленно уволены. В-шестых, необходимо быстро разобраться с ненадежными генералами и другими

контрреволюционерами. И, наконец, генеральная линия должна быть направлена на установление диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов ⁷⁸.

На пленуме Сталину пришлось лавировать. И хотя позиция Троцкого подверглась критике и не была поддержана большинством участников, определенные уступки в адрес оппозиции все-таки пришлось сделать. В резолюции, принятой 30 мая, компартии Китая предписывалось возглавить движение за аграрную революцию, вооружать рабочие и крестьянские массы. Руководство Гоминьдана было, как известно, против этого. Но, с другой стороны, резолюция выступала против создания Советов, против недооценки Гоминьдана как революционной силы и разрыва с ним. В резолюции отмечалось, что национально-освободительный этап революции еще не завершен, что рабоче-крестьянский этап еще не настал, но что национально-освободительный этап может быть доведен до конца только под руководством рабочего класса ⁷⁹. Такая резолюция могла удовлетворить любой вкус. Каждый мог найти в ней то, что ему нужно и действовать соответственно. Идя на этот компромисс, Сталин, видимо, полагал, что он сможет провести свою линию в рамках данной резолюции, так как все рычаги административного управления находились в его руках. В этом-то и состоял его основной просчет.

На следующий день после завершения пленума ИККИ в Китай Рою была направлена телеграмма, разъясняющая "тактику", которой следовало придерживаться. В телеграмме указывалось:

"Без аграрной революции победа невозможна. Без нее ЦК Гоминьдана превратится в жалкую игрушку ненадежных генералов. С эксцессами нужно бороться, но не войсками, а через крестьянские союзы. Мы решительно стоим за фактическое взятие земли снизу ... Некоторые старые лидеры ЦК Гоминьдана боятся событий, колеблются, соглашательствуют. Надо вовлечь в ЦК Гоминьдана побольше новых крестьянских и рабочих лидеров снизу. Их смелый голос сделает стариков решительными или выведет их в тираж. Нынешнее строение Гоминьдана надо изменить. Верхушку Гоминьдана надо обязательно освежить и пополнить новыми лидерами, выдвинувшимися в аграрной революции ... Надо ликвидировать зависимость от ненадежных генералов. Мобилизуйте тысяч двадцать коммунистов, добавьте тысяч пятьдесят революционных рабочих из Хунани-Хубэя, составьте несколько новых корпусов, используйте курсантов школы для комсостава и организуйте пока не поздно свою надежную армию ... Организуйте Реввоен трибунал во главе с видными гоминьдановцами не-коммунистами. Наказывайте офицеров, поддерживающих связь с Чан Кай-ши или натравливающих солдат на народ, на рабочих и крестьян. Нельзя заниматься только уговариванием. Пора начинать действовать. Надо карать мерзавцев. Если гоминьдановцы не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа и для революции ⁸⁰.

Хотя положения о выходе из Гоминьдана и создании Советов в данной телеграмме отсутствовали, она, тем не менее, содержала ряд пунктов, либо идентичных, либо очень близких предложениям оппозиции. Это касается прежде всего "аграрной революции",

организации "своей" армии из рабочих и крестьян, расправы с "ненадежными генералами", "освежения" верхушки Гоминьдана. Вполне очевидно, что общий дух телеграммы нацеливал на "углубление" революции. Впоследствии вокруг нее возникло множество пересудов. Одно из распространенных мнений состоит в том, что она была послана Сталиным и, следовательно, полностью отражала его позицию. Такой вывод проистекает, в частности, из того факта, что Сталин сослался чуть позднее на эту телеграмму на пленуме ЦК ВКП(б), чтобы защититься от нападков оппозиции. Но на пленуме Сталин не утверждал, что телеграмма была послана им. Более того, из его слов вытекало, что она была направлена Коминтерном. Это как раз и наводит на размышления. Сталин обычно телеграммы Коминтерна не подписывал. Более того, он поддерживал прямую связь по линии ЦК ВКП(б) непосредственно с Бородиным. То, что он вышел напрямую на Роя, вызывает большие сомнения. Скорее всего, телеграмма исходила из аппарата Коминтерна и была составлена на основе резолюции, только что принятой пленумом ИККИ. Однако сама резолюция имела компромиссный характер и не могла полностью отражать позицию Сталина. Это понимал Бородин, представлявший себе сталинскую позицию лучше, чем кто-либо другой. Но этого не знал Рой. Поэтому он увидел в полученной телеграмме как раз то, к чему призывал сам - курс на "углубление" революции. Можно понять удивление Роя, который, обратившись к Бородину с предложением начать претворять установки, изложенные в телеграмме, неожиданно натолкнулся на твердое противодействие. У Бородина было больше полномочий, больше политического влияния, и Рой ничего не мог с этим поделать. На первых порах он попытался вовлечь в свои планы Блюхера, но тот отказался действовать против Бородина. Тогда Рой пошел на отчаянный шаг. Без всяких консультаций с кем бы то ни было он ознакомил с текстом телеграммы Ван Цзин-вэй и некоторых других лидеров Гоминьдана. То, что произошло потом можно сравнить с эффектом разорвавшейся бомбы. Чего-либо другого трудно было ожидать. Положения телеграммы о "колеблющихся стариках", "взятии земли снизу", организации "своей надежной армии", революционного трибунала и т.д., могли вызвать только возмущение, и, к тому же, порядочно напугать руководителей Гоминьдана. Коминтерн, должно быть, предстал перед ними как далекая враждебная сила, заложником которой они все стали. Если у них еще и оставались какие-то сомнения насчет намерений Коминтерна, то теперь они должны были, наверняка, рассеяться. Ван Цзин-вэй был вне себя. Он пришел домой к Бородину и в весьма резких тонах заявил ему протест. Бородин пребывал в замешательстве: с таким беспрецедентным нарушением дисциплины ему еще не приходилось иметь дело. Он потребовал немедленного отзыва Роя в Москву⁸¹. Подобный шаг Роя был вызван либо исключительной наивностью, либо преднамеренным расчетом. Сам он впоследствии объяснял это стремлением "убедить" Ван Цзин-вэй, что Гоминьдан продолжает пользоваться поддержкой Москвы. Но каковы бы ни были его мотивы, объективно он способствовал победе линии оппозиции, выступавшей за разрыв с Гоминьданом. Бородину уже не удалось выправить положения. Развязка приближалась.

1 июня войска уханьского правительства взяли Чжэнчжоу, важный стратегический пункт на месте пересечения двух дорог: Лунхайской и Тяньцзин-Пукоуской. В тот же вечер в город вступили передовые части генерала Фэн Юй-сяна. 8 июня Ван Цзин-вэй, Тань Янь-кай, Сунь Фо, Гу Мын-юй, Сюй Цянь и другие лидеры Уханя выехали в Чжэнчжоу для переговоров с Фэн Юй-сяном. В ходе этой встречи и было, видимо, принято решение об окончательном разрыве

Гоминьдана с китайской компартией⁸². Сразу же по завершении конференции Фэн Юй-сян выехал в Кайфын, якобы, для инспектирования войск, но в действительности проследовал в Сюйчжоу. Там 15 июня состоялась его встреча с Чан Кай-ши. На ней были достигнуты следующие договоренности: Бородин должен отбыть в Советский Союз; члены ЦИК Гоминьдана в Ухане должны присоединиться к ЦИК Гоминьдана в Нанкине; войска Тан Шэн-чжи вливаются в войска под командованием Чан Кай-ши⁸³.

В Ухане тем временем начала сгущаться атмосфера вокруг советских советников и коммунистов. Предпринимались попытки отравить некоторых советников, в том числе и главу военной миссии Блюхера. Были разоружены рабочие дружины. В начале июля советские советники стали покидать Ухань. 12 июля из Шанхая возвратился родственник Чан Кай-ши Т.В. Сунг, который был послан туда прозондировать условия восстановления отношений. Как сообщил Сунг, Чан Кай-ши был готов на крупные уступки в случае исключения коммунистов из Гоминьдана. Ван Цзин-вэй колебался недолго. 15 июля расширенное заседание Политбюро ЦИК Гоминьдана приняло решение о разрыве с коммунистами. 26 июля Ван Цзин-вэй издал указ об исключении всех коммунистов из гоминьдановских партийных и государственных учреждений. Утром следующего дня Бородин отбыл в Москву. Троцкистско-зиновьевская оппозиция могла торжествовать победу. Стратегия Сталина в Китае, над которой он работал с 1923 года, была сорвана.

29 июля по горячим следам событий в Китае открылся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Оппозиция попыталась использовать создавшуюся обстановку для полномасштабной атаки на политику Сталина, возложив на него главную ответственность за "поражение" китайской революции. Основные доводы оппозиции были затем суммированы в ее платформе, обнародованной в сентябре 1927 года. Там, в частности, говорилось:

*"Главной причиной неблагоприятного исхода китайской революции на нынешнем этапе является принципиально ошибочная политика руководства Российской коммунистической партии и всего Коминтерна. Результатом стало то, что в решающий момент в Китае, фактически не существовало реальной большевистской партии. Возлагать сейчас вину только на китайских коммунистов является искусственным и недостойным. Мы имеем в Китае классический эксперимент применения меньшевистской тактики в буржуазно-демократической революции"*⁸⁴.

Далее перечислялись уже приводившиеся претензии оппозиции относительно союза с "либеральной буржуазией", отказа выйти из Гоминьдана, создания Советов и прочее.

Сталин действовал гибко. Он, конечно, не мог раскрыть, в чем действительно состояла его стратегия в Китае, так как это было бы равнозначно политическому самоубийству. Поэтому он не стал оспаривать "меньшевистского" характера ошибок руководства компартии Китая. Но он решительно отвел обвинения в "меньшевистской" линии со стороны ВКП(б) и Коминтерна. Видимо, для того, чтобы его доводы звучали более убедительно, он поручил новому

представителю Коминтерна в Китае Ломинадзе созвать чрезвычайную конференцию КПК. Эта конференция состоялась 7 августа, то есть еще до того момента, как сам пленум завершил свою работу. На конференции генеральный секретарь КПК Чэнь Ду-сю был смещен со своего поста. Он и ряд его сторонников были выведены из состава Политбюро и ЦК. Все они были обвинены в "меньшевистских" ошибках, хотя в действительности, если у них и были какие-то отклонения, то скорее в "левую", чем в "правую" сторону. Но для Сталина не имело большого значения под каким соусом устранить неугодных. Главное, что эти люди несли свою долю ответственности за провал его политики в Китае.

Прикрыв себя с этой стороны, Сталин перешел на пленуме в наступление. Он обвинил оппозицию в "ультралевом" уклоне в китайском вопросе, сославшись на требования о выходе из Гоминьдана и создании Советов. "Авантюризм в политике, богдательщина по вопросам китайской революции - вот что убивает теперь нашу троцкистскую оппозицию", - подытожил он в заключение⁸⁵. Пленум осудил позицию, занятую троцкистско-зиновьевским блоком в отношении политики в Китае. Руководителям блока Троцкому и Зиновьеву был объявлен строгий выговор с предупреждением.

Провал сталинской стратегии в Китае, естественно, выдвигает на первый план вопрос о том, в чем состояла главная ошибка генерального секретаря. Ведь главная цель была достигнута. Гоминьдан довел дело объединения страны до конца, правда, на последнем этапе уже без участия коммунистов и без помощи со стороны Москвы. Но в союзника СССР Китай не превратился. Напротив, после отъезда Бородина отношения между двумя странами резко ухудшились и дело дошло даже до военных столкновений на границе. Может быть, с самого начала Сталин допустил ошибку, вообще связав себя с неосуществимым предприятием? Может быть, он добивался того, что изначально было обречено на поражение? И все-таки, представляется, что сама стратегия была выбрана Сталиным правильно. Цели были поставлены реальные, и были применены методы, которые давали результат. Сталин недоучел одного - того, что должен учитывать каждый государственный руководитель - внутренних ограничений своей внешней политики. И этот просчет оказался в данном случае роковым. Пускаясь в данное предприятие, Сталин не ожидал, сколь мощным и яростным будет противодействие оппозиции. Но оказавшись втянутым в Китай, он уже не мог просто так отступить, и это вынуждало его маневрировать на том поле, которое оставляли ему идеологические рамки марксистско-ленинской доктрины. Бородин действовал в общем и целом в русле сталинской линии, несмотря на допущенные им ошибки технического характера. Но инструкции и указания, поступавшие от Сталина в силу упомянутых ограничений носили противоречивый, половинчатый характер. Сталин, например, не мог в тех условиях дать указание китайским коммунистам самораспуститься, войти в Гоминьдан в качестве индивидуальных членов, прекратить всякую революционную активность и полностью сосредоточиться на объединении страны. С этой точки зрения опыт сталинской стратегии в Китае важен тем, что показав, с одной стороны, политический реализм Сталина, с другой, он в очередной раз подтвердил известную истину о том, что политика есть искусство возможного.

Примечания

1. See: *Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920-1927* // C.Martin Wilbur and Julie Lien-ying How. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. P.124.
2. Сталин И.В. Сочинения. Т.7. С.293-294.
3. Там же. Т.8. С.363.
4. Там же. С.358.
5. Там же. С.365.
6. Там же. С.374.
7. Там же. С.360-361.
8. Shram S. Mao Tse-tung. Middlesex: Penguin, 1966. P.76.
9. *The Communist International, 1919-1943. Documents. Vol.2.* P.183.
10. Сталин И.В. Сочинения. Т.7. С.50.
11. *The Communist International, 1919-1943. Documents. Vol.2.* P.247.
12. Ibid. P.219-220.
13. *Missionaries of Revolution.* P.184; 530; 533.
14. *The Communist International, 1919-1943. Documents. Vol.2.* P.249.
15. Ibid. P.277-278.
16. *Missionaries of Revolution.* P.259.
17. Черепанов А.И. Северный поход национально-революционной армии Китая. М.: Наука, 1968. С.43.
18. *Missionaries of Revolution.* P.260, 282.
19. Черепанов А.И. Указ. соч. С.90.
20. *Missionaries of Revolution.* P.661.

21. Ibid. P.573.
22. Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925-1927. Воспоминания. М.: Наука, 1965. С.190.
23. Missionaries of Revolution. P.250.
24. Furuya K. Chiang Kai-shek: His Life and Times. New York: St. John's University, 1981. P.173.
25. Missionaries of Revolution. P.251.
26. See: Furuya K. Op. cit. P.175.
27. Missionaries of Revolution. P.254-255.
28. Черепанов А.И. Указ. соч. С.84-86.
29. Missionaries of Revolution. P.705.
30. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.276.
31. Черепанов А.И. Указ. соч. С.93.
32. Missionaries of Revolution. P.269.
33. Черепанов А.И. Указ. соч. С.102.
34. Jacobs D.N. Borodin: Stalin's Man in China. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1981. P.202-203.
35. Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.155.
36. Brandt C. Stalin's Failure in China. 1924-1927. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958. P.78-80.
37. Missionaries of Revolution. P.270.
38. Ibid. P.290.
39. Ibid.
40. Сталин И.В. Сочинения. Т.8. С.166.

41. Там же. С.219, 222.
42. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.314.
43. Ibid. P.310.
44. Сталин И.В. Сочинения. Т.8. С.367.
45. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.338-348.
46. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition (1926-27) / Ed. N.Allen and G.Saunders. New York: Pathfinder Press, 1980. P.369-370.
47. Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.283.
48. Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. М.: Наука, 1979. С.186.
49. Missionaries of Revolution. P.364.
50. Ibid. P.362.
51. Ibid. P.367-368.
52. Ibid. P.369.
53. Благодатов А.В. Указ. соч. С.194.
54. Там же. С.195.
55. Черепанов А.И. Указ. соч. С.222-223.
56. Там же. С.216.
57. Furuya K. Op. cit. P.195.
58. Ibid. P.196.
59. Ibid.
60. Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.328.
61. Furuya K. Op. cit. P.198.

62. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition (1926-27). P.371.
63. Missionaries of Revolution. P.403.
64. Furuya K. Op. cit. P.205.
65. Благодатов А.В. Указ. соч. С.229-230.
66. Черепанов А.И. Указ. соч. С.252.
67. Псевдоним главного военного советника Блюхера.
68. Благодатов А.В. Указ. соч. С.232.
69. Сталин И.В. Сочинения. Т.9. С.226.
70. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.360.
71. Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.351.
72. Brandt K. Op. cit. P.121.
73. Shram S. Op. cit. P.110-111.
74. Черепанов А.И. Указ. соч. С.273.
75. Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.356.
76. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.382-384.
77. Ibid. P.361.
78. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition (1926-27). P.371.
79. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.386-390.
80. Цит. по: Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.32-33.
81. Jacobs D.N. Op. cit. P.271.
82. Вишнякова-Акимова В.В. Указ. соч. С.356.

83. Благодатов А.В. Указ. соч. С.264.

84. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition. P.370.

85. Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.28-29.

[Глава 1. Истоки внешнеполитической философии](#)

[Глава 3. Формирование внешнеполитической доктрины](#)

**ЗА
СТАЛИНА**

[На главную страницу](#)

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

В идеологических схватках второй половины двадцатых годов выкристаллизовалась внешнеполитическая доктрина Сталина. Августовский (1927 года) пленум ЦК ВКП(б) явился последней отчаянной попыткой троцкистско-зиновьевской оппозиции переломить положение, повести за собой большинство партии. Но это не удалось. Интернационал-коммунистическая доктрина все больше теряла под собой почву. Во многом этому способствовали собственные ошибки оппозиции, занявшей по ряду важнейших вопросов недопустимую позицию. Это, в частности, касалось вопроса об обороне страны. Дело в том, что августовский пленум проходил в обстановке, характеризовавшейся значительным усилением военной опасности. Подрыв советских позиций в Китае дополнился резким обострением напряженности в Европе вследствие разрыва 27 мая дипломатических отношений с Англией. Как подчеркивалось в решениях пленума "опасность контрреволюционной войны против СССР" стала "самой острой проблемой текущего периода"¹. В этой наэлектризованной атмосфере Троцкий, вдруг, неожиданно для всех возродил, казалось бы, уже давно забытый лозунг "поражения своего правительства", сделав свое известное "клемансовское заявление". В письме председателю ЦКК Орджоникидзе от 11 июля 1927 года он так объяснял свою позицию:

"Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению "своего" государства, находящегося в руках враждебного класса ... Если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпартгалльщиков должна быть выметена, как мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак еще не становится "пораженцем" ... Французская буржуазия в начале империалистической войны имела во главе свое правительство без руля и без ветрил. Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции. Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: "именно поэтому"), он вел беспощадную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности - за империалистическую свирепость и беспощадность ... Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей политикой обеспечила французской буржуазии победу"².

Под "шпартгалльщиками" Троцкий, естественно, понимал Сталина и его сторонников. Себе он отводил роль Клемансо, давая понять, что в случае войны будет добиваться устранения от власти сталинской фракции. К чему могли привести такие внутренние "разборки" в реальных условиях войны, думается, вполне понятно. Далекое не всегда все заканчивалось столь же благополучно, как у Клемансо. Скорее, наоборот, в большинстве случаев результаты оказывались весьма плачевными. Не случайно поэтому, что в конце 30-х годов данное заявление Троцкого будет стоять головы и ему самому и многим его последователям. Перед началом самой жестокой из всех войн Сталин не мог рисковать, не мог допустить наличие внутри СССР оппозиционного политического центра, готового в любой момент начать междоусобную борьбу перед лицом смертельной опасности.

Лидер нацистской Германии Адольф Гитлер впоследствии по достоинству оценил политическую дальновидность своего главного противника. Выступая 8 мая 1943 года на совещании с рейхляйтерами и гауляйтерами, фюрер с раздражением констатировал, что Сталин имеет то преимущество, что в СССР "не осталось практически никакой оппозиции", что "большевизм вовремя освободился от этой угрозы и может поэтому направить всю свою энергию на борьбу с врагом", а это, заметил Гитлер, "положило конец пораженчеству"³. Сам вождь немецкой нации оказался не столь прозорлив. Что такое оппозиция во время войны и к чему она может привести, он смог воочию убедиться 20 июля 1944 года, когда чудом остался жив после взрыва бомбы, подложенной полковником фон Штауфенбергом. Гитлер приписал эту удачу божественному провидению, но и оно не спасло его в конечном итоге от военного поражения.

Но все это будет намного позже. Пока же Сталин попытался просто высмеять Троцкого. В выступлении на августовском пленуме он сказал:

"Если враг подойдет к стенам Кремля километров на 80, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, сначала свергнуть нынешнее большинство именно потому, что враг стоит в 80 километрах от Кремля, а потом взяться за оборону. И если это удастся сделать нашему опереточному Клемансо, то это, оказывается и будет настоящей и безусловной обороной СССР. А для того, чтобы сделать это, он, Троцкий, т. е. Клемансо, постарается предварительно "вымести" этот "мусор" "в интересах победы рабочего государства". А что это за "мусор"? Это, оказывается, большинство партии, большинство ЦК, большинство правительства"⁴.

Пораженческая позиция, занятая Троцким, сыграла на руку Сталину. Оппозиции довольно трудно было объяснить как членам партии, так и широким беспартийным слоям, почему она намерена добиваться в случае войны поражения "своего государства". Это облегчило Сталину разгром оппозиционного блока. В конце октября Троцкий и Зиновьев были выведены из состава ЦК, а в декабре на 15-ом съезде ВКП(б) исключены из партии вместе с другими активными деятелями оппозиции.

Политическое поражение троцкистско-зиновьевского блока означало завершение важного этапа в истории послереволюционной России. Была подведена своеобразная черта под состязанием двух конкурирующих внешнеполитических доктрин: интернационал-коммунистической и национально-социалистической. Последняя взяла верх. Как позднее писал Троцкий, Сталин стал выразителем "консервативного национального уклона", суть которого "сводилась к тому, что мы заинтересованы не в международной революции, а в собственной безопасности для развития нашего хозяйства"⁵. Думается, в этом случае Троцкий правильно подметил, существо проблемы, хотя речь, видимо, следовало вести не об "уклоне", а о господствующем настроении в партии и обществе в целом. Троцкий не смог понять того, что сумел понять Сталин - **роли национального фактора**. Это и обрекло этого, по-своему талантливого политика, на историческое поражение.

Процесс формирования сталинской внешнеполитической доктрины в общем и целом завершился к 1930 году. К этому времени генеральный секретарь фактически закончил консолидацию власти в партии и государстве в своих руках. Последним этапом на этом пути стало устранение с руководящих постов деятелей так называемой "правой" оппозиции в лице националистов-рыночников: Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников. В ноябре 1929 года Бухарин был выведен из состава Политбюро, а несколькими месяцами раньше смещен с поста руководителя делегации ВКП(б) в Коминтерне и члена Президиума ИККИ. В июле 1930 года наркомом иностранных дел стал Литвинов. В декабре Молотов заменил Рыкова на посту главы правительства, а Мануильский возглавил советскую делегацию в Коминтерне.

Кадровые перестановки затронули не только верхи, но и среднее звено аппарата управления. Сталин явно извлек уроки из предшествующего опыта, когда недоучет роли руководителей более низкого уровня нанес невосполнимый урон его стратегии в Китае. Кадровая чистка непосредственно коснулась наркомата иностранных дел. Вот что писал по этому поводу в своем дневнике Литвинов:

"Началась чистка наркомата иностранных дел. За операцию отвечает Шкирьятов ... Не могу его терпеть. Он дурак и антисемит. Я не против того, чтобы сократить число евреев в нашей дипломатической службе и даже в центральном аппарате, но нельзя же делать это массово и без разбора. Имел долгий разговор с Кобой⁶, он со мной согласен ... Однако он добавил, что по причинам политической целесообразности, проистекающим из внешней и внутренней обстановки, будет необходимо радикально сократить число дипломатов-евреев. Все же, он не удержался от того, чтобы отпустить антисемитское замечание - "беда в том, что один еврей производит больше шума, чем десять неевреев ..." Я сказал, что слышал такую же фразу от полицейского, который арестовал меня в Белостоке. Он рассмеялся: "Ну, Папаша⁷, не все, что говаривали полицейские в России было глупостью"⁸.

Надо сказать, что в первой половине 30-х годов чистке подвергся не только аппарат НКВД, но и другие ключевые ведомства, в том числе и спецслужбы. Причем, устранению подлежали не только евреи, но и всякие иностранцы: латыши, эстонцы, литовцы, поляки, финны, венгры, румыны, немцы, сделавшие карьеру в годы революции и гражданской войны. В чем же состояла та политическая целесообразность, которую упомянул Сталин в разговоре с Литвиновым? Ответ - достаточно очевиден. В 1930 году международная система вползла в новый период дестабилизации, вызванной мировым экономическим кризисом. Случайно или нет, но отставка Бухарина последовала через две недели после падения курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже, положившему начало "Великой депрессии". Мировой экономический кризис явился первым признаком надвигающейся бури, первым предвестником новой схватки за передел мира. Сталин понимал, что привнесенная кризисом экономическая дестабилизация должна неминуемо привести к дестабилизации политической. В июне 1930 года на XVI съезде партии он указывал:

"В ряде государств мировой экономической кризис разовьется в кризис политический ... В сфере международной политики буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне ... Отсюда, тенденция к авантюристическим нападениям на СССР и к интервенции, тенденция, которая, наверняка, будет развиваться по причине экономического кризиса"⁹.

Новая ситуация требовала неотложных мер по мобилизации моральных сил всей нации, по ее сплочению в единый, мощный, дееспособный организм. Одних только кадровых перестановок для этого было недостаточно. Нужна была новая идеология. Рассчитывать на то, что можно будет выиграть технологическую гонку с Западом, выстоять в надвигающейся мировой войне, опираясь на постулаты классического марксизма-ленинизма, выглядело все менее реалистично. Идеология, основанная на классовой, а не на национальной борьбе все более доказывала свою никчемность в новых международных условиях. В 1931 году в партийных верхах стали открыто поговаривать о необходимости смены идеологического курса. В дневниках Литвинова есть интересная ссылка на беседу по этому поводу с Ворошиловым. Последний заявил, что страна должна срочно перейти на путь "великодержавной политики". Причем, присутствовавший при разговоре Рудзутак поддержал его¹⁰. Эта новая "великодержавная политика" самым органичным образом вписывалась в теоретические представления Сталина, если вспомнить, что это его Ленин обвинил в "великорусском шовинизме". В любом случае именно Сталин дал старт новой идеологической доктрине. Год "великого перелома" ознаменовался не только переломом в политике и экономике. Начался перелом в идеологии. Первые признаки такого поворота обозначились уже в ноябре 1928 года. Тогда, выступая на пленуме ЦК и рассуждая о задачах индустриализации, Сталин неожиданно воскресил дух русского царя Петра I, заявив, что

"когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости"¹¹.

Это был, пожалуй, первый случай, когда лидер большевистской партии с похвалой отозвался о деятельности русского царя. Еще год назад такое было бы невозможно, но сейчас Сталин уже довольно прочно сидел в седле. Может быть, Сталин ничего серьезного в виду не имел и просто вставил упоминание о Петре для красного словца? Но не в привычке Сталина было, делать что-либо просто так, без наличия к этому причин. И действительно, вскоре реабилитация Петра I стала распространяться во все сферы жизни общества. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1929 году Сталин спас от запрета постановку в Московском Художественном театре романа Алексея Толстого "Петр I", которая тогда подверглась яростным атакам со стороны Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). По свидетельству А.Толстого, Сталин не только отстоял постановку, но и посоветовал произвести корректировки в изображении петровской эпохи в следующем духе:

"Эпоха Петра I явилась одной из великих страниц в истории русского народа. По существу, вся петровская эпоха проникнута героической борьбой русского народа за свое национальное

выживание и независимость ... Было необходимо осуществить решительное преобразование всей жизни государства, чтобы поднять Россию до уровня культурных стран Европы. И Петр сделал это. Русский народ сохранил свою независимость"¹².

В том же 1929 году Сталин взял под защиту пьесу Булгакова "Дни Турбиных" ("Белая гвардия"), которая также подверглась нападкам со стороны РАППа. А в апреле 1930 года Сталин лично позвонил Булгакову и предложил ему должность заместителя директора Московского Художественного театра. В 1931 году Сталин уже открыто апеллировал к русскому патриотизму. На встрече с руководителями народного хозяйства в феврале он, например, заявил:

"Замедлить темп означало бы отстать. А те кто отстают оказываются битыми. Но мы не хотим, чтобы нас побили. Мы не согласны быть битыми. Одна из особенностей в истории старой России состоит в том, что ее всегда били из-за ее отсталости. Ее били монгольские ханы. Ее били турецкие беи. Ее били шведские феодалы. Ее били польско-литовские дворяне. Ее били английские и французские капиталисты. Ее били японские бароны. Ее били все за ее отсталость, ее военную отсталость, культурную отсталость, политическую отсталость, промышленную отсталость. Они били ее потому, что делать это было выгодно и безопасно ..."¹³.

В этой речи, имевшей ярко выраженный мобилизационный оттенок, с точки зрения Сталина, было совершенно естественным сослаться на исторический опыт русской нации, сделать акцент на пробуждение национальной гордости и державного духа. Примечательно также, что здесь Сталин говорил о России в целом, а не только о рабочих или трудящихся. Другой особенностью данной речи явился упор на собственные внутренние силы русского народа, на его способность к самостоятельному, независимому от кого-либо развитию. Эту мысль Сталин настойчиво проводил во многих своих выступлениях того периода. Интересна в этой связи его беседа с немецким писателем Э.Людвигом в декабре 1931 года. Последний, сравнив Сталина с Петром I, заметил: "Ну в конце концов, Петр Великий много сделал для развития своей страны для привнесения западной культуры в Россию". На это Сталин ответил: "Да, конечно, Петр Великий много сделал ... для создания и укрепления национального государства помещиков и купцов". Здесь обращает на себя внимание не столько дежурное упоминание о помещиках и купцах, сколько акцент на "национальное государство". При этом Сталин полностью проигнорировал заход Людвига о "западной культуре", давая тем самым понять, что отдает предпочтение версии о собственных достижениях России¹⁴. Чуть далее по ходу беседы он дал ясно понять Людвигу, что не готов принять существующего на Западе мнения о неполноценности русской нации.

"В Европе, - заметил Сталин, - существует много людей, чьи идеи о народе СССР являются старомодными: они полагают, что граждане СССР, во-первых, покорные, а во-вторых, ленивые. Это устаревшая и совершенно неправильная идея. Она зародилась в Европе в те дни, когда русские помещики массами устремились в Париж, где они проматывали нажитые состояния и проводили время в безделье. Это были бесхребетные и никчемные люди. Это привело к выводам

о "русской лени". Но это не может ни в коей мере быть применено к русским рабочим и крестьянам, которые зарабатывали и продолжают зарабатывать себе на жизнь своим собственным трудом"¹⁵.

Таким образом, и здесь Сталин дезавуировал тезис о мнимом превосходстве Запада над Россией и ее народом. Эта идеологическая линия четко выдерживалась им с тех пор вплоть до последних дней его жизни и нашла свою наиболее завершенную и цельную форму в борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, которую ему так и не удалось довести до конца.

23 апреля 1932 года постановлением ЦК был ликвидирован РАПП, а вместе с ними и другие "пролетарские" союзы в области культуры. На их месте под патронажем государства были созданы союзы писателей, художников, музыкантов и т.п. Затем Сталин прикрыл историческую школу профессора Покровского ("Общество марксистских историков"). Покровский практиковал вульгарно-материалистический подход к русской истории, изображая ее как результат "движения торгового капитала". С этой примитивной и далекой от истины трактовкой не мог согласиться даже такой марксист как Троцкий, который в свое время подверг Покровского критике. Но Сталину, видимо, больше не понравилась другая сторона школы Покровского. Последний преподносил русскую историю, включая даже деятельность таких царей-реформаторов как Петр I, в крайне неприглядном свете. При этом недостатки русской действительности всячески выпячивались и раздувались до невероятных размеров, в то время как достоинства и достижения затушевывались и фальсифицировались. Показательно в этой связи, что в 1920 году Ленин весьма положительно отозвался о книге Покровского "Русская история в самом сжатом очерке" и даже рекомендовал ее к переводу на иностранные языки¹⁶. Сталин же запретил книги Покровского.

Не обошел идеологический поворот и сферу внешней политики. В этой области этапным событием явилось письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 года с оценкой статьи Энгельса "О внешней политике русского царизма". В письме Сталин выступил против публикации этой статьи в журнале "Большевик", поскольку, на его взгляд, она обладала рядом существенных недостатков, могущих "запутать читателя". Далее Сталин высказал несогласие с основными теоретическими и практическими выводами статьи. Начиная ее критический разбор, он привел следующую цитату Энгельса:

*"Внешняя политика это безусловно та область, в которой царизм очень и очень силен. Русская дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь ее в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как, например, Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен. Иностранкою была и его основательница, Екатерина II. До сих пор только **один** чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон Гирс опять уже носит иностранную фамилию. Это тайное*

общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, - эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Черному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству"¹⁷.

Прочитав эту выдержку из энгельсовской статьи, становится вполне понятным, почему она была неприемлема для Сталина. В статье явно преувеличивалась роль иностранцев в русской истории. Энгельс игнорировал тот факт, что все перечисленные им лица попросту находились на службе у русского государства. Они были профессионалами, получавшими зарплату за свои услуги и не более того. Если бы не они, то нашлось бы десятки других желающих заполучить хорошо оплачиваемую должность на российской государственной службе. Не Россия нуждалась в них, а они нуждались в России и поэтому отчаянно боролись за места, за продвижение по службе, используя различные связи, не скупясь на взятки, и оттесняя таким образом с выгодных должностей не менее талантливых и достойных русских. Самостоятельной роли в выработке внешнеполитического курса эти люди не играли или почти не играли. К тому же Энгельс допустил явную передержку, утверждая, что российская дипломатическая служба была создана Екатериной II. В действительности, эта служба уходила далеко корнями в историю русского государства и в целом сформировалась в цельный организм еще в допетровские времена. Сталин, естественно, обратил внимание на все эти искажения в статье Энгельса. Он писал:

"Можно подумать, что в истории России, в ее внешней истории, дипломатия составляла все, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы - ничего, или почти ничего. Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России стояли не иностранные авантюристы, вроде Нессельроде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путем. Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща - не в меньшей, если не в большей степени - королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации как Наполеон, который, несмотря на свое нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги"¹⁸.

Из этой цитаты видно, что Сталин не только отверг сделанные Энгельсом выводы в вопросе о роли иностранцев в русской истории, но и недвусмысленно дал понять, что методы внешней политики России совершенно не отличались от дипломатических приемов "цивилизованной" Европы. Это свидетельствует о том, что Сталин уже тогда достаточно четко представлял себе, ту

традиционную практику "двойных стандартов", которая стала излюбленным коньком европейских государств в отношениях со всем остальным миром, включая Россию, еще с незапамятных времен. Существование этой политики состояло в том, что любые действия Европы преподносились как "гуманные", "просвещенные", направленные на "защиту прав человека", в то время как политика России трактовалась как варварская, вероломная, захватническая, антигуманная. Сталин, однако, не был простаком, чтобы принимать всю эту пропаганду за чистую монету, даже, если она исходила от одного из основоположников марксизма-ленинизма.

Развивая свою мысль дальше, Сталин, подверг критике энгельсовский анализ международной обстановки, сложившейся в Европе во второй половине прошлого столетия, в том числе главный вывод Энгельса, что "падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны". Сталин назвал такую оценку "явным преувеличением", отметив значительное уменьшение "самостоятельной роли царизма в области внешней политики Европы" и его чисто вспомогательную роль для главных европейских держав перед началом военного столкновения между ними. В противоположность Энгельсу, Сталин полагал, что именно противоречия между германскими и англо-французскими интересами явились главной причиной первой мировой войны. Он писал:

"... Если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным или даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, - то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной?"¹⁹.

Таким образом, и здесь Сталин дает отпор попыткам возложить все грехи, в том числе и будущие на Россию и обелить европейские государства, представить их своего рода жертвами русской политики. Проницательность Сталина состояла в том, что он нащупал у самого что ни на есть "интернационалиста" Энгельса заглубленный немецкий национализм с ярко выраженным антирусским оттенком. Статья последнего фактически обосновывала законность войны против России, которую Энгельс, видимо, также как и Бисмарк ненавидел и боялся. Сталин правильно указал, что ход мыслей Энгельса должен был облегчить "грехопадение германской социал-демократии" в первой мировой войне, когда она "решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от "русского варварства"²⁰. Не случайным является поэтому тот факт, что в мае 1941 года, когда неизбежность войны с гитлеровской Германией стала для Сталина очевидной, он распорядился опубликовать свое письмо в журнале "Большевик". Оно должно было нацелить русский народ на борьбу со всей немецкой нацией как таковой.

В том, что война в Европе начнется и что Россия будет так или иначе в нее вовлечена Сталин ни на минуту не сомневался с самой середины 20-х годов. Как-то выступая в югославской комиссии ИККИ (30 марта 1925 года), он вскользь заметил, касаясь европейской ситуации: "А что война в Европе начнется и что они там обязательно передерутся, в этом не может быть сомнения ..." ²¹. Поэтому ключевое, центральное место во внешнеполитической доктрине Сталина отводилось вопросам обеспечения **военно-политической безопасности** СССР. На 14-ом съезде ВКП(б) в декабре 1925 года он дал следующий анализ международной обстановки:

"... Германия есть побежденная страна, а Антанта победительница. Конференцией в Локарно этот порядок закрепляется в том смысле, что новые границы Германии сохраняются в пользу Польши, сохраняются в пользу Франции, что Германия теряет колонии и что она вместе с тем, скрученная и помещенная в прокрустово ложе, должна принять все меры, чтобы выкачать 130 миллиардов золотых марок. Думать, что с этим положением помирится Германия, растущая и идущая вперед, значит рассчитывать на чудо ... Версальский мир и его продолжение - Локарно, узаконяющие и юридически освящающие потерю Германией Силезии, Данцингского коридора и Данцинга, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильны и пр., - какая гарантия, что этот договор, искромсавший целый ряд государств и создавший целый ряд узлов противоречий, - не разделит судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего после франко-прусской войны Эльзас-Лотарингию от Франции? Такой гарантии нет и быть не может" ²².

Сталинский анализ, который, будучи по существу верным и правильно определявшим источники будущей войны, вряд ли, был чем-то экстраординарным, или открывавшим что-то новое для дипломатов послеверсальской Европы. Поражает другое. С этим анализом выступил генеральный секретарь большевистской партии. При этом он не вел речь об "оплотах реакции", как это делал Энгельс, или об абстрактных межимпериалистических противоречиях, как Ленин. У Сталина речь шла о конкретных национально-территориальных проблемах, возникших в Европе в результате Версальского мира. Эти проблемы, он совершенно справедливо не связывал ни с империализмом, ни с феодализмом, ни с какой-либо еще общественной формацией. Сталинский анализ был определенно выдержан в тонах классической дипломатии, оперирующей понятиями национальных интересов, национальной безопасности, территориальной целостности, независимо от государственного устройства, экономической и политической систем тех или иных государств.

Сталин, видимо не случайно, упомянул об Украине и Белоруссии, которые уже были советскими республиками, в числе стран, обделенных Версальским договором. Таким образом, Сталин уже тогда наметил те вопросы, которые будут интересовать СССР в будущей войне. Пока он не коснулся других территориальных претензий, хотя позднее на 16-ом съезде назовет и Бессарабию. Заход Сталина был четко выверенным и рассчитанным на Германию. Берлину давалось понять, что СССР, недовольный Версальским миром, может стать для Германии естественным союзником в деле передела сфер влияния в Европе. Немцы тогда, однако, на эту приманку не клюнули по целому ряду причин. Но в 1939 году вторичный заход Сталина дал свой результат.

Вполне очевидно, что сам по себе предложенный Сталиным маневр, при всей нормальности его с точки зрения политического реализма, был еще одним отступлением от марксистско-ленинской теории. Ленин, как известно, не отрицал возможность и даже необходимость использования противоречий между "империалистическими" государствами. Он соглашался идти на экономические и торговые соглашения с ними в интересах восстановления народного хозяйства, чтобы выиграть время в ожидании мировой революции. Но такого, чтобы вступать в политические, а тем более в военные союзы с одними "империалистическими" державами против других, да к тому же с целью передела мира, Ленин никогда не допускал и даже об этом не упоминал. Сталин же довольно легко взял этот идеологический барьер. Подтверждением этому является, например, его выступление на пленуме ЦК ВКП(б), в январе 1925 года, где, в частности, рассматривался вопрос о военных расходах. Тогда Сталин поддержал предложение Фрунзе об увеличении ассигнований на оборону. Обосновывая свою позицию, Сталин сказал:

*"... Война может стать, конечно, не завтра и не послезавтра, а через несколько лет неизбежностью ... А новая война не может не задеть нашу страну ... Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий ... Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, - нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить"*²³.

Говоря о том, что Россия "бросит гирю", Сталин давал понять, что Россия пойдет на **военный союз** с одной группировкой великих (империалистических) держав против другой. Более того, по его стратегическому замыслу на такой союз следовало идти не на ранних этапах конфликта, а позднее, когда уже достаточно четко определяются силы противостоящих сторон, когда они будут втянуты в смертельную схватку за существование. Тогда Россия смогла бы выйти на арену как решающая сила мировой политики, как сила способная склонить чашу весов в ту или другую сторону. И в этом случае Россия уже могла бы претендовать на главную роль в определении судеб послевоенного устройства мира. А это, в свою очередь, позволило бы России, если не на всегда, то, по крайней мере, на достаточно длительный срок надежно обеспечить свою военно-политическую безопасность.

Основные элементы стратегического замысла Сталина были, скорее всего, навеяны изучением опыта классической британской дипломатии. Не случайно, еще в 1927 году Сталин обратил внимание на следующую особенность внешней политики Англии:

*"... Английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками. И ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны"*²⁴.

Рассматривая англичан как своих будущих главных дипломатических противников, Сталин явно готовился к тому, чтобы не дать Лондону использовать себя, как он позднее выразился в

качестве "батрака", и по возможности, заставить Англию саму воевать со своими противниками. России же Сталин стремился обеспечить ту самую роль "балансира", которую англичане играли в Европе в 19-ом веке, примыкая то к одной, то к другой коалиции в зависимости от обстоятельств, и пытаясь не допустить таким образом чьей-либо гегемонии на европейском континенте. Впрочем, Сталин не строил задачи коалиционной политики исключительно на расчетах о будущих союзах с той или иной группой великих держав. Пока по внутривнутриполитическим причинам это было невозможно, он готов был на коалиции другого рода. Вовлеченность Сталина в события в Китае свидетельствует о том, что он стремился создавать коалиции с развивающимися странами, вместо того, чтобы устраивать там революции. Эту мысль он отчетливо провел на 15-ом съезде ВКП(б), выделив в качестве самостоятельной задачи "сближение с так называемыми "слабыми" и "неполноценными" государствами, терпящими гнет и эксплуатацию господствующих империалистических держав"²⁵.

Главной задачей текущего периода Сталин считал обеспечение мирной передышки, необходимой для экономического развития, для накопления сил, и превращения России в ту самую "гирю", о которой он упомянул на пленуме в январе 1925 года.. Критикуя некоторые горячие головы в партии и государстве, он указывал:

"Нас дразнят и будут дразнить провокаторы из враждебного лагеря, утверждая, что наша мирная политика объясняется нашей слабостью, слабостью нашей армии. Это взрывает иногда кой-кого из наших товарищей, склонных поддаться провокации и требующих принятия "решительных" мер. Это слабость нервов. Это отсутствие выдержки. Мы не можем и не должны играть под дудку наших противников. Мы должны идти своей дорогой, отстаивая дело мира, демонстрируя свою волю к миру, разоблачая грабительские намерения наших врагов и выставляя их как зачинщиков войны. Ибо только такая политика может дать нам возможность сплотить трудящиеся массы СССР в единый боевой лагерь, если враг навяжет или, вернее, когда враг навяжет нам войну"²⁶.

В этой позиции Сталина обращает на себя два момента. Во-первых, зная, что война неизбежна, он категорически против того, чтобы втягиваться в нее в невыгодных условиях, когда того желает противник. Он оставляет за собой право самому определять тот момент, когда следует "выступить". Сталин не раз подчеркивал, что "искусство большевистской политики состоит в том, чтобы уметь выбрать время и место и учитывать все обстоятельства дела для того, чтобы сосредоточить огонь на том фронте, где скорее всего можно будет добиться максимальных результатов"²⁷. В этом заключался глубокий политический реализм Сталина. Во-вторых, для Сталина важно, каким образом следует вступать в войну. Он определенно против того, чтобы бросаться в омут сломя голову. Выступить следовало таким образом, чтобы ни у кого не было сомнений, что именно СССР подвергся нападению, что именно враг навязал войну. Только это, по мнению Сталина, могло сплотить нацию в "единый боевой лагерь". Здесь, видимо, Сталин руководствовался опытом первой мировой войны, когда Россия выступила первой, и потом за это пришлось платить низким боевым духом российских войск, особенно, на заключительных стадиях войны. Опыт борьбы с Наполеоном, напротив, свидетельствовал о том, что

подвергшись нападению, русская армия демонстрировала высокий моральный дух на всем протяжении конфликта, даже тогда, когда действия были уже перенесены на территорию противника.

Может показаться парадоксальным, но это факт. В сложнейшей внешнеполитической обстановке 30-х годов Сталин с доскональной последовательностью и точностью провел в жизнь этот стратегический замысел, изложенный им более чем десятью годами раньше. Путем искусного дипломатического маневрирования Сталину удалось разыграть друг против друга две группировки великих держав: англо-французскую и германо-итальянскую. При этом он сам в последний момент увернулся от боя и избежал втягивания в конфликт на ранней, наиболее невыгодной его стадии. В итоге СССР выступил предпоследним, опередив лишь американцев. Но США к этому моменту были уже настолько глубоко вовлечены в экономическое обеспечение военных усилий Англии, что их формальное вступление в войну оставалось лишь вопросом времени. Сами же противостоящие коалиции определились тогда уже достаточно четко: с одной стороны - германо-итало-японская, с другой - англо-американская. Силы противоборствующих сторон были примерно равны. Именно от Сталина зависело теперь, в чью пользу склонится чаша весов. По ряду причин, главным образом, геополитического характера Сталин предпочел примкнуть к англо-американской коалиции. Этот выбор он сделал, видимо, в декабре 1940 года, отказавшись присоединиться к "держavam оси" после переговоров Молотова и Гитлера в Берлине, состоявшихся месяцем раньше.

Следующая задача Сталина заключалась в том, чтобы возложить на Гитлера ответственность за начало войны против СССР и, превратив таким образом войну в Отечественную, опереться на патриотический подъем русского народа. Эту задачу ему тоже удалось реализовать. В ходе войны Сталин стал главной фигурой антигитлеровской коалиции, что обеспечило ему ведущую роль в решении вопросов послевоенного переустройства мира. На протяжении всего упомянутого периода Сталин показал себя как блестящий мастер **коалиционной политики** - искусство освоенное им в ходе противоборства с различными оппозиционными группировками внутри ВКП(б). Он создавал все и всяческие коалиции как внутри отдельных стран, так и в широком международном контексте, обеспечивая в решающий момент необходимый перевес сил. Сталин стал постепенно отходить от этой политики лишь тогда, когда послевоенные геополитические преобразования поставили Россию (пожалуй, впервые в истории) в положение **абсолютной безопасности**, то есть в такое положение, когда ни одна потенциальная коалиция великих держав не имела возможности нанести ей военное поражение. Это было самое крупное внешнеполитическое достижение Сталина.

Было бы, конечно, не верным утверждать, что повернув к классической дипломатии, Сталин полностью отказался от всех внешнеполитических инструментов, которые достались ему в наследство от революционного периода. Для Сталина, вообще, было не свойственно в угоду каким-то идеологическим, догмам отказываться от чего-либо, что реально работало и шло на пользу делу. Он отбрасывал только то, что считал ненужным, мешающим движению вперед. Все остальное, он, как рачительный хозяин, прибирал к рукам, наполнял новым содержанием и пускал в дело в интересах своей политики. Это, безусловно, было сильной стороной Сталина.

Он мог действовать иногда как консерватор, а иногда как революционер, сбивая с толку и запутывая своих противников, вынуждая их совершать ошибки и делать ложные ходы. В этом сочетании **традиционализма и революционности** состояла одна из главных отличительных черт сталинской дипломатии.

Изменения, которые претерпела при Сталине концепция пролетарского интернационализма являются наиболее наглядным примером использования революционных методов и инструментов в интересах политики безопасности России. Начиная с 1924 года, в своих выступлениях и статьях Сталин стал последовательно проводить мысль о том, что поддержка международной революции необходима России прежде всего как гарантия от внешней интервенции. Примечательна в этой связи его речь на заседании польской комиссии Коминтерна 3 июля 1924 года. Тогда он подверг польских коммунистов критике за недооценку важности "русского вопроса":

*"Советская власть в России - это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, т.е. в России, партия и власть начинают колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть серьезнейший минус ... Вот почему "русский" вопрос, хотя он и является внешним вопросом для Польши, представляет вопрос первостепенной важности для всех компартий, в том числе и для польской компартии"*²⁸.

Сталин дал ясно понять полякам, что, действуя в интересах советской власти в России, они действуют в своих собственных интересах. Но поскольку советская власть являлась в то время единственной возможной формой государственной власти в России, то Сталин фактически обязал их действовать в интересах российского государства. Акцент был вполне определенно перемещен с долга России перед мировой революцией, о чем писал Ленин, на обязанности иностранных революционеров перед Россией. Таким образом Сталин **развернул концепцию пролетарского интернационализма в плоскость национальных интересов России**.

С тех пор запугивание Запада возможностью революционного взрыва в их собственных странах в случае агрессии против СССР превратилось в излюбленного конька сталинской дипломатии. Порой, Сталин излагал эту мысль весьма прямолинейно. Так, например, выступая перед активом московской парторганизации в мае 1925 года он заявил:

*"... Ежели нападут на нашу страну ..., мы примем все меры, чтобы взнуздать революционного льва во всех странах мира. Руководители капиталистических стран не могут не знать, что мы имеем по этой части некоторый опыт"*²⁹.

В условиях внутренней слабости Советского Союза перед лицом враждебной в целом Европы метод революционного запугивания оставался одним из немногочисленных дипломатических рычагов, к которым Россия могла прибегнуть в отношениях с другими великими державами. Возможно, это давало какой-то ограниченный эффект, отчасти способствовавший установлению "мирной передышки", к которой стремился Сталин. На достижение именно этой

цели Сталин стал ориентировать и иностранных коммунистов, не останавливаясь иногда даже перед тем, что можно рассматривать как политическое давление. Хотя надо признать, что Сталин был довольно реалистичен в оценке того, чем западные коммунисты могут реально помочь России в случае войны. На 7-ом расширенном пленуме ИККИ он говорил:

"Когда пролетарии Западной Европы устраивали дело интервенции в СССР, не перевозили вооружения для контрреволюционных генералов, устраивали комитеты действия и подрывали тыл своих капиталистов, - то это была помощь пролетариям СССР, это был союз западноевропейских пролетариев с пролетариями СССР"³⁰.

Отсюда видно, что Сталин, не веривший, как уже отмечалось, в революционность западного пролетариата, все-таки надеялся на какую-то практическую помощь со стороны иностранных коммунистов. Помощь эта должна была заключаться не столько в организации социалистической революции, сколько в практических мероприятиях по срыву интервенции против СССР. Коммунисты могли выступить в качестве организаторов и застрельщиков антивоенной кампании, вести соответствующую пропаганду и даже участвовать в подрыве мобилизационных планов и материально-технического обеспечения своих войск, вести разведывательно-диверсионную работу. Какой бы малозначительной ни была бы эта помощь, не в привычке Сталина было отказываться от любых, пусть даже не очень влиятельных союзников. Не случайно, в ходе второй мировой войны Сталин эффективно задействовал потенциал иностранных компартий в той степени, в какой это было возможно.

После того, как Сталин нанес поражение троцкистско-зиновьевской оппозиции, он постарался добиться того, чтобы его трактовка концепции пролетарского интернационализма была прочно закреплена в руководящих документах Коминтерна. Венцом всему стало принятие коминтерновской программы на 6-ом конгрессе Коминтерна, проходившем в июле-сентябре 1928 года. Программа фиксировала "обязательства международного пролетариата" перед Советским Союзом. В соответствии с ранее высказанной мыслью Сталина эти обязательства были вполне конкретны - "защита государства пролетарской диктатуры от нападения капиталистических держав всеми доступными средствами". Это относилось не только к компартиям западных государств, но и к коммунистам колоний. В программе говорилось:

"В случае нападения империалистических государств на Советский Союз и войны против него, международный пролетариат должен ответить твердыми и решительными массовыми действиями и борьбой за свержение империалистических правительств под лозунгом пролетарской диктатуры и союза с СССР. В колониях, прежде всего в колониях империалистического государства, которое напало на Советский Союз, должны быть предприняты самые мощные усилия, чтобы воспользоваться преимуществами, которые предоставляются вовлеченностью в другом месте вооруженных сил империализма для подъема антиимпериалистической борьбы, организации революционных действий с целью свержения империалистического правления и завоевания полной независимости"³¹.

Вполне очевидно, что эта формула имела ярко выраженное внешнеполитическое предназначение. Руководители стран Запада, должны были иметь ясное представление о том, что их ожидает, если они осмелятся развязать войну против СССР. Насколько эффективным был этот прием? Сейчас точно просчитать это невозможно. Гитлера таким образом остановить не удалось. Но надо иметь в виду, что нападение Германии на СССР осуществлялось в принципиально иной политической ситуации в мире, и тогда никто уже и не пытался предотвратить войну за счет подобного рода революционного запугивания. В канун войны ставка делалась уже на демонстрацию советской военной мощи и другие дипломатические механизмы.

Пункт программы Коминтерна, где излагались обязательства СССР перед международной революцией был сформулирован несколько в ином ключе. Он изобиловал многочисленными революционными фразами, которые, однако, не несли в себе какого-либо практического наполнения, если подходить к содержанию данного пункта с точки зрения осуществления мировой революции. Советская поддержка этой революции фактически сводилась к тому, чтобы вести себя на международной арене как любое другое нормальное государство. Так, например, в подпункте о внешнеэкономической деятельности говорилось, что "генеральной линией" СССР должно быть "установление как можно более широких контактов с иностранными государствами, но только в той степени, в какой они покажут свою полезность Советскому Союзу"³². Трудно будет, видимо, отыскать такую страну, которая была бы не заинтересована в развитии взаимовыгодных контактов с другими государствами, и тем более, устанавливающую связи, которые шли бы ей во вред. Одним словом, сталинский тезис о том, что СССР должен влиять на мировую революцию своим существованием нашел в программе Коминтерна свое адекватное отражение.

Коминтерн был создан Лениным как инструмент осуществления мировой революции Сталин не верил в мировую революцию. Он сместил акценты на построение социализма в одной стране, на национальную модернизацию. Казалось бы, он должен был забросить Коминтерн, распустить его, как он сделает это позднее. Но Сталин избрал другой образ действий. Он нашел применение Коминтерну, предварительно изменив существо этой организации. Из организации по проведению мировой революции **Коминтерн превратился во вспомогательный орган советской внешней политики**. Из международного союза коммунистических партий он трансформировался в министерство по делам зарубежных компартий с той, правда, разницей, что в его штате состояли не советские, а иностранные граждане. Важной задачей при этом было сделать Коминтерн управляемым. Причем, управляемым не самим по себе, а четко подчиняющемся указаниям свыше. К осуществлению этой цели Сталин осторожно приступил еще тогда, когда во главе Коминтерна стоял Зиновьев. Именно Сталин в марте 1925 года в чехословацкой комиссии ИККИ решительно выступил против того, чтобы ослаблять контроль Коминтерна над деятельностью национальных компартий. Он, в частности, сказал:

"Что касается прав Коминтерна и его вмешательства в дела национальных партий, то я решительно не согласен с некоторыми из товарищей, высказавшихся за сокращение этих прав.

Хотят, чтобы Коминтерн превратился в надзвездную организацию, бесстрастно смотрящую на происходящее в отдельных партиях и терпеливо регистрирующую события. Нет, товарищи, Коминтерн не может стать надзвездной организацией ³³.

Таким образом, уже тогда Сталин стал закладывать фундамент для будущей трансформации Коминтерна. Со временем дисциплина в Коминтерне была значительно укреплена. После победы над троцкистско-зиновьевской оппозицией все сторонники последней были выведены из Коминтерна и исключены из компартий своих стран. Затем то же самое было проделано со сторонниками "правой" оппозиции. В начале 30-х годов организация подверглась дополнительной чистке на предмет устранения любых "ненадежных" лиц. В этом виде Коминтерн вошел в последнее предвоенно-военное десятилетие своего существования, ставшее самым плодотворным в его деятельности.

Первым эпизодом, когда Сталину пришлось по серьезному задействовать иностранных коммунистов в интересах безопасности России, стал политический кризис в Маньчжурии, вызванный началом японской оккупации этого района Китая. Сталинская тактика во время маньчжурских событий настолько показательна с точки зрения воспроизведения существа новой политики Коминтерна, что на этом примере следует остановиться подробнее. К моменту Мукденского инцидента (18 сентября 1931 года), послужившего поводом для начала японской интервенции в Маньчжурии, Сталин имел в своем распоряжении дисциплинированную и хорошо "управляемую" китайскую компартию. Это была уже не та компартия, с которой Сталину пришлось иметь дело в 1925-27 годах. Последний "оппозиционный" генеральный секретарь КПК Ли Ли-сан был устранен со своей должности в конце ноября 1930 года по прямому указанию Исполкома Коминтерна. Хотя Ли Ли-сан был обвинен в китайском варианте троцкизма, действительная причина его отставки заключалась в другом. Это отчетливо следует из письма ИККИ в адрес компартии Китая, где обосновывалась необходимость смещения Ли Лисана. Там, в частности, говорилось:

"... Некоторые опасные нотки прозвучали в выступлениях товарища Ли Лисана. Он позволил себе играть с затасканной теорией всех правых и "левых" ренегатов от коммунизма, что Коминтерн плохо информирован, что в Китае особая ситуация, что Коминтерн не понимает тенденций китайской революции. Он пошел настолько далеко, чтобы противопоставлять лояльность Коминтерну лояльности китайской революции ..., заявив, что после взятия Ханькоу станет возможным избрать другой тон в отношении Коминтерна ... ИККИ убежден, что все члены КПК решительно отвергнут антикоминтерновский подход, что все китайские большевики как один объединятся вокруг политики ИККИ" ³⁴.

Не вызывает сомнения, что Ли Ли-сан пострадал главным образом за свой "антикоминтерновский" подход, иными словами, за свою излишнюю самостоятельность и независимость. Сталину нужны были дисциплинированные исполнители, четко следующие всем указаниям, поступающим из Москвы. Таких людей Сталин имел в лице группы китайских коммунистов - "вернувшихся студентов" или "28 большевиков", как их иногда называли -

которые, закончив университет имени Сунь Ят-сена, были направлены в Китай для проведения практической работы. Этой группой руководил представитель Коминтерна Павел Миф. На 4-ом пленуме ЦК КПК в январе 1931 года "вернувшиеся студенты" полностью поставили высшие органы партии под свой контроль.

К августу 1931 года Сталину стало известно о наличии в японском генеральном штабе оперативного плана захвата Маньчжурии. В середине августа этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро. После долгих дебатов было решено избрать гибкую тактику и в войну на этом этапе не втягиваться. Уже 26 августа ИККИ принял резолюцию о задачах китайской компартии. В ней содержались следующие указания: "создание и укрепление Красной Армии на твердой территориальной основе", "образование центрального советского правительства", "расширение массовой революционной борьбы". Последняя задача подразумевала "формирование все большего и большего числа центров Советской власти и расширение уже существующих Советских районов", а также "координацию революционной борьбы на не-Советских территориях с действиями рабоче-крестьянской Красной армии"³⁵.

Данные указания четко соответствовали той тактической линии, которую избрал Сталин в отношении предстоящей японской агрессии в Маньчжурии. У Сталина были веские основания полагать, что Чан Кай-ши, будет воздерживаться от активного сопротивления японцам, Это отвечало стилю его предыдущей политики, заключавшегося в том, чтобы сталкивать между собой великие державы и извлекать из этого выгоду для себя. На этот раз Чан Кай-ши мог рассчитывать на то, что Соединенные Штаты или Англия, имевшие важные экономические интересы в Китае и обеспокоенные посягательством на свои позиции со стороны японцев, выступят в его защиту. Но в США продолжало действовать изоляционистское законодательство, а Англия, по данным советской разведки, заключила секретное соглашение с Токио о разделе сфер влияния в Китае, в соответствии с которым Северный Китай рассматривался как преимущественная сфера интересов Японии, а Южный Китай - Англии.

В этом раскладе и Чан Кай-ши, и его ближайшие союзники американцы могли рассчитывать только на то, что в Маньчжурии произойдет столкновение японо-советских интересов, которое приведет если не к войне, то к серьезному обострению отношений. Основания для подобных расчетов были довольно весомые, поскольку СССР имел в Маньчжурии весьма значительные интересы в виде Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и связанных с ней объектов. С точки зрения Чан Кай-ши, война между СССР и Японией представлялась, конечно, наиболее предпочтительным вариантом. Обе стороны ослабили бы друг друга. Японию тогда можно было бы легко поставить на место. Да, и потенциал Советского Союза на Дальнем Востоке был бы, видимо, подорван. Но даже, если бы до прямого военного столкновения не дошло, то рост напряженности между СССР и Японией все равно препятствовал бы продвижению японской экспансии на Юг, так как вынуждал бы японцев держать в Маньчжурии крупные силы на случай неожиданного нападения со стороны СССР. А это вывело бы самого Чан Кай-ши из под удара, дало бы ему возможность более или менее спокойно отсидеться до лучших времен.

Перед Сталиным встала непростая дипломатическая задача: с одной стороны, не допустить

втягивания в войну в невыгодных условиях, с другой, отстаивать право собственности и экономические интересы на КВЖД. Дипломатическая тактика Сталина в этих условиях состояла в том, чтобы, во-первых, дать понять японцам, что он не возражает против их оккупации Маньчжурии, если не будут нарушены российские интересы на КВЖД, и, во-вторых, направить дальнейшую японскую экспансию на Юг, чтобы создать условия для обострения отношений Японии с США и Англией и втянуть их самих в конфронтацию с Токио. А это, в свою очередь, заставило бы Вашингтон и Лондон искать расположения Москвы, что отвечало более широким целям глобальной стратегии Сталина. Более того, Сталин был не намерен давать возможность Чан Кай-ши спокойно отсиживаться в ожидании, когда произойдет столкновение между Японией и Россией, и предполагал заставить его поработать в интересах независимости своей собственной страны. Задача китайских коммунистов состояла в том, чтобы, во-первых, организовать давление на режим Чан Кай-ши, подталкивая его на противодействие японской агрессии, а, во-вторых, дестабилизировать японский тыл. Все это должно было лишить японцев стимулов к продвижению на Север, где их ожидал сильный противник - СССР, и создать стимулы для продвижения на Юг, где им противостоял гораздо более слабый противник - Чан Кай-ши.

1 сентября ЦК КПК разослал в советские районы Китая директиву, в которой указывалось, что национальный съезд Советов состоится 7 ноября в очередную годовщину Октябрьской революции. Примечательно, что в письме содержалась критика тактики ведения войны китайской Красной Армией. Эта тактика расценивалась как "партизанщина"³⁶. Упоминание об ошибочной тактике попало в директиву не случайно. Сталин был заинтересован в том, чтобы под командованием коммунистов имелась мощная регулярная армия, способная противостоять японцам и отвлекать на себя их значительные военные силы. Фактически Сталин возвращался к концепции национально-революционной армии, которую отстаивал еще во времена своего недолгого сотрудничества с Чан Кай-ши.

Как и предполагалось, японская агрессия в Маньчжурии не встретила сопротивления гоминьдановских войск. На совещании с военным и политическим руководством в Нанкине 21 сентября Чан Кай-ши заявил, что не следует начинать войну с Японией в связи с внутренними проблемами и военной неподготовленностью. Он предложил обратиться за помощью к Лиге наций³⁷. Коммунисты были готовы к такому развитию событий. 20 сентября ЦК КПК выступил с развернутым заявлением, осуждающим японскую агрессию и требовавшим немедленного вывода войск. Резкой критике была подвергнута позиция руководства Гоминьдана. Лозунгом коммунистов стало "соединение борьбы против японского империализма с борьбой против международного империализма и его агента Гоминьдана"³⁸. В Харбин был срочно направлен влиятельный член ЦК КПК, в обязанности которого входило укрепить руководство партийными комитетами в районах под японской оккупацией³⁹. Одновременно в Нанкине и других городах стали организовываться массовые акции протеста против политики коллаборационизма. Особенно сильный размах получили студенческие выступления. Они достигли своего апогея в середине декабря, когда в Нанкине собралось около 70 тыс. студентов. Они требовали объявления войны Японии. Студенты захватили штаб-квартиру Гоминьдана, здание

министерства иностранных дел и помещение гоминьдановской газеты "Дейли Ньюз". Ситуация стала настолько серьезной, что правительство приказало войскам восстановить порядок и студентам пришлось ретироваться из Нанкина под военным эскортом. Однако, выступления студентов произвели определенный эффект. 15 декабря, в самый разгар беспорядков, Чан Кай-ши заявил о том, что уходит в отставку и покинул Нанкин. Казалось, тактика коммунистов сработала и к власти в Гоминьдане пришли силы, готовые начать освободительную войну против Японии. Но как впоследствии оказалось, отставка и отъезд Чан Кай-ши были лишь ловким политическим маневром, направленным на то, чтобы сбить волну антияпонских выступлений.

Между тем, 7 ноября в провинции Цзянси в соответствии с директивой Коминтерна открылся 1-й Всекитайский Съезд Советов. Съезд провозгласил Советскую республику, избрал руководящие органы и назначил первое Советское правительство под председательством Мао Цзе-дуна. Правительство торжественно заявило о намерении освободить Китай от "ига империализма", вступить в союз с мировым пролетариатом и национально-освободительным движением и установить дружеские отношения с СССР⁴⁰. Хотя в то время коммунисты контролировали довольно незначительную часть Центрального Китая, провозглашение Советской республики имело важное политическое значение. В Китае был фактически создан альтернативный центр власти, готовый конкурировать с Гоминьданом за представительство интересов китайского народа.

На съезде одним из центральных стал военный вопрос. Группа "вернувшихся студентов" настаивала на скорейшем создании регулярной армии, способной вести как мобильную, так и позиционную войну. Мао Цзе-дун, напротив, отстаивал продолжение партизанской войны, доказывая, что она уже показала свою эффективность в борьбе с войсками Чан Кай-ши. Поскольку "вернувшиеся студенты" в то время контролировали ЦК КПК, их точка зрения взяла верх. Она нашла выражение в тактике "продвижения и наступления", принятой китайскими коммунистами. Вот, что говорилось об этой тактике в открытом письме ЦК КПК членам партии, обнародованном в начале декабря:

"Мы должны железной рукой раздавить прогнивший режим контрреволюции и достигнуть решающих побед в наиболее важных провинциях: Хунань, Хубэй, Цзянси, Анхуэй. Эта цель не является более перспективной будущего революционного подъема. Это задача сегодняшнего дня, она стоит в повестке дня и требует немедленного решения"⁴¹.

Тактика "продвижения и наступления" требовала, прежде всего, активных действий со стороны китайской Красной Армии, направленных на расширение Советских районов и соединения их в одну Советскую освобожденную зону, а также занятие важных городов. Помимо этого, предполагалась интенсификация партизанской борьбы в районах под японской оккупацией. На это нацеливала программная статья, опубликованная в центральном партийном еженедельнике 20 ноября. Автор статьи подверг маньчжурских коммунистов острой критике за безынициативность и малоактивность в борьбе с японцами. Вместо того, чтобы выдвигать

абстрактные лозунги, говорилось в статье, партийные комитеты "должны более глубоко уяснить главную задачу и призвать массы Маньчжурии вооружиться, изгнать японских империалистов и создать свое собственное правительство". Статья предписывала поднимать восстания и усилить партизанскую войну; окружать и подвергать налетам города, ключевые транспортные узлы; поднимать солдатские бунты и привлекать солдат на свою сторону; образовывать революционные антияпонские общества; организовывать новые Советские районы⁴².

Впоследствии, после окончания второй мировой войны, Мао Цзе-дун критиковал тактическую линию "вернувшихся студентов", назвав ее "третьим левым уклоном". Председатель Мао был по своему прав. Для китайских коммунистов, располагавших сравнительно малыми силами вести регулярные боевые действия оказалось непосильной задачей. Но одна лишь партизанская война не могла дать того внешнеполитического эффекта, к которому стремился Сталин. Ему было важно, чтобы и на международном и на общекитайском уровне сформировалось впечатление, что в Китае действует альтернативное правительство, альтернативный центр силы, располагающий реальной армией и контролирующей определенную, достаточно обширную территорию. Причем, правительство - настроенное вести войну с Японией. Наличие такого центра, во-первых, ослабляло позиции Чан Кай-ши, как внутри страны, так и за рубежом, подталкивая его таким образом к более твердой линии по отношению к японской оккупации. Во-вторых, это вносило неопределенность в стратегические расчеты японцев, так как они не могли предвидеть в каком направлении будет развиваться политическая ситуация в Китае. Им все время приходилось делать поправку на то, что режим Чан Кай-ши либо падет, либо сам отойдет от политики коллаборационизма и начнет войну с Японией. В сочетании с партизанскими действиями в Маньчжурии, такая ситуация создавала для японцев неустойчивый тыл, при котором они не могли помышлять о серьезной войне против Советского Союза.

К январю 1932 года китайская Красная Армия значительно укрепилась. Ее численность достигла 200 тыс. человек. Удалось пополнить и запасы оружия. В войсках имелось 150 тыс. винтовок⁴³. Но руководство компартии пока выжидало, чем закончится внутрипартийная борьба в Гоминьдане, вызвавшая отставку Чан Кай-ши. Верх взяли коллаборационисты. Они направили Чан Кай-ши своего эмиссара. После недолгих колебаний Чан Кай-ши 21 января 1932 года отбыл обратно в Нанкин. Свое возвращение вождь Гоминьдана прямо объяснил опасениями, что *"правительство под влиянием событий может поддаться давлению и разорвать отношения с Японией"*⁴⁴. Возвращение Чан Кай-ши означало, что войны японцам объявлено не будет и что возможность союза между компартией и Гоминьданом в борьбе против общего врага потеряна. В конце февраля китайская Красная Армия перешла в решительное наступление на территории, контролируемые Гоминьданом. На первом этапе коммунистам сопутствовал успех. В западной части провинции Хубэй им удалось вдвое расширить освобожденные районы, создать реальную угрозу Уханю и вплотную подойти к железной дороге, связывающей Пекин с Ханькоу. 26 апреля Советское правительство объявило войну Японии. Это был, конечно, символический жест, поскольку Советские районы находились далеко от зоны японской оккупации и не могли войти в реальное соприкосновение

с противником. Однако он бил все в ту же цель - подрывал престиж Чан Кай-ши и раздражал Токио.

Успешное наступление Красной Армии не на шутку встревожило Чан Кай-ши. Он стал лихорадочно сколачивать мощную армейскую группировку, но не для войны с японцами, а для борьбы против Советских районов. По различным оценкам ему удалось мобилизовать от пятисот тысяч до миллиона человек. В конце июня он перешел в контрнаступление и нанес ряд серьезных поражений войскам Красной Армии. После этого война продолжалась с переменным успехом до октября 1934 года, когда, уступив превосходящим силам Чан Кай-ши, измотанная в боях Красная Армия начала свой легендарный "Великий поход" на Север. Однако к этому времени тактика "продвижения и наступления" уже сыграла свою основную роль. Международная обстановка была принципиально иной, чем в 1931 году. Завершение в СССР первой пятилетки означало значительное укрепление военно-промышленного потенциала Советского Союза. Японии теперь противостоял гораздо более мощный противник, противник, которого японцы уже не могли рассчитывать победить в одиночку. Между тем, внешнеполитические позиции Японии к тому моменту не только не укрепились, но существенно ослабли. Покинув в 1933 году Лигу наций, Токио фактически оказался в международной изоляции. Заметно ухудшились его отношения с Лондоном и Вашингтоном. Внешнеполитическая обстановка вокруг СССР, напротив, стала более благоприятной. На Дальнем Востоке произошло советско-американское сближение, вылившееся в установление дипломатических отношений. В Европе был подписан пакт о ненападении с Польшей и наметились контуры франко-русского союза. В сентябре 1934 года Советский Союз стал членом Лиги наций. Да, и китайские коммунисты в стратегическом плане не проиграли. Не надо забывать, что, именно благодаря поддержке Сталина, Мао Цзе-дун смог одержать победу над Чан Кай-ши.

Помимо вопросов военной безопасности, в доктрине Сталина значительное место уделялось тем проблемам, которые сейчас принято относить к **экономической безопасности**. По существу, эти две области он рассматривал в неразрывной связи друг с другом. Сталин прекрасно понимал, что обеспечить военно-политическую безопасность страны без опоры на мощный военно-промышленный потенциал невозможно. Видя, что Россия проигрывает технологическую гонку с Западом, Сталин считал самой приоритетной задачей промышленную модернизацию страны. На пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года он говорил:

"... Если исходить из окружающей нас обстановки, то нельзя не признать, что именно она, эта обстановка, диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии ... Мы имеем вокруг себя целый ряд капиталистических стран, обладающих гораздо более развитой и современной промышленной техникой, чем наша страна... Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны ... в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут. Это верно не только с точки зрения построения социализма. Это верно также с точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для

обороны. Невозможно создать такую базу, не обладая высшей техникой в промышленности ⁴⁵.

Отсюда видно, что Сталин по существу разделил два понятия "победа социализма" и "отстаивание независимости". То есть, в его понимании они не противоречили друг другу, но все-таки являлись разными вещами. Отметив эту разницу, Сталин отчетливо показал себя как государственный деятель мыслящий не столько в революционном ключе, сколько в категориях национальных интересов и национальной безопасности. Видоизменив концепцию пролетарского интернационализма, он твердо встал на почву принципов **политического реализма** во внешней политике.

Сталинское представление о характере индустриализации не было поверхностным. Он строил свои расчеты на вполне научной основе. Его не устраивала какая-нибудь индустриализация. Главным элементом его доктрины был курс на создание и развитие отраслей промышленности, производящих средства производства, машины и оборудование. Останавливаться на том, чтобы удовлетвориться производством промышленных товаров потребительского назначения на оборудовании, ввезенном из-за рубежа, он считал неприемлемым. Хотя, если бы он исходил не из интересов безопасности, а из желания ускорить внедрение "социализма", то главный упор следовало бы сделать именно на производство предметов потребления. Этого как раз и добивалась группа Бухарина, отстаивавшая принцип "равновесия" в экономике. Однако Сталин хорошо понимал, что в этом случае Россия неминуемо превратится в аграрно-сырьевой придаток стран Запада, отстанет от них в технологическом отношении и не сможет обеспечить свою политическую независимость.

Поэтому еще на 14-ом съезде партии Сталин выступил с критикой "плана Дауэса", предусматривавшего аграрно-сырьевую ориентацию в экономическом развитии СССР. Он, в частности, заявил:

"Мы вовсе не хотим превратиться в аграрную страну для какой бы то ни было другой страны, в том числе для Германии. Мы сами будем производить машины и прочие средства производства ... Они хотели бы, чтобы мы ограничивались производством, скажем, автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили" ⁴⁶.

Обеспечение экономической безопасности требовало жестких протекционистских мер, позволяющих, во-первых, защитить отечественную экономику от внешней конкуренции, а, во-вторых, не допускать разбазаривания экспорта, то есть вывоза тех товаров, которые были нужны внутри страны. Вполне понятно, что многие экономические структуры, контролируемые сырьевые и сельскохозяйственные отрасли, в отсутствие протекционистских мер, стали бы вывозить сырье, закупать за границей ходовой ширпотреб и получать от его продажи внутри страны максимальные прибыли. Такая обстановка стимулировала бы развитие, прежде всего, сырьевых отраслей и препятствовала бы наращиванию производства средств производства. Россия бы замыкалась на внешние рынки в качестве поставщика сырья и полуфабрикатов,

превращаясь таким образом в аграрно-сырьевой придаток стран Запада.

В связи со спецификой обстановки протекционизм в СССР принял форму монополии внешней торговли, еще в апреле 1918 года. Это произошло по причинам, первоначально не связанным со сталинским планом. Инициатором монополии выступил Ленин, который отводил ей не столько экономическую, сколько политическую роль. Ленин видел в монополии внешней торговли инструмент укрепления Советской власти в ожидании того момента, когда на Западе произойдет социалистическая революция. Сталин же рассматривал ее как рычаг промышленной модернизации, способ защиты внутреннего рынка в период становления национальной промышленности. Не случайно, поэтому в период введения НЭПа, означавшего существенную либерализацию экономических отношений, Сталин присоединился к тем лидерам партии, которые настаивали, на незначительном ослаблении монополии внешней торговли. Ленина, однако, переубедить не удалось и монополия была сохранена в прежнем жестком варианте. Этот вариант вполне устраивал Сталина, когда он принял решение о форсировании темпов индустриализации. Возможно, в период экономического рывка жесткая монополия и была оправдана, но затем чрезмерные ограничения оказались контрпродуктивными для нормального и полноценного экономического развития. Произошло это уже, правда, после смерти Сталина.

Несмотря на ее защитительные функции, Сталин никогда не рассматривал монополию внешней торговли как средство отгораживания от всего остального мира. Полемизируя с Троцким, он как-то заметил:

"Представлять социалистическое хозяйство как абсолютно замкнутое и абсолютно независимое от окружающих народных хозяйств, - значит утверждать глупость. Можно ли утверждать, что социалистическое хозяйство не будет иметь никакого экспорта и импорта, не будет ввозить не имеющихся в стране продуктов и вывозить в связи с этим своих продуктов? Нет, нельзя утверждать. А что такое импорт? Это есть выражение зависимости одних стран от других. Это есть выражение экономической взаимозависимости"⁴⁷.

Таким образом, Сталин относился к монополии внешней торговли не только как к защитительной мере, но и видел в ней эффективный инструмент развития экономических связей с зарубежными странами. Правда, делаться это должно было в интересах всей страны, а не отдельных предприятий или лиц. Сталин даже выдвинул такую специфическую формулу "расширение ... товарооборота с внешним миром на основе укрепления монополии внешней торговли"⁴⁸. При этом он планировал такое "расширение" на довольно длительную перспективу. В далеком 1925 году он предвидел, что наступит время, когда промышленно-развитая Россия вступит в конкурентную борьбу с Западом за завоевание мировых рынков. Характерно, что Сталин не испытывал иллюзий относительно готовности Запада к равноправному и честному сотрудничеству, к справедливой конкуренции. Ему было ясно уже тогда, что Запад своих рынков для России не откроет. Он говорил:

*"Когда мы с внутренним рынком справимся ..., перед нами встанет вопрос о завоевании внешнего рынка. А этот вопрос станет перед нами в будущем, - в этом можете не сомневаться. Едва ли в будущем мы получим возможность рассчитывать на то, чтобы отобрать у капитала, более опытного, чем мы, внешние рынки на Западе. Но что касается рынков на Востоке, отношения с которым у нас нельзя считать плохими, причем эти отношения будут улучшаться, - то здесь мы будем иметь более благоприятные условия. Несомненно, что текстильная продукция, предметы обороны, машины и пр. будут теми основными продуктами, которыми мы будем снабжать Восток, конкурируя с капиталистами"*⁴⁹.

Думается, что Сталин правильно определил стратегическое направление развития внешнеэкономических связей. На этом пути, однако, имелось одно важное препятствие - наличие колониальных империй и особых "сфер влияния" западных государств в таких странах как, например, Китай. Это, естественно, препятствовало проникновению российских товаров в обширные районы "третьего мира", с чем Сталин, конечно, не мог согласиться. Отсюда - его последовательная линия на поддержку национально-освободительных движений в соседних с СССР странах Азии, которые в ту пору представлялись наиболее логичными рынками для российского экспорта.

Внешнеэкономическая стратегия, выбранная Сталиным, остается актуальной и по сей день. Конечно, говорить сейчас о текстильном экспорте на Восток не приходится. Восток сам мог бы завалить Россию текстильными товарами. Но в остальном Сталин был прав. Вооружения остаются главной статьей экспорта на восточном направлении. И этот экспорт будет усиливаться. Другой характерной особенностью российского экспорта в развивающиеся страны является значительная доля в нем машин и оборудования и готовой продукции. Дорога же такому экспорту на Запад остается закрытой. Поэтому экономические связи с Западом стимулируют развитие в России преимущественно сырьевых отраслей, в то время как ориентация на Восток, напротив, дает стимулы росту высокотехнологичных производств.

Впрочем, Сталин и сам не намеревался идти на одностороннее открытие российских рынков для Запада. Основным принципом его доктрины были взаимность и равноправие при экономическом обмене с другими промышленно-развитыми государствами. В случае необходимости он был готов идти достаточно далеко в деле отстаивания интересов российских экспортеров. Попытки введения дискриминационных барьеров против российских товаров немедленно встречали решительный отпор. Об этом наглядно свидетельствует реакция СССР на принятый во Франции 3 октября 1930 года декрет "О мерах контроля за импортом некоторых товаров, происходящих или ввозимых из СССР". Декрет устанавливал, в частности, необходимость получения советскими экспортерами специальных лицензий на ввоз таких товаров как хлеб, лес, сахар, мясо, лен, являвшихся основными статьями российского экспорта. Уже 14 октября полпред СССР во Франции Довгалецкий заявил от имени Советского правительства решительный протест и потребовал отмены дискриминационного режима. А 20 октября Советское правительство в качестве ответной меры приняло постановление "Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный

режим для торговли с Союзом ССР". Декрет предусматривал следующие мероприятия: прекращение или максимальное сокращение заказов и закупок в этих странах; прекращение фрахта судов указанных стран; введение ограничительных правил для транзитных товаров, происходящих или идущих из этих стран; прекращение или максимальное сокращение использования портов, транзитных путей и баз этих стран для транзитных или реэкспортных операций Союза ССР⁵⁰. Указанный декрет не только ударил по французским экспортерам, но и оказал сдерживающее воздействие на другие государства, например, на Бельгию, которые под французским нажимом могли последовать примеру Парижа. В итоге через некоторое время французы были вынуждены отступить. Уже в июле 1931 года они предложили на взаимной основе отменить дискриминационные ограничения.

Таким образом, основные элементы экономической безопасности страны в понимании Сталина сводились к следующему: недопущение отставания от Запада в области передовых промышленных технологий, прежде всего, в военной сфере; создание базы современной промышленности путем преимущественного развития производства средств производства; высокая степень защищенности внутреннего рынка от иностранной конкуренции; государственный контроль над экспортом из СССР стратегического сырья; долговременная цель на перспективу - завоевание восточных рынков и устранение политических препятствий, стоящих на этом пути; политика по установлению равноправного режима в торговле с западными государствами.

Внешнеполитическая доктрина Сталина явилась, по существу, первой развернутой доктриной внешней политики. В отличие от других внешнеполитических доктрин, известных к тому времени, она не сводилась к выборочным вопросам отношений с отдельными странами или регионами. В этом смысле она не может ставиться на один уровень, например, с "доктриной Монро", провозглашавшей Латинскую Америку как преимущественную сферу влияния США, или доктриной "вооруженного нейтралитета" введенной Екатериной II в интересах торговли с восставшими английскими колониями в Северной Америке. Отличительной чертой сталинской доктрины являлась ее целостность. Она закладывала философские основания, некоторые базовые принципы для осуществления всей внешней политики. При этом устанавливалась достаточно очевидная и неразрывная связь с задачами внутренней политики. Внешняя политика обозначалась как инструмент обеспечения внутренних интересов страны. И, наоборот, внутренняя политика должна была способствовать решению внешнеполитических задач.

При формулировании отдельных положений доктрины Сталину удалось избежать издержек схематизма. Он не увлекался излишней детализацией и регламентацией. не стремился раз и навсегда разложить все по полочкам, затвердить как истину в последней инстанции. Напротив, доктрина представляла собой набор гибких, зачастую довольно общих формулировок, связанных внутренней логикой и понятийным аппаратом. При этом имелось главное - ясность цели и общее направление движения к ней. Указанные характеристики обеспечивали Сталину широкую свободу политического маневра и идеологических интерпретаций. Эта особенность новой дипломатии Кремля была подмечена членом британского правительства Иденом во

время его визита в Москву в марте 1935 года. **Прагматизм** сталинского подхода сразу же бросился Идену в глаза. Впоследствии он так описывал то впечатление, которое произвел на него советский лидер:

"Было легко забыть, что я разговариваю с членом партии. Совершенно определенно, было бы трудно найти меньшего доктринера. Я не мог поверить, что Сталин когда-либо увлекался Марксом. Он никогда не упоминал о нем таким образом, что можно было бы сделать подобный вывод ... Сталин, пожалуй, понимал немецкую позицию лучше, чем Литвинов. Последний был настроен против национал-социалистов как таковых, что, без сомнения, обуславливалось их обращением с евреями ..." [51](#).

Действительно, ни национал-социализм, ни фашизм сами по себе не смущали Сталина. Он абсолютно был **лишен всякой идеологической зашоренности** и был готов сотрудничать с кем угодно, если это отвечало национальным интересам СССР. Весьма показательны с этой точки зрения его отношения с Муссолини. Несмотря на то, что в Италии компартия была запрещена, а коммунисты подвергались гонениям, Сталин поддерживал с лидером итальянского фашизма самые сердечные отношения. В мае 1933 года было заключено итало-советское торговое соглашение. В сентябре последовал договор о дружбе, ненападении и нейтралитете. В октябре состоялся визит в Неаполь советских боевых кораблей, а на следующий год Москву посетила итальянская военная делегация. СССР даже разместил в Италии заказы на строительство судов для военно-морского флота.

Аналогичную линию Сталин пытался проводить и в отношениях с Германией после прихода там к власти Гитлера. Советская дипломатия постоянно подчеркивала свою приверженность принципам Рапалло и указывала на то, что разница в идеологических подходах во внутренней политике не может служить препятствием для плодотворного сотрудничества между двумя странами. Поэтому не было ничего противоестественного в том, что в августе 1939 года Сталин неожиданно пошел на заключение пакта о ненападении с Германией ("пакт Риббентропа-Молотова"). В свете сталинской внешнеполитической доктрины этот дипломатический маневр был более, чем логичным. Тот факт, что западная дипломатия оказалась не в состоянии просчитать и предвидеть такой поворот событий, свидетельствует не в пользу этой дипломатии, спасовавшей перед лицом более искусного противника.

Внешнеполитическая доктрина Сталина, как и любая другая доктрина, основанная на принципах **политического реализма**, не была связана с категориями этики и морали. Ключевым элементом доктрины, ее стержнем являлось обеспечение **национальных интересов**. А интересы и мораль - вещи совершенно несовместимые. Поэтому применение при оценке сталинской дипломатии моральных критериев, вряд ли, можно считать обоснованным. Во всяком случае это выглядело бы столь же странно, как, например, осуждать британского премьер-министра Дизраэли за его известную фразу о том, что у Англии нет вечных друзей и союзников, зато есть вечные интересы, или обвинять в аморальности одного из самых выдающихся дипломатов в истории Талейрана. Нельзя осуждать за это и Сталина,

поскольку именно приверженность принципам политического реализма лежала в основе его успехов во внешней политике, было главным секретом его дипломатических побед.

Примечания

1. Документы внешней политики СССР. Т.10. М.: Политиздат, 1965. С.350.
2. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition. P.252-253.
3. The Goebbels Diaries / Trans. and Ed. by L.P.Lochner. London: Hamish Hamilton, 1948. Pp.277-278.
4. Сталин И.В. Сочинения. Т.10. С.53.
5. Троцкий Л. Сталин. Т.2. С.236.
6. Революционный псевдоним Сталина.
7. Революционный псевдоним Литвинова.
8. Litvinov M. Op. cit. P.134.
9. Stalin J.V. Works. Vol.12. P.261-263.
10. Litvinov M. Op. cit. P.157.
11. Сталин И.В. Сочинения. Т.11. С.248-249.
12. Tucker R.C. Op. cit. P.116-117.
13. Stalin J.V. Works. Vol.13. P.40-41.
14. Ibid. P.106-107.
15. Ibid. P.112.
16. Tucker R.C. Op. cit. P.53.
17. Цит. по: Stalin J.V. Works. Vol.1 [XIV], 1934-1940. The Hoover Institution. P.4.
18. Ibid. P.5.

19. Ibid. P.9.

20. Ibid. P.9.

21. Сталин И.В. Сочинения. Т.7. С.72.

22. Там же. С.273.

23. Там же. С.11, 14.

24. Там же. Т.9. С.324-325.

25. Там же. Т.10. С.291.

26. Там же. Т.9. С.328.

27. Там же. Т.11. С.51.

28. Там же. Т.6. С.265-266.

29. Там же. Т.7. С.101.

30. Там же. Т.9. С.149.

31. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.2. P.513.

32. Ibid. P.512.

33. Сталин И.В. Сочинения. Т.7. С.67.

34. The Communist International. 1919-1943. Documents. Vol.3. P.141.

35. Ibid. P.170, 173.

36. Waller D.J. The Kiangsi Soviet Republic. Berkeley: University of California, 1973. P.26.

37. Furuya K. Op. cit. P.324.

38. Kim Y.N. The Communist United Front Movement in China. 1931-1937. Ph.D., Georgetown University, 1965. P.73.

39. Lee, Chong-Sik. Revolutionary Struggle in Manchuria. Berkeley: University of California Press, 1983. P.145.

40. Waller D.J. Op. cit. P.44.
41. Kim H.N. Op. cit. P.73.
42. Lee, Chong-Sik. Op. cit. P.131-132.
43. Ch'en, Jerome. Mao and the Chinese Revolution. London: Oxford University Press, 1965. P.175.
44. Furuya K. Op. cit. P.347.
45. Сталин И.В. Сочинения. Т.11. С.247-248.
46. Там же. Т.7. С.354-356.
47. Там же. Т.9. С.132.
48. Там же. Т.10. С.291.
49. Там же. Т.7. С.29.
50. Документы внешней политики СССР. Т.13. Госполитиздат, 1967. С.584.
51. Eden A. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. Boston: Houghton Mifflin, 1962. P.153.

[Глава 2. Опыт китайской стратегии](#)

[Заключение](#)

**ЗА
СТАЛИНА**

[На главную страницу](#)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ внешнеполитической доктрины Сталина показал, что она базировалась на принципиально отличной от марксизма-ленинизма философско-мировоззренческой системе, хотя и была связана с последним использованием однотипного понятийного аппарата. Сталинская система взглядов представляла собой специфический, оригинальный сплав традиционализма и революционности. Традиционализм состоял прежде всего в широком использовании Сталиным исторического опыта как в сфере классической дипломатии, так и специфического опыта развития российской государственности. Наиболее важным, что он заимствовал из опыта русской истории была политика государственной индустриализации, примененная впервые еще Иваном Грозным и получившая особо широкое развитие при Петре I. Не случайно, Сталин упоминал время от времени то того, то другого при обосновании задач промышленно-технологического рывка. Это, естественно, не могло не обратить на себя внимания некоторых биографов Сталина. Например, Б.Суварин в 1939 году писал:

"Советский строй, как и царизм, но в чрезвычайной степени, стремится к искусственной индустриализации путем повсеместного и постоянного вмешательства государства, защищенного запретительными таможенными пошлинами ... Петр Великий ввел государственную монополию на торговлю предметами первой необходимости и на всю внешнюю торговлю. В его царствование развился своего рода государственный капитализм"¹.

Далее Суварин приводит статистику о том, что после Петра в России осталось 730 заводов, по большей части основанных им самим. Во времена Екатерины количество заводов утроилось. При Александре I - более чем удвоилось. При Николае I - почти удвоилось. Причем, делалось это преимущественно государством. В итоге Суварин приходит к выводу, что последователи Петра I в целом следовали в русле его политики государственной индустриализации. Это продолжалось вплоть до 19-го века, когда **"капитализм вернул свои права"**. Но и тогда роль государства **"оставалась решающей для прогресса промышленности и транспорта"**².

Обращение Сталина к русскому государственному индустриализму на рубеже двадцатых-тридцатых годов нынешнего столетия не было случайным. При всех существенных различиях, положение СССР после революции во многом напоминало ту международную обстановку, в которой находилось Русское государство в 16-17 веках. Окруженное со всех сторон врагами, оно было вынуждено вести отчаянную борьбу за выживание. Сталину не оставалось ничего другого как воспользоваться опытом своих великих предшественников, обеспечивших зажатой в тиски России победу над всеми ее противниками. Сталин понимал, что индустриализация необходима, иначе "нас затрут". Поэтому он начал и осуществил в России то, что можно охарактеризовать как **национальную модернизацию по восточному образцу**. Запад не знал и не имел прецедентов таких форм экономического развития. В дальнейшем по схожему пути пойдут Япония и так называемые "азиатские тигры", хотя в них размах и масштабы преобразований намного уступали гигантским свершениям сталинской эпохи. Но это и понятно, поскольку и размеры указанных стран и грандиозность исторических задач, стоящих

перед ними были несравнимы с российскими. Тем не менее, страны Азии, выбравшие этот путь, уже в течение долгого времени являются наиболее динамично развивающейся группой государств мира. Они стабильно удерживают лидерство над Западом в темпах экономического роста и, видимо, скоро будут в состоянии обойти Запад по основным экономическим параметрам. Особая нелюбовь к Сталину на Западе объясняется, видимо, как раз тем, что он доказал возможность альтернативного западному пути экономического развития.

Сталин провел национальную модернизацию под флагом марксизма-ленинизма. Но это не имеет принципиального значения. Продолжая сохранять внешнюю приверженность этой теории, он сумел направить разрушительную революционную энергию народа в позитивное, созидательное русло. Он воплотил в себе национальную волю русского народа и беспощадно провел ее в жизнь. Модернизация состоялась, и выживание русской нации и союзных с ней народов было обеспечено. Мощный промышленно-технологический рывок третий раз в истории спас Россию от уничтожения враждебными силами. Успешно выявив преемственность политической философии Сталина с русской государственной традицией, западные исследователи, как правило, заходят в тупик и не могут раскрыть революционной стороны сталинской доктрины. Поэтому в большинстве случаев они вынуждены ограничиваться констатацией расхожей формулы о том, что эта доктрина все-таки представляла собой обычный, хотя и несколько видоизмененный, марксизм-ленинизм. Именно в этом и состоит слабое звено западного подхода и, в частности, традиционалистской школы, поскольку нельзя совместить русскую политическую традицию и марксизм-ленинизм, также как, например, нельзя совместить католицизм и ислам. Не удивительно поэтому, что такое совмещение породило множество ошибочных трактовок политики Сталина, причин и мотиваций его действий. Одной из распространенных ошибок явилось, например, представление о Сталине как центристе, который поочередно примыкал то к левому, то к правому крылу партии. Такую интерпретацию дает, в частности, И. Дейчер, хотя даже он вынужден признать специфический характер сталинского "центризма". По мнению Дейчера:

"Сталину постоянно приходилось делать неожиданные и необычайно резкие прыжки то в ту, то в эту сторону политического спектра. Раз за разом мы видим его либо намного правее его правых критиков, либо намного левее его левых критиков. Его периодические резкие повороты являлись конвульсивными попытками центриста удержать равновесие в катаклизмах своего времени ... Он появлялся перед партией с формулами, некоторые части которых были заимствованы им от правых большевиков, а некоторые от левых большевиков. Но это были странные компромиссные формулы: их цель состояла не в том, чтобы совместить крайности, а в том, чтобы взорвать и уничтожить их"³.

Неспособность Дейчера объяснить сущность сталинского "центризма" связана с тем, что он пытается сделать это в рамках марксистской теории. В действительности, политическая философия Сталина лежала в несколько иной плоскости, чем марксизм. С поразительной последовательностью и упорством он проводил в жизнь свою собственную доктрину, которая не была ни правой, ни левой, ни центристской, а просто была другой. Сложность, однако, состояла в том, что Сталину приходилось оперировать на поле, где преобладали люди,

мыслящие в марксистских категориях и искать среди них союзников. Поэтому он был вынужден присоединяться к тем из них, чьи позиции в каждый конкретный момент совпадали с интересами его стратегического замысла. Когда же данный этап завершался, Сталин избавлялся от своих незадачливых попутчиков и присоединялся к другой группировке. Отсюда - впечатление о его метаниях и прочее. Внутрипартийные коалиции были нужны Сталину до того момента, когда он сосредоточил всю полноту власти в своих руках и мог более или менее спокойно приступить к реализации собственной программы.

Сталинизм в его философском аспекте, отразил в себе идеологию **русского национального социализма**, разработанную патриархом русской социалистической мысли А.И.Герценом и развитую затем в трудах русских революционеров-народников. Позднее концепция русского социализма легла в основу программы партии социалистов-революционеров (эсеров). Разгромленная интернационал-коммунистами при помощи иностранных войск (латышских стрелков) в роковые дни 6-7 июля 1918 года, народническая идея не умерла. Она продолжала жить в многомиллионной массе русского крестьянства. "Термидор" Сталина, происходившего, кстати, из православной крестьянской семьи, стал историческим реваншем русского социализма над чужеродным, привнесенным с Запада марксизмом. Характерно, что и левые, и даже правые эсеры приветствовали политику построения социализма в одной стране. На это не преминул обратить внимание Троцкий, который в 1927 году писал в платформе оппозиции:

"Не случайно, "теория" социализма в одной стране была тепло встречена социалистами-революционерами, как правыми, так и левыми. Сам Чернов писал по этому поводу о "коммунистическом народничестве" Сталина и Бухарина. В публикации левых социалистов-революционеров читаем: "Сталин и Бухарин подтверждают, точно также как народники, что социализм может победить в одной стране" (Знамя борьбы. №17-18, 1926). Социалисты-революционеры поддерживают эту теорию, потому что видят в ней отказ от ориентации на мировую революцию"⁴.

Сталин как никто другой среди большевиков понял глубинную, цивилизационную сущность русской революции, ее направленность не только и не столько против прошлого, сколько против будущего, против той западно-либеральной модели развития, которую пытался навязать России европеизированный правящий слой - тот самый слой, который, по словам Бердяева, был "совершенно чужд народу-крестьянству" и воспринимался им "как мир другой расы, иностранцев"⁵. В годы "великого перелома" Сталин почти один к одному реализовал основные элементы народнической программы. Это касается и "социализма в одной стране", и развития крупной промышленности под эгидой государства, и артели в мелкой промышленности, и новой формы крестьянской общины в сельском хозяйстве. В подтверждение данного вывода можно привести следующую выдержку из книги известного экономиста-народника В.Воронцова:

"... Идя капиталистическим путем, мы не создадим у себя высокоразвитой механической промышленности ... Но мыслим и иной путь промышленного прогресса ... Первый способ

*приложим в настоящее время к тем производствам, которые легко доступны для артельной организации, к числу последних не принадлежит механическое дело, и потому к нему должен быть приложен второй способ. Для этого необходимо, чтобы производство находилось в руках учреждения, не столько заинтересованного в его минутных материальных успехах, сколько заботящегося о прочной постановке дела и относящегося к вопросу с точки зрения общественной пользы. Таким учреждением является правительство; оно и должно заведовать интересующими всех в настоящее время промышленными предприятиями. В России так оно и было до последнего времени: наша крупная промышленность явилась на свет божий по желанию правительства, и некоторые его отрасли наполовину оставались в его прямом заведовании, другие оно поддерживало пособиями и заказами*⁶.

Таким образом, еще в далеком 1882 году Воронцов правильно предсказывал, как пойдет промышленное развитие России после социалистической революции. Возможно, именно из этого, или из какого-нибудь другого аналогичного источника и был навеян тот политический курс, который в конце 20-х годов избрал Сталин. Преимущество народнической идеологии, перед марксизмом, состояло в том, что она с самого начала базировалась на национальном опыте, на русской традиции. Государственный индустриализм столь же органически вписывался в эту идеологию, сколь и различные атрибуты социализма, такие как артель и община. Это и предопределило тот факт, что народническая модель более адекватно отразила российскую действительность и оказалась в состоянии дать практические ориентиры реальной политике.

С учетом вышесказанного, систему философских взглядов, на которой основывалась внешнеполитическая доктрина Сталина, можно было бы условно обозначить **как русский национально-государственный социализм**. Причем, сразу же необходимо провести различие между этой доктриной и немецким национал-социализмом. В отличие от сталинской, доктрина Гитлера базировалась не на общенациональной, а на расистской предпосылке, предусматривающей превосходство германской расы над всеми другими. Ничего подобного ни у русских народников, ни у самого Сталина найти не удастся. В основе русского социализма лежало не этническое происхождение того или иного лица, а принцип гражданства, принадлежность к многонациональному народу России. Другой важной отличительной чертой было то, что в практике нацистской Германии было очень мало чего-либо по-настоящему социалистического. В этом смысле Гитлер заметно уступал даже Муссолини, который все-таки пытался осуществить кое-какие социалистические преобразования.

Национально-государственный социализм в России просуществовал недолго - чуть более двадцати лет. Затем он стал подвергаться эрозии. После смерти Сталина первый мощный удар по всей идеологической структуре нанес Хрущев. Стремясь захватить власть, он сделал ставку на силы троцкистско-зиновьевской ориентации. Реванш интернационал-коммунистов произошел на 20-ом съезде КПСС, хотя восстановить полностью утраченные позиции им тогда не удалось. Тем не менее, был вновь возрожден миф о мировой революции. Вместо того, чтобы поддерживать контроль над традиционной российской сферой влияния в Евразии, как это делал Сталин, Хрущев стал вторгаться в регионы, не имеющие для СССР ни стратегического, ни

политического значения - в Африку и Латинскую Америку. Это вело к нещадному разбазариванию национальных ресурсов и подрывало экономическую мощь страны.

Свой "последний и решительный" натиск интернационал-коммунисты предприняли во второй половине 80-х годов. На этот раз их идеология претерпела определенные корректировки, призванные отвечать новым международным реалиям. В ход были пущены туманные лозунги "нового политического мышления", "взаимозависимости", "общеевропейского дома" и "общечеловеческих ценностей". Таким образом интернационал-коммунизм проделал замысловатую, но вполне логически и политически обусловленную эволюцию в интернационал-космополитизм. Также как и в хрущевские времена борьба с национальной идеей обрела форму борьбы со сталинизмом. В яростных идеологических схватках последних лет "перестройки" интернационал-космополитизм показал свою полную несостоятельность и потерпел политическое поражение. Но достигнуто это было очень дорогой ценой. Реакцией на горбачевскую политику стал мощный подъем этнического национализма, который, вырвавшись наружу, привел к развалу Советского Союза. После этого большая часть интернационал-коммунистов перекочевала в лагерь сторонников западного либерализма, то есть заняла естественную для себя область политического спектра. В настоящее время основная борьба в России развернулась между этой малочисленной, но весьма активной прозападной группировкой и всеми патриотическими силами от национал-коммунистов до жириновцев.

Примечания

1. Souvarine B. Stalin. N.-Y.: Longmans, 1939. P.542, 561.
2. Ibid. P.541, 561.
3. Deutscher I. Op. cit. P.296.
4. Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition. P.374.
5. Бердяев Н. Указ. соч. С.111.
6. Воронцов В. Судьбы капитализма в России // Народническая экономическая литература. М.: Соцэкгиз, 1958. С.426-427.

Глава 3. Формирование внешнеполитической доктрины

[На главную страницу](#)